

ВЛАДИМИР СТЕПАНЕНКО • НА ЗОЛОТЫХ ПЕСКАХ

ВЛАДИМИР СТЕПАНЕНКО

НА ЗОЛОТЫХ ПЕСКАХ

ДЕТГИЗ - 1960

Цена 3 р. 40 к.

С 1/1 1961 г. — 34 коп.

ВЛАДИМИР СТЕПАНЕНКО

НА ЗОЛОТЫХ ПЕСКАХ

Повесть

Рисунки

Л. Голованова

**Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960**

Знаете ли вы, ребята, какую рыбу ловили Том Сойер и Гекльберри Финн на знаменитой реке Миссисипи?

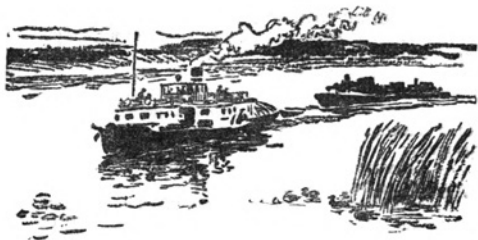
Ромка Кузьмичев, герой повести В. Степаненко, стал обладателем этой редкой рыбы в Туркмении, куда он поехал с отцом на строительство канала в песках Каракумов.

А что такое карадрина, афганец, саям алейкум?

Много интересного узнал Ромка в стране золотых песков, которую замечательные советские люди превращают в чудесный, цветущий сад.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге посылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Глава первая

НА НОВЫЕ МЕСТА

После теплых мартовских дождей по Аму-Дарье прошла шуга. Свежий ветер разогнал низкие облака. Солнце стало плавиться в каждой луже, в бегущей воде арыков, в маленьких озерцах. Земля жадно задышала. В степи выбивалась тонкая трава. На рыжих лысынах солончака заблестела соль. Ветер перекачивал ее, и она скрипела.

Но как ни ярко светило солнце, вода в Аму-Дарье оставалась все такой же черной.

Однажды на рассвете, развернувшись вновь покрашенной желтой кормой, грузовой пароход «Аральск» отвалил от пристани и повел баржу под погрузку. Он готовился уйти в свой первый рейс. Еще не успел смолкнуть раскатистый отходной гудок, как в плотном тумане скрылись высоко сидящая баржа, капитанский мостик и, наконец, большая закопченная труба парохода.

Среди многочисленных пассажиров на пристани стоял и Ромка Кузьмичев. Это был белобрысый мальчуган лет тринадцати, веснушчатый, большеротый, с загоревшим лицом и красными, обветренными руками. Из тумана некоторое время еще долетали до Ромки голос матроса

да глухие удары плиц по воде. По этим звукам мальчик догадывался, что пароход не ушел далеко и медленно тащится в тумане против течения.

Больше недели Ромка вместе с родными ждал открытия навигации. Это были томительные дни. Мать ходила по огородам. Ее радовали высокие стрелки лука, зеленая ботва картошки. Всплескивая руками, она возбужденно говорила:

— Посмотрите, какой лук! Вот и верь. А пугали, что здесь ничего не родится!

И, быть может, оттого, что мать убеждалась в небывалой щедрости здешней земли, она перестала бояться Туркмении, куда с опаской поехала за мужем.

Ромка не обращал внимания на огороды. Он находил на пристани много интересного и занимательного. Подготовленные к отправке тракторы, бульдозеры и экскаваторы, раскаленные солнцем, угарно дышали тавотом; машины всегда интересовали мальчика, и он готов был целыми днями смотреть на них.

Но больше всего Ромке нравилось ходить около штабелей бревен и досок. Их смолистый запах волновал мальчика и сближал этот маленький участок среди песчаных бугров, незнакомой жесткой травы и солончаков с его далекой родиной. Стоило Ромке на минуту закрыть глаза, и в памяти его вставал сосновый бор возле Ворожея.

«И зачем только отец сюда напросился? — с горечью думал Ромка. — Разве на заводе ему было плохо?» Глубоко обиженный, он осуждал поступок отца.

Видно, потому, что надо успеть к посевной, в первую очередь на баржу грузили тракторы, бульдозеры, канавокопатели и множество других машин. Узнав, что они направляются на ту машинно-экскаваторную станцию, где он должен работать, отец вызвался руководить погрузкой и, как ушел с вечера на баржу, так до сих пор еще не возвращался.

За время ожидания пассажиры на пристани успели между собой перезнакомиться. У Ромки даже появились новые товарищи. Это был местный паренек Раджабули, матрос Ахмед и девочка Айнабад.

Раджабули ежедневно рано утром появлялся на реке с двумя удочками. Ромка зачарованно смотрел, как

он ловит сомят. Позже, когда Раджабули уходил, Ромка встречался с Ахмедом. В большой черной папаше он совсем не походил на матроса. Но это сразу забывалось, когда Ахмед принимался рассказывать о реке, далеком Аральском море, о своем пароходе. Приятно было видеть его за работой. Мыл ли он палубу или подкрашивал что-нибудь — все Ахмед делал одинаково ловко и быстро.

Когда из города приходил автобус, появлялась Айнабад. Ее маленький, толстый отец, Борис Дурдыевич, здоровался и неизменно спрашивал, что произошло нового за ночь.

Ромка подробно рассказывал все новости, не забывая сказать, сколько сомят поймал Раджабули, что делал Ахмед.

Познакомился Ромка и с молодым бульдозеристом, волгодонцем Петром Егоровичем. Впрочем, Петра Егоровича все знали — он много и охотно рассказывал о стройках, на которых работал, и о себе. Но в это утро и он молчал, видно взволнованный предстоящей поездкой по большой и грозной реке.

Время тянулось медленно. Уже туман стал подниматься, и проглянуло солнце. Гудок парохода раздался неожиданно. Звук его достиг берега и, наталкиваясь на стальные громады машин, стал уже затихать. Но вдруг бревна и доски, каждый штабель на свой лад, в разную силу повторили гудок эхом.

У Ромки не было времени разобраться, как это произошло. Гудок парохода усилил его волнение. «А что, если сейчас посадку объявят? — подумал он и с ужасом посмотрел на мать. — Нам с ней всех вещей не поднять!»

Пароход выполз из клочковатого тумана весь в искрящихся каплях воды. За кормой смутно темнел силуэт баржи. Сбросили сходню. Пассажиры засуетились, подхватили чемоданы.

Мать повернулась и взволнованно посмотрела на Ромку. В уголках ее глаз дрожали слезы.

— Ничего, справимся сами, — сказал Ромка, успокаивая мать.

А пассажиры тем временем торопливо двинулись по сходням на пароход.

Ромка схватился за самый большой чемодан, но не смог даже сдвинуть его с места.

— Давай помогу, — с готовностью предложил Ахмед, уже успевший сменить большую черную папаху на фуражку речника.

Ромка стеснялся принять помощь.

— Ай, бала!¹ — Ахмед легко подхватил чемодан и прошел на пароход. Он долго ходил по заставленной палубе, переступая через узлы и ящики и отыскивая свободное место.

— Ромка, иди к нам! — позвала Айнабад.

Девочка сидела, взобравшись с ногами на большой тук. Сразу было видно, что устроилась она хорошо и надолго.

Айнабад — ровесница Ромки, но рядом с ним, коренастым, сильным, походила на тонкий, гибкий прутик лозы. Это сходство дополнял еще темный цвет лица. Гладко зачесанные на пробор черные волосы ее были разделены на две длинные косы.

— А где отец?

— На барже, машины грузит!

— Копаются и нас задерживает! — Айнабад капризно поджала губы. — Без этой баржи мы бы давно ушли!

Ромка промолчал. «Тоже берется рассуждать! А что понимает? Не каждый, даже очень опытный тракторист въедет по узкому трапу на высокую баржу и сумеет там так развернуться, чтобы не слететь за борт».

Отец ехал работать начальником планировочного отряда. Эта новая должность отца и озадачивала Ромку. Будь отец механиком, все было бы проще: мальчик хорошо знал эту работу.

Второй гудок заставил Ромку подбежать к борту. Но, как он ни вглядывался в рыжий песчаный берег, отца нигде не было видно.

Айнабад, склонившись над чемоданом, что-то старательно записывала в общую тетрадь. «Наверное, дневник ведет, — подумал Ромка и почесал шелушившийся нос. — Воображает, что путешественница!» Эта мысль на короткое время развеселила его. Устроившись поудобнее, он стал присматриваться к девочке, стараясь отыскать в ней какие-то новые смешные стороны.

¹ Бала — мальчик.

Сзади незаметно подкрался высокий мальчуган в цветном халате и хлопнул Ромку по плечу.

— Не ждал? Думал, обманул, да?

Ромка вскочил на ноги. Перед ним стоял Раджабули, высокий, сильный, в цветной тубетейке, с пионерским галстуком на шее. Даже без папахи он был значительно выше Ромки.

В волнении и суматохе этого беспокойного утра Ромка совсем забыл об обещании Раджабули прийти его проводить. Оторопело посмотрев на Раджабули, он выпалил:

— Решил, что надул!

— Эх, ты! — Раджабули обиженно жестикулировал, стараясь лучше выразить свое недовольство. — Джигит слово дал — держит! Это запомни. Возьми рыбу. Подвесь ее к потолку, чтобы кошки случайно не сцапали. — Он поправил пионерский галстук. — Если идет к дождю — хвост отойдет в сторону. Помни, рыба эта очень редкая. Ее еще Том Соьер с Гекльберри Финном ловили.

Ромка так выразительно посмотрел на товарища, что Раджабули понял: ему не верят.

— Говорю тебе, ловили. Эта рыба водится в Миссисипи и у нас в Аму-Дарье.

Ромка почувствовал, как у него потеплели ладони и жаркий румянец разлился по щекам. Он торопливо взял коробку и развязал веревку. На мягком хлопке лежала небольшая серая засушенная рыбка с плоской головой. Хвост у нее был длинный и острый, как карандаш.

— А хвост — как у крысы!

— Выдумал! Говорю тебе, это редкая рыба. Называется по-научному «скафиринх». Запомни: если к дождю, хвост повернется вправо. Обязательно на ниточку повесь.

Еще Раджабули нужно было сказать, что он видел Ромкиного отца у отдела перевозок с какими-то документами в руках. Может быть, он собирается ехать на барже.

— Кто тебе сказал? — испуганно спросила Ромкина мать и подалась вперед. — Неужели мы одни останемся? У него и продуктов нет!

— Тогда придет сюда, — уверенно заключил Раджаб-кули.

Ромке хотелось отблагодарить товарища. Он дотронулся до кармана, где в плоской коробочке из-под леденцов лежали рыболовные крючки и сатурновая леска. Но тут же рука непроизвольно скользнула куда-то вниз. Ромке стало жалко расставаться со своими сокровищами.

Раджабкули отвернулся и внимательно разглядывал берег. Как был благодарен ему Ромка за выдержку!

— Возьми мою снасть! — Ромка облегченно вздохнул, как будто перебежал через глубокий овраг. — Знаешь, какой это сатурн!

Только истинный рыболов мог по-настоящему оценить подарок.

— Твой отец задерживает пароход! — прокричала Айнабад.

— Заладила! А знаешь, что все грузы для посевной отправляют в первую очередь? Это не строительство, куда и опоздать можно! Правда, Раджабкули?

— А канал, по-твоему, не важная стройка? Кто даст воду? — возмутилась Айнабад.

— Я пошел. — Раджабкули крепко пожал Ромке руку.

Подул ветер. Туман подымался все выше. Вот в его рваных просветах показался низкий левый берег с прошлогодним камышом. Из-за рыжих метелок выглядывали горбатые барханы. С их вершин безостановочно тек песок. Пыль дрожала маленькими облачками.

С парохода дали последний гудок. Два матроса подхватили сходню и выбросили ее на берег.

— Отдать кормовой! — протяжно прокричал капитан.

Ромка знал эту команду. Он обернулся и посмотрел на мать. Она стояла, низко опустив голову.

— Мам, а мам! — позвал он.

Матрос на пристани снял с кнехта¹ толстый канат и бросил его в воду. И тут появился отец. Обежав матроса, он с разбегу прыгнул на палубу отходящего парохода.

— Эй, шайтан! — испуганно вскрикнул матрос.

— Папа! — Ромка бросился навстречу отцу.

— Иду, иду!

¹ Кнехт — парные тумбы для закрепления на них буксирных или швартовых тросов.

Тяжелые кирзовые сапоги застучали по палубе.

— Варвара, как не стыдно! Ты плакала? — Отец положил большую, широкую ладонь на плечо матери. — Ну куда бы я делся? Мог бы и на барже плыть!

Мать торопливо вытирала слезы.

— А ты, Роман Васильевич, тоже хорош — чуть сам не раскуксился! — потрепал отец Ромке волосы. — Думаешь, легко было грузить? Если бы одни только наши грузы, а то их вон сколько.

«Аральск» выходил на стремнину реки. Здесь Амударья была особенно грозной, ярилась и шумела, перекачивая подвижное песчаное дно.

Ромка жадно смотрел вперед. Город кончился. Пропала зелень садов, огородов и полей. Берега потянулись серые, однообразные. Барханы то отступали, то спускались к самой воде. И, когда пароход проходил близко от берега, Ромка чувствовал горячее дыхание песков.

Ромка первый раз плыл на пароходе. Все было интересным и новым. Но больше всего его привлекала машина. Может быть, потому, что отец был механиком и всегда имел дело с различными машинами, Ромка чувствовал особое влечение к инструментам, ключам, болтам, гайкам и железкам. Он хорошо разбирался в работе четырехтактного двигателя, умел поставить зажигание, паял и, чем особенно гордился, пробовал управлять автомобилем.

Собираясь осматривать пароход, Ромка подумал, что хорошо бы позвать Айнабад. Но девочка спала, свернувшись клубком на чемодане и подложив под голову ученический портфель.

После бессонной ночи все пассажиры спали. Один Ромка ожесточенно тер глаза: боялся пропустить самое интересное.

Пробили склянки. Ромка вскочил и оторопело посмотрел на реку. Но, пока он спал, ничего особенного не произошло, и берега оставались все такими же пустынными.

— Садись, соня! — добродушно сказал отец.

Перевернутый чемодан был приспособлен под стол. На разостланном вафельном полотенце горой лежали редиска, хлеб, масло.

— Борис Дурдыевич, Айнабад, с нами чай пить! —

позвала Варвара Федоровна. — Чайник большой вскипятили, на всех хватит!

Борис Дурдыевич не заставил просить себя дважды. Хотя он успел снять тяжелые, гремящие сапоги, двигался он, как всегда, шумно. На этот раз хлопали желтые тапочки со стоптанными заматыми задниками. Они поочередно слетали с его ног.

Смотря на притопывающего отца Айнабад, Ромка принялся тихонько подпевать:

— «Барыня, барыня, барыня-сударыня!»

Вместе с отцом подошла и Айнабад. В ее больших, широко расставленных черных глазах теплился смех.

— Вы меня на этот чайник звали? — улыбнулся Борис Дурдыевич. — Как хотите, но здесь всего на две пиалы. Даже малую жажду не утолишь!

— Значит, на новое место, Борис Дурдыевич? — спросила мать и вздохнула.

— На новое. Так за женой и езжу по свету, меняю одну больницу на другую. Скоро больные такому доктору и доверять не станут. Мы с Айнабад изучаем географию нашей страны по железным дорогам. А теперь к этому еще и реки прибавились. Мы на канал едем. Жена там — главный инженер. А вы в колхоз?

— В машинно-экскаваторную станцию, — быстро ответил за мать Ромка.

— Мы тоже не хуже вас путешественники! — Мать осуждающе посмотрела на мужа. — За шесть лет третий раз переезжаем. С завода ушел. И квартира была хорошая и заработок... Ромку с учебы сорвали.

— Механиком будете работать?

— Хорошо бы механиком, а то начальником планировочного отряда.

— Планировочного? — удивленно переспросил Борис Дурдыевич, словно ослышался, и вполоборота посмотрел на Ромкиного отца. — Что же это за отряд?

— Вы его не спрашивайте, — сказала мать. — Он и сам не знает. Он механиком хотел работать, а в министерстве предложили новую должность.

— Ну что ты зря говоришь? Кажется, все объяснил. Работа та же самая, но объем шире. Здесь переходят на новую систему орошения, и теперь, кроме обычных машин, планировочному отряду придаются бульдозеры,

скреперы, экскаваторы. Как я понял, надо землю планировать, новые поля делать. Одно знаю, — отец виновато улыбнулся: — работы много, и будет она интересная!

Ромка с досадой подумал: «Знаю я эту интересную работу! Тракторы и тракторы. Другое дело — Айнабад. На строительстве канала будет что посмотреть!»

От берега отделилась огромная глыба земли и с пушечным грохотом упала в воду.

Все обернулись, а Айнабад испуганно вскинула голову и побежала к борту.

— Видела, как берег упал? — возбужденно спросил у нее Ромка. — Оттого и вода в реке такая грязная, что в ней земли много!

— Это ил. Папа говорил. Аму-Дарья несет ила больше, чем Нил.

— Земля и ил — это одно и то же! — заспорил Ромка.

Около ребят остановился Ахмед. Ромка попросил его рассказать об Аму-Дарье.

Ахмед погрозил реке кулаком и назвал ее шайтаном. Потом он сказал, что река бежит большой дорогой. На Памире ее Вахшем зовут, ниже — Пянджем, а здесь — Аму-Дарья, «бешеная река».

— Это — дегиш¹.

— Так она все берега снесет, — убежденно сказал Ромка.

— Берега! — засмеялся Ахмед. — А ты знаешь, где город Турткуль? Аму его смыла.

Снова с грозным грохотом обвалился берег.

— Какой Турткуль? — заинтересовалась Айнабад, и румянец разлился по ее щекам. Ей, члену географического кружка шестого класса «А», было стыдно, что она ничего не знает о Турткуле. — Большой город?

— Большой! — Ахмед прищелкнул языком, чтобы усилить впечатление, и добавил: — Главный город Кара-Калпакии был!

Ромка обрадовался, что Айнабад чего-то не знает. Он давно заметил, что она постоянно хочет командовать и быть первой. Говорила ли она о своем классе, об отметках, об отряде или географическом кружке, — всегда Ромка чувствовал желание блеснуть перед ним.

¹ Дегиш — речной подмыв.

Айнабад предостерегающе цыкнула и вытянутой рукой показала в сторону берега.

В заливчике, куда не достигало стремительное течение, сидела большая стая уток. Они покачивались на воде, как поплавки рыболовных сетей. Утки были невиданной породы, с ярко-красными шеями.

— Афганки, — прошептал Ахмед.

— Вот бы по ним пальнуть! — мечтательно сказал Ромка. — Жалко, что ружье далеко спрятано. Сразу бы несколько штук срезал!

Айнабад недоверчиво посмотрела на Ромку.

— Что, не веришь, да? Настоящее ружье, шестнадцатый калибр.

Айнабад звонко хлопнула в ладоши. Утки поднялись и всей стаей пошли перед пароходом. С их острых крыльев обрывались капли воды.

— Рома, Айнабад, идите же кушать!

Проголодавшиеся ребята принялись уничтожать редиску, хлеб с маслом, пили чай.

— Василий, и ты бы ел. Хватит тебе смотреть на баржу! — сказала мать.

Баржа шла за пароходом на толстом тросе. Иногда она подходила совсем близко, и тогда трос провешивался и чиркал по воде. Когда она отставала, пароход дергал ее, и все ощущали этот рывок.

— А как не смотреть! Какие красавицы машины! Скоро воевать начнем.

— Помешался на своих машинах и думаешь, что без них жить нельзя! — нетерпеливо сказала мать. — У нас все не как у людей. Другие на строительство канала едут, а мы в колхоз. Там ведь совсем другие заработки. Посмотрел бы, сколько добра везут Петр Егорович с женой! А ведь они недавно поженились. Мы век прожили, а что у нас есть?

— Кому что, а куре просо! — нетерпеливо сказал отец. — Мало ли, где большие деньги зарабатывают! Я не за ними гоняюсь. Если тебя слушать, мне надо было идти на такси работать. Сколько прожили, сама говоришь, чуть не век, а все меня не понимаешь! Не деньги мне нужны, а работа по душе.

Ромка не любил, когда родители спорили. Он поднялся и побрел на корму. Там Ромка увидел бульдозериста-

волгодонца Петра Егоровича, которого все на пристани, а теперь и на пароходе, не сговариваясь, звали просто Петенькой.

Около Петеньки, как всегда, расположились слушатели. Ближе всех, поджав ноги, сидел Ахмед.

Петенька, польщенный вниманием, говорил много-много, помогая себе руками. Широкие ладони удивительно дополняли его рассказ. Они то стремительно взлетали, то застывали на месте или вдруг падали. Движение ладоней поясняло передвижение Петеньки по жизни.

— Демобилизовался я из армии танкистом, а что делать в гражданке, не знаю. — Пальцы рук зашевелились. — Прослышал, что вербуют на строительство Волго-Дона, и решил туда податься. Посмотрели в отделе кадров на мои петлицы — танкист. Значит, трактор хорошо знает. Определили на бульдозер работать. Работа мне показалась простой, легкой, я и заважничал. День проходит, второй, третий. А выработку-то не даю. Спасибо, бригадир помог. Сел он за рычаги управления, а рядом меня посадил. «Ты, парень, сам плохо работаешь и всю бригаду тянешь, — сказал он. — Если тебе никто не говорил, так знай: мы держим красное переходящее знамя стройки и никому его не отдадим!» Потом я кубики давал уже не хуже других. Красное знамя мы все время держали. Меня там и в партию приняли. Рекомендовал сам Филипп Максимович, наш бригадир. А когда все земляные работы закончили, собрал он нас и спросил: «Кто куда надумал ехать?» Дошла очередь и до меня. «А ты куда, Серегин?» А я ему и скажи: «Куда вы, туда и я». — «Нет, говорит, это неправильно, если все мы поедем на одну стройку. Ехать тебе, Петр Егорович, надо на новое строительство. Пора и тебе в бригадиры выходить. Многому ты научился, время и других учить. Я поеду в Сталинград. Дети подросли, учить надо! Разъедемся по стране и на всех стройках будем передавать наш опыт». Понял, брат, какой прицел брал?

— Бригадиром будешь? — спросил любопытный Ахмед.

— Не знаю. Посмотрят на документы, отзывы, характеристики. Я на Каховке работал, а вот потянуло сюда. Интересно, никогда я не был в Средней Азии. Дыни здесь, говорят, очень вкусные.

— Петенька правду говорит, — сказала жена бульдозериста Зина, молодая женщина с завитыми волосами. — Его фотография все время на Доске почета висела. Когда с Каховки уезжали, я попросила, чтобы мне ее на память с собой дали. Так начальник участка сказал: «Зина, нам фотография Петра Егоровича для истории нужна. Пускай его молодые рабочие знают!»

Айнабад дернула Ромку за рукав:

— Пойдем пароход осматривать!

Ромка хотел начать осмотр с машинного отделения, где мог показать свои знания, но Айнабад упрямо тащила его на капитанский мостик.

На мостике за штурвалом стоял незнакомый матрос, очень похожий на Ахмеда. Капитан, пожилой человек с седыми усами, в серой каракулевой шапке, сидел за маленьким столиком и пил чай с сушеным урюком.

— Можно поддержать? — спросила Айнабад, смелю подходя к штурвалу.

— А ты пионерка? — спросил капитан, внимательно оглядывая девочку.

Айнабад ожидала услышать любой вопрос, но только не этот. От неожиданности она даже растерялась и обиженно ответила, что была в отряде своей школы звеньевой, и показала нашивки на форменном платье.

— Звеньевой разрешаю, — сказал важно капитан и отпил из пиалы чай.

Айнабад положила руку на штурвал, а по другую сторону от нее стал Ромка.

Стоило ему только взять точеную ручку, как он ощутил живое движение руки, почувствовал себя настоящим бывалым моряком. Он уже не видел, что у колеса продолжал стоять матрос. Ромка пристально смотрел вперед: шесты с пучками старого сена стояли на мелях. На быстрине вода завивала воронки.

Матрос торопливо стал перекачивать колесо, направляя пароход с середины широкой реки под берег.

Ромка с трудом ловил ручки. А тут еще Айнабад выпустила штурвал. Ручки мелькали перед ним с непостижимой быстротой. Он изловчился и поймал одну. Штурвал сотрясаясь. В этом дрожании Ромка чувствовал гигантскую силу необузданной реки, с которой он вступил в единоборство.

Пароход теперь двигался под берегом. Айнабад снова стала к штурвалу.

— Это я повернул пароход! — перегнувшись к девочке, тихо сказал Ромка. — Видела?

Ромка всегда любил прихвастнуть, но сейчас он сам был глубоко уверен в том, что повернуть пароход удалось именно ему.

— Ты? — удивленно протянула Айнабад. — Не верю.

— На канал? — спросил капитан, наливая чай в пилу.

— Мы с папой на канал, — охотно ответила Айнабад, — к маме. Мама нам писала, что тоже на пароходе плыла. Она главным инженером работает. Может быть, знаете: Оразгельдыева Нурбиби.

— Говоришь, Оразгельдыева? — Капитан наморщил лоб. — Нет. Не помню. А может быть, и перевозил!

«Хорошо, что не меня спросил капитан, — подумал с облегчением Ромка. — Мы едем в машинно-экскаваторную станцию. Ничего там хорошего нет, тоска. А Айнабад увидит канал. Почему мне так не везет?»

И, чтобы не рассказывать о своем горе, Ромка отошел от штурвала.

На четвертый день показалась пристань. Было даже удивительно, что капитан ее заметил, что отдал предпочтение именно этому месту берега, а не какому-нибудь другому, мимо которых уже проплыли.

Здесь было пустынно и тихо. Только тюки хлопка высокими горами подступали к самой реке, заслоня маленькие саманные домики с плоскими крышами. Дома здесь называли кибитками — старым словом, которое передавалось из поколения в поколение. На плоских крышах лежало сено, лепешки кизяка и стебли хлопчатника.

Совсем не таким представлял себе Ромка поселок. И оттого особенно грустно было расставаться с пароходом, который уйдет на стройку канала, в другой, интересный мир.

Ахмед, Петенька, Айнабад стали для Ромки друзьями. Теперь он хорошо понял, что Айнабад во много раз лучше, чем представлялась ему сначала. Высокая, худая, в коричневом школьном платье, с крупными кистя-

ми рук, она нравилась ему, как не нравилась прежде ни одна девочка. Найдет ли он в новой школе такого хорошего товарища, такого любопытного и жадного слушателя, как Айнабад? И все это он понял лишь тогда, когда пристань стала катастрофически быстро приближаться.

Настроение Ромки как будто передалось матери.

— Приехали! — сказала она, тоскливо оглядывая серые саманные домики с пыльными маленькими окошками.

— Здесь будете жить? — показала Айнабад в сторону поселка и стала вглядываться в него, словно хотела определить, в каком доме разместятся Кузьмичевы.

— Нет, нам еще километров двести надо ехать в степь. А как вот доберемся?

Айнабад поняла тревогу и страх Ромкиной матери. Она сказала, что им тоже надо еще плыть по реке. С капитанского мостика дали продолжительный гудок. Айнабад пальцами заткнула уши.

— Подходной, — торопливо сказала она, не выдерживая тягостного молчания Ромки.

— Подходной, — согласился Ромка. Ему было трудно продолжать разговор.

Берег быстро приближался, и вместе с ним росли горы хлопка. Пароход дал задний ход, осторожно подвалил к берегу. Как только скинули сходню, отец подхватил вещи и направился к выходу. Ромке надо было помогать ему.

— Айнабад!

Лицо девочки стало серьезным. Ромка сильно пожал ей руку. Посмотрел, как будто хотел надолго запомнить ее немного широкоскулое лицо, черные глаза, косы. Две торопливые слезинки поползли по щекам Айнабад. Она быстро смахнула их рукой и нагнулась, сделав вид, что поправляет шнурок ботинка.

— Ты напишешь? — отважился спросить Ромка.

— Напишу.

— Ты молодец, Айнабад! — сказала Ромкина мать. — Раз подружились, не забывай товарища. Ваше дело молодое, то учиться поедете, то работать начнете, может быть, где-нибудь и встретитесь еще!

Ромка вскинул на плечи вещевой мешок и подхватил коробку из-под ботинок, где лежал подарок Раджабку-

ли. Когда все сошли на берег, отца уже не было. Он оставил вещи, а сам куда-то скрылся.

— А Василь Семенович прямо невидимка, — сказал, смеясь, Борис Дурдыевич.

— Невидимка, — обиженно бросила мать. — Как уйдет на работу, мы его не видим по целым дням. Всегда что-нибудь делает, мастерит или изобретает. Знаете, почему он на станцию с завода попросился? Не устраивало его восемь часов работы. Здесь будет работать часов по десять. Вон он, невидимка, уже на барже!

Отец вернулся встревоженный. Сняв фуражку, он торопливо вытирал вспотевшее лицо большим клетчатым платком. Оказывается, из машинно-экскаваторной станции никто не приехал, а баржу уже отцепляют.

— А кто здесь нас ждал? — раздраженно сказала мать. — Сам грузил, сам и разгружать будешь! Тебе не привыкаты! Семеро навалят, а ты повезешь!

— Нас с тобой могли не встречать, а машины сейчас в поле до зарезу нужны! Разве вот мою телеграмму не получили?.. — Он внимательно посмотрел на притихших детей: — Расстаетесь?

— Да, — опустил Ромка голову.

Матросы громко переговаривались между собой, закрепляя баржу у берега. С парохода раздался гудок.

— Я пойду! — заторопилась Айнабад и стала со всеми прощаться.

— Будет третий гудок! — заметил Ромка, отчужденно смотря на пароход, на котором ему уже не придется плыть.

Айнабад стало совестно: до сих пор она все еще путает гудки, не поняла устройства паровой машины и успела забыть чудное название рыбы, которую, как уверяет Ромка, ловил сам Том Соьер.

После третьего гудка пароход отвалил. Сильное течение подхватило его и стремительно потащило вперед. Но уже через секунду-другую заработала машина, и пароход уверенно направился на середину реки.

Айнабад, облокотившись о перила, прощально махала рукой Ромке и его родным. Слезы застлали мальчику глаза. И, не надеясь, что его услышат, он все же громко закричал:

— Пи-ши-и-и, Ай-на-бад!

...Только в конце дня появилась запыленная автомашина с рабочими, шоферами и трактористами, приехавшими разгружать баржу.

Отец очень обрадовался, засуетился, торопливо стал знакомиться. Он готов был тут же приступить к работе.

Но директор машинно-экскаваторной станции Абаджан Кулиев, высокий, сильный, с седой головой, в белой гимнастерке, перетянутой в талии широким офицерским ремнем, с узкой орденской колодкой, виновато улыбнулся:

— Василий Семенович, — сказал он, — зачем спешить? Надо сначала чай попить, отдохнуть. За машины не волнуйся. Все сделаем. А вам надо ехать. Жена устала, мальчик устал. Я уже квартиру вам нашел, да и председатель колхоза обещал посмотреть в ауле. Где больше понравится, там и оставайтесь. А потом мы вам кибитку поставим!

Отец сдался. Но, когда полуторка с разбитым бортом запрыгала на выбоинах дороги, гремя и позванивая всеми раскрутившимися болтами, гайками и проволочками, он тоскливо посмотрел в сторону оставляемой баржи и вздохнул.

— Беспокойный человек директор, — сказала оживленно мать. — Я у него все узнала. Говорит, бедный, мало детей. Одна дочь — Эджегиз зовут. Видно, здесь чем больше детей, тем человек считается богаче. Если детей любит, это хорошо.

В последний раз за поворотом дороги мелькнул поселок и скрылся. Впереди насколько хватал глаз лежала огромная, нетронутая степь. И, словно разбежавшись по ней, то тут, то там подымались высокие бугры. Стояла удивительная, звонкая тишина. В ней были слышны треск кузнечика, свист песчанки, шорох пробежавшей в траве мыши-полевки, всполох птицы.

И надо же было так случиться, что приедем сначала открылась не щедрая земля в зеленом ковре разнотравья, в горящих тюльпанах, а бедные солончаки с жесткой и редкой травой. Всюду блестела соль. Кузьмичевы принимали ее за снег. Мать тоскливо вздыхала, поглядывая на притихшего мужа.

Но, проехав около тридцати километров, машина словно попала в другую страну. Начинались возделан-

ные поля с сочной зеленью поднявшегося ячменя. Яркое солнце, простор возбуждающе действовали на Ромку, и он не обращал внимания на разбитую дорогу, на все неудобства езды.

Часто в радиаторе закипала вода, пар вышибал пробку, а вода бурлила и летела вверх. Тогда шофер выключал мотор, подпирал вылетающий рычаг скорости палкой и садился на песок. Ему было стыдно за свою машину, за плохую езду перед новыми людьми, которых он вез. Он виновато улыбался и говорил:

— Радиатор потек — я его мукой паял!

— Зря это делал! — строго говорил отец.

Перед каждым аулом шофер прибавлял скорость. Машина оглушительно стреляла. На нее налетали огромные собаки с обрубленными ушами. Они бешено лаяли, стараясь схватить клыками белые, облысевшие скаты. Потом, обессилев, они уже только хрипели от ярости, но не отставали от машины. Глядя на собак, Ромка боязливо поджимал ноги.

— Страшно? — спрашивал сидящий рядом тракторист Непес и весело смеялся.

Ромка обижался на Непеса. Он несколько раз подступал к нему с расспросами, но тот в разговор не вступал, а отделялся лишь короткими ответами.

Иногда машина обгоняла арбы. Эти телеги удивляли Ромку своей несуразностью: к маленькой площадке приделаны огромные деревянные колеса. По ободу набиты гвозди с большими круглыми шляпками. Казалось, лошадь все время хочет убежать от арбы, в которую ее запрягли. Возчик-арбакеш сидит, словно на крыше высокого дома, упершись босыми пятками в оглобли.

Потом Ромка увидел, как арба, доверху нагруженная мешками с хлопком, переезжала арык. Огромное колесо по самую ступицу скрылось в воде, но мешки не намокли.

— Смотрите, как ловко придумано! — громко крикнул Ромка, собираясь поделиться радостью открытия с родными и молчаливым Непесом.

Теперь-то он по достоинству оценил конструкцию арбы. Даже набитые в колеса шляпки гвоздей, оказывается, были нужны: без них бы арба не выбралась из глубокого арыка.

Когда машина переезжала по мосту через арык или встречалась в облаке пыли с отарой овец, шофер круто сбавлял скорость. Так же резко шофер затормозил около поля, где работал бульдозер.

— Хорошее будет поле! — сказал Непес. Он достал из кармана маленькую тыквенную бутылочку, насыпал на ладонь зеленый, мелко тертый табак и ловко отправил его в рот. — К приходу воды надо успеть. А работы много. — Непес прижимал языком табак, и голос его звучал глухо.

Ромка удивленно посмотрел на Непеса. Ему показалось, что начатую фразу закончил не он сам, а кто-то другой.

— С канала воду ждете? — спросил Василий Семёнович.

Непес кивнул головой, посасывая табак.

Поле осталось позади, и опять начались барханы. Вдруг в невысокой траве Ромка увидел черных птиц. Пошипывая траву, они медленно передвигались. Вот стая перевалила через гребень бархана и большим черным пятном туши растеклась во все стороны.

Ромка пристально смотрел на птиц, пока не признал в них скворцов. И, обрадовавшись этой неожиданной встрече со старыми и добрыми друзьями, закричал:

— Смотрите, скворцы, наши скворцы! К нам летят!

Чувство огромной радости и волнения охватило его. В памяти возникла родная школа, оставленные друзья. Как сейчас, наверное, у них шумно, хлопотливо! Ребята после уроков строят скворечники. Только он в этом году не сделает своего домика и не повесит его на дерево. А как интересно бывало в «праздник птиц»! Споры за самое высокое дерево, за обладание лестницей.

— Наши скворцы! — подхватил отец, любуясь птицами. Его широкоскулое лицо с редкими оспинами потеплело от радости. — Летят, а дорога дальняя-дальняя! Где снег прихватит, а где и буран. За такую дорогу всего ожидать можно. Много их погибнет. Но они летят, торопятся, весну несут!

Неожиданно раздался стрекочущий гул низко летящего самолета. Птицы поднялись в воздух и темным облачком скрылись за барханами.

Маленький юркий самолет вылетел совсем не с той стороны, с какой ожидал его Ромка. За ним, медленно оседая, тянулась серая дымная полоса.

Непес вскочил, сорвал с головы шапку и, размахивая ею, что-то громко закричал на родном языке. Самолет скрылся так же неожиданно, как и появился.

Пошли пески. Горбатые барханы тянулись до самого горизонта. Их черные тени издали напоминали огромных свернувшихся змей. Песок на грядах ослепительно блеснул, как будто плавился под жарким солнцем. Мартовское солнце еще не успело выпарить из почвы влагу, и кругом лезли из песка мятлик, маленькие снопики селина. Цвел саксаул, карабкался на барханы иляк — пустынная осока. Над белыми чашечками цветов кандыма озабоченно гудели неповоротливые шмели.

Машина прошла около кустарника, и крепкие ветви зацарапали по борту.

— Что это? — спросил Ромка.

— Саксаул.

Ромка внимательно посмотрел на куст со скрюченным коротким стволом. Его никак нельзя было назвать деревом. Он подумал об Айнабад. Жаль, что нет ее сей-

час рядом с ним. Кто знает, увидит ли она когда-нибудь саксаул!

То, что удивляло Ромку и его родных, не трогало Непеса. Он молчал и, если уж Ромка очень к нему пристаивал, отделялся односложными ответами. Непес был охотник и хорошо знал эти места. А молчал он, чтобы меньше открывать рот и не сушить его. Кто-кто, а он умел бороться с жаждой. Но иногда он все-таки бросал несколько фраз: «Пески хотят исправить. Саксаул кидают. Здесь барханы шагают, как слепые верблюды: то хлопковое поле засыпят, то железную дорогу, а то и весь аул».

Ромка с большим уважением смотрел на тракториста. Все, о чем тот рассказывал, было для мальчика целым открытием. Жаль, что Непес, зная так много интересного, почти все время молчит. Ромка потянулся и взял из рук Непеса тыквенную бутылочку. Она была пропитана жиром и тускло блестела. Свернутый сыромятный ремешок заменял пробку.

— Насс хочешь? — спросил Непес, показывая редкие, обкуренные зубы.

Ромка отрицательно покачал головой.

— Не куришь? — Непес засмеялся и отправил табак в рот. Голос тракториста опять зазвучал глухо, как из бочки.

Даже отрывочный рассказ Непеса о пустыне увлек Ромку. Он до боли в глазах всматривался в песок. Он мечтал увидеть зем-зем¹, отыскать спрятавшуюся в песке змею или степную черепаху. Но сколько он ни смотрел, кроме ослепительно-белого песка, ничего не видел.

Непеса, видно, взволновала встреча с самолетом.

— Ты видел хурджуны? ² — неожиданно спросил он у Ромки. И тут же, не ожидая ответа, продолжал: — Есть такие у нас мешки. Их привязывают крепкими веревками к седлу. Корни саксаула тоже должны стать веревками, чтобы перевязать эти барханы, не дать им двигаться. Понял, для чего семена с самолета бросают? Наши ребята семена саксаула собирают.

— Пионеры? — не утерпел Ромка.

¹ Зем-зем — большая ящерица, варан.

² Хурджу́н — ковровый мешок. Его носят на плече, приторачивают к седлу.

— Они, — улыбнулся Непес, вспомнив своего брата Джуру и автоматическую ручку, которую он вез ему в подарок.

«Оказывается, и здесь есть интересные дела!» — подумал радостно Ромка, вглядываясь в пейзаж нового, удивительного для него края.

Г л а в а в т о р а я

И СТАРИКИ НЕ МОГУТ БЕЗ РАБОТЫ

Башлык¹ Якуб Иломанов давно уже ушел, а старый Оразгельды все не мог успокоиться. «Разве можно так долго болеть? Ничего-то не знаешь! Почему приезжает новый начальник? Что это за планировочный отряд?» Но особенно недоволен был Оразгельды тем, что пожаловался башлыку на свою болезнь. Не скажи он так, может быть, приезжих поселили бы у него. Он уже чувствует себя хорошо. Надо подняться — сказать об этом башлыку.

Старик улыбнулся быстро принятому решению и пододвинулся к теплему солнечному лучу. Солнечные пятна лежали на узорах большого красного ковра. В золотой дорожке летала пыль.

Оразгельды поскреб ногтями давно не щипанный колкий подбородок и, торопливо, пока не было в комнате жены Нурчи, слез с кровати. Пружины матраца, освободившись от тяжести его тела, протяжно загудели. Оразгельды обернулся и погрозил матрацу пальцем: своим скрипом он мог выдать его жене. Старик благополучно достиг сундука, обитого белыми перекрещивающимися полосками жести.

— Вскочил? — ворчливо набросилась на мужа Нурча, входя в комнату. Она со злостью швырнула охапку саксаула на пол. Куски дерева раскололись со звоном, как стекло. — Все равно никуда не пушу!

Оразгельды надвинул папаху. Завитки меха скрыли его густые кустистые брови. Пусть жена кричит сколько ей угодно, а он все равно пойдет к башлыку.

¹ Башлык — председатель колхоза.

— Свалишься — я за доктором не пойду!

От резкого голоса Нурчи, словно растревоженные шмели, глухо запели струны на круглом дутаре¹.

Около порога Оразгельды надел на мягкие сапоги новые калоши с приклепанными к пяткам медными пластинками и вышел.

Во дворе яркое солнце ударило старику в глаза. Он зажмурился и жадно вдохнул воздух. С полей тянуло запахом прогретой земли и солярки. Этот запах всегда сопровождал весну, как шумливая вода в арыках, как клейкие почки на деревьях.

Старик поднял нагретые солнцем веки. На полях белели рубахи мужчин и красные платья и головные платки женщин. Как соскучился Оразгельды по людям и по работе! Год назад правление перевело его на пенсию, но он все еще не мог примириться со своим бездельем.

Думая о весне, обычных полевых работах, Оразгельды скоро дошел до почты. Почтальона не было, вместо него сидел его сын Ташли. Мальчик учился в шестом классе, но часто развозил на велосипеде за отца письма и газеты. Ташли отодвинул от себя разрезанную дыню и потянулся к сумке.

— Яшули², тебе письмо!

Оразгельды без труда узнал на конверте почерк старшей дочери, Нурбиби. Он торопливо вскрыл конверт и протянул исписанный листок Ташли.

Прежде чем читать, мальчик внимательно оглядел конверт, изучил штамп.

— А ведь раньше другой адрес был! — Он набрал побольше воздуха и принялся читать: — «Дорогой отец. Целую тебя и маму. Я переехала работать в бульдозерный отряд. Мы идем самые первые». — Ташли повернулся и внимательно посмотрел на старика: — Я говорил, из другого места письмо!

— А ты читай, без тебя знаю.

— «Из Ашхабада выехали ко мне Борис с Айнабад. Но они уже меня не застанут в городе. Интересно, как им понравится пустыня. Устроюсь и потом опишу все по-

¹ Дутáр — музыкальный инструмент.

² Яшули — уважительное обращение к старым людям.

дробно. Благодарю за каурму¹. Привет всем родственникам. Ваша Нурбиби!»

— Все? А это? — Оразгельды ткнул пальцем в последнюю строчку.

— «Ваша Нурбиби». — Ташли заметил, что старик не особенно рад письму.

Да, Оразгельды с сожалением подумал, что ему уже не придется поехать в Ашхабад к дочери, не скоро увидит он теперь Бориса и внучку Айнабад. «Опять остаюсь караулить кур, — думал он. — Надо обязательно искать работу. Колхоз регулярно выдает пенсию: деньги, мясо, муку, рис. Можно, конечно, поехать к Сапару или к Ниязу. Или, может, навестить еще раз младшую дочь? Но нет, это женское дело навещать дочерей и нянчить внуков».

Оразгельды свернул письмо и положил его в карман. Посмотрел на свои натруженные большие руки. Он хорошо умел держать кетмень, ручку плуга, охотничье ружье, повод коня, нож и сапожное шило.

«Пойду поговорю с башлыком. Пускай дает какую-нибудь работу. А почему бы мне не стать снова мирабом² колхоза? Сейчас на моем месте работает Бекчи. Работает хорошо, дело знает. Но люди говорят, что, когда я был мирабом, хлопка собирали больше. Ну что из того, что мне семьдесят пять лет? Да семьдесят ли пять?»

Оразгельды не особенно верил старикам, когда они называли свои года. При царском правительстве у туркмен не было паспортов, и никто не регистрировал их рождение. Разве можно полагаться на одну память!

За кибитками около виноградников Оразгельды встретил незнакомую русскую девушку. Он еще ни разу не видел ее в ауле. Она стояла у странного сооружения из трех палок с трубкой.

Оразгельды не знал ни названия инструмента, ни его назначения. Девушка смотрела в трубку одним глазом и что-то старательно записывала в большой блокнот.

«Может быть, здесь пройдет железная дорога?» — подумал старик.

Девушка, увлеченная работой, не видела его.

¹ Каурма — жареное мясо.

² Мираб — человек, отвечающий за поливку полей.

— Салам алейкум! — поздоровался Оразгельды, чтобы обратить на себя внимание. — Скажите, что ищете?

— Для колхоза планировку делаем.— Девушка обернулась и посмотрела на старика большими лучистыми глазами.

— Планировку? — переспросил удивленно Оразгельды, но не признался, что не понимает этого слова.

— Вода к вам идет, надо новые поля разбивать!

Оразгельды сказал, что воды действительно мало: на маленьком родничке сидят три колхоза. И тут же захотел узнать, откуда же придет вода.

— Да с канала!— Девушка удивленно посмотрела на Оразгельды, не понимая, как можно спрашивать о таких простых вещах.

Оразгельды едва удержался, чтобы не похвастаться — ведь на этом канале его дочь Нурбиби главный инженер. «Разве она сможет забыть родной колхоз? Она обязательно даст ему воду!» И оттого, что канал строит его Нурбиби, он почувствовал себя важным и значительным человеком в ауле.

Незаметно старик дошел до правления. Он еще не решил, отправиться ли ему к Нурбиби, чтобы посмотреть, как идет строительство канала, или начать работать в колхозе.

Новый, построенный за время его болезни дом правления ему понравился. Он напоминал ему дома, которые он видел в Ашхабаде. Старик прошел по открытой веранде, наслаждаясь прохладой. Он снял у порога новые калоши и, мягко ступая, направился в большую комнату.

За столом сидел башлык колхоза Якуб Иломанов, крепкий пожилой мужчина с коротко остриженными волосами, с большими черными усами. Он недавно вернулся с поля, и на воротнике его белой рубахи плотным слоем лежала пыль.

— Салам, яшули! — удивленно произнес башлык приподнимаясь. Он не мог понять, зачем к нему пожаловал больной старик, у которого он был только сегодня утром.

— Башлык, я здоров. Я сам пришел тебе об этом сказать, — неторопливо начал Оразгельды. — Ты знаешь мою кибитку. Она большая. Там могут поместиться еще две семьи. Пусть гости у меня живут!

— Спасибо, яшули! Я знал, что ты так скажешь. На станции тоже кибитку нашли. Где приедем больше понравится, там пусть и живет!

Оразгельды слушал рассеянно, смотрел на висевшую за спиной башлыка карту с белыми и голубыми линиями и думал, сейчас ли ему говорить о работе или подождать.

Иломанов перехватил взгляд Оразгельды и спросил, не хочет ли яшули узнать, что это за план.

— Да, красиво нарисовано, — заметил Оразгельды и погладил бороду. — Бекчи на учебу просится. Можешь его отпустить, я опять мирабом буду. Молодому учиться надо!

— Бекчи на учебу мы отпустим, — Иломанов улыбнулся хитрости старика. — Но посмотри еще раз на картинку. На ней нарисован план новой системы орошения. Широкий канал — магистральный, а от него идут временные каналы по полям. Уберем урожай — временные каналы засыплем. На другой год в новом месте их нарежем. Теперь нам не надо будет ежегодно очищать каналы, тратить деньги. Бекчи правильно делает, что хочет учиться: не будет у нас больше мираба!

Оразгельды опешил. Чтобы прийти в себя, он сделал вид, что рассматривает разрисованную под дуб стену комнаты, и даже колупнул ее крепким ногтем.

— Как так?

— У нас будет гидротехник. Слышал, в Каракумах канал строят? Сюда придет много воды!

— Про канал знаю! — обиделся Оразгельды.

Он опустил руку в карман халата и нащупал твердый угол конверта. Нет, пока он ничего не скажет о Нурбиби. Но что должен делать гидротехник? Старик тут же вспомнил, что его сын Нияз — техник. Он подумал о своих других сыновьях, дочерях, внуках и внучках, которым, вероятно, приятно будет узнать, что старый Оразгельды станет гидротехником, и решил идти в машинно-экскаваторную станцию, чтобы там все подробно разузнать.

— Башлык, хороший дом построили, чайхана хорошая.

— Якши, яшули! Скажи, не надо ли выписать Нурчи продукты? Есть ли у вас рис, баранина? Может быть, надо денег? Ты скажи!

— Рахмат, в кибитке все есть. Нурча варит плов. Пока еще не кончился сахар и чай, не перевелась мука на чуреки. И деньги есть. Сыновья прислали. Я хотел приемник купить, а вы радио дали. Я теперь с праздником каждый день живу, музыку слушаю. Но все равно скучно. Если нельзя быть мирабом, найди другую работу!

Башлык понял старика.

— Яшули, ведь ты прав. Мы построили правление колхоза, а совсем забыли о цветах. Посади их, где тебе сердце подскажет!

Оразгельды кивнул. Но, выйдя из правления, он направился не в поселок, а на станцию.

Старик не спешил. Он прошел уже полдороги, а ветер все доносил от аула запах жженой соломы, колючки, теста и свежих лепешек. Он живо представил себе, как женщины топят круглые тамдыры¹ и раскатывают тесто.

Эта знакомая с детства картина доставляла Оразгельды удивительную радость: встав после болезни, он словно родился вновь. Свежий весенний ветер, клейкие маленькие листочки на тутовых деревьях — все было бесконечно дорого ему.

Старик остановился перед арыком. Воды, как всегда весной, было много. Она шла вровень с берегами, чуть звеня. Он присел и опустил руку в холодную струю.

Почему-то вспомнилось тяжелое прошлое эмирата. Как будто снова его горячо обожгла плетка бая, когда он посмел пустить немного воды на свое поле. Он тогда легко отделался: за самовольный пуск воды случилось и убивали. «Как быстро все забывается! А ведь это было около сорока лет тому назад!»

Взгляд старика остановился на плывущем по воде прошлогоднем листе карагача. На листе сидела, помахивая прозрачными, слюдяными крылышками, стрекоза. Листок доплыл до поворота, закружился. «Не бойся, стрекоза, тебе недолго придется плыть. Наш маленький арык, как и большие реки Мургаб и Теджен, не имеет истока. Всюду воду разбирают на поля. Вот если бы ты плыла по Аму, ты могла бы попасть в Аральское море. А эта вода вынесет тебя скоро на берег, и ты обсушишься!»

Он снова дотронулся рукой до угла конверта. Неуже-

¹ Тамдыр — печь для выпечки лепешек и чуреков.

ли сюда придет большая вода? Оразгельды оглянулся. Здесь каждый куст, каждый клочок земли были хорошо знакомы ему. За рыжей стеной прошлогоднего камыша начинались поля — они уходили к высоким песчаным барханам. Он вспомнил русскую девушку с прибором на трех ножках. «Она, наверное, лучше меня видит, сколько здесь земли пустует, — подумал он и, как ему показалось, понял смысл ее работы. — Жалко, что я не спросил ее о Нурбиби. Она должна ее знать!»

Да, Нурбиби сделает то, о чем мечтало не одно поколение людей, о чем мечтал его отец и он сам. Вода наполнит этот пересыхающий арык и Мургаб. Оразгельды не спеша вымыл руки. Он собирался уже идти дальше, когда увидел на дороге быстро двигавшуюся в облаке пыли машину.

«Может быть, это едут в колхоз чабан Хаммат или Сапарбай? — подумал он и, приставив к глазам руку козырьком, терпеливо стал вглядываться. — Похоже, что это машина зоотехника!»

Машина поравнялась со стариком, резко остановилась, повизгивая зажатými тормозами.

— Яшули, здравствуй! Тебя подвезти? — приветливо спросил шофер; ему очень хотелось показать Оразгельды приезжих. — Знакомься, нового начальника привез. Василий Семенович, это Оразгельды, наш самый лучший охотник и караван-баши¹. К любому колодцу проведет.

Оразгельды приосанился, расправил бороду. Так вот они, приезжие, которых он собирался пустить жить к себе в кибитку!

— Здравствуйте, товарищ Оразгельды! — поздоровался Василий Семенович и шагнул к старику. — Решил здесь поработать. Земля у вас хорошая?

— Хорошая! Каждому человеку дорога земля, где он родился, — задумчиво сказал Оразгельды. — Недаром и птицы возвращаются к старым гнездам. Может быть, и вы полюбите наши пески. Им только воду дай. У нас говорят: воткни палку — дерево будет!

— Уже строят канал! — торопливо сказал Ромка, которому не терпелось познакомиться со знаменитым охотником.

¹ Караван-башы — проводник караванов.

— Маленький баранчук много знает! — улыбнулся Оразгельды. — В школу ходишь?

— В шестой класс.

— А где жить будете?

— Решили у нас на станции, — сообщил шофер.

— Зачем на станции? — торопливо сказал Оразгельды. — У меня кибитка большая, еще на две семьи хватит!

— Спасибо, — сказал Василий Семенович. — Но на станции лучше будет: ближе к машинам, к мастерской.

«Худой, подвижный, — подумал Оразгельды, глядя на Василия Семеновича. — Жадный до работы!» Особенно ему понравились руки приезжего: они у Василия Семеновича были сильные, темные от постоянного соприкосновения с металлом, маслом, машинами.

— Я поеду с вами! — сказал Оразгельды шоферу.

«Надо наконец узнать, что должен делать гидротехник», — добавил старик про себя.

Г л а в а т р е т ь я

ТОВАРИЩИ

Мимо Ромки прошли две группы ребят. Никто из них не посмотрел на него, не окликнул, не пригласил идти вместе в школу. За три дня Ромка успел познакомиться только с Эджегиз, дочерью директора машинно-экскаваторной станции, у которого они остановились. Ему не терпелось познакомиться с другими ребятами, и он прибавил шагу. Сразу же быстрее пошли и ребята.

«Ну и пусть, — подумал с обидой Ромка. — Они меня еще не знают. Вот начну погоду предсказывать — позавидуют. Разве есть у кого такая рыба, как у меня? Да и читали ли они «Приключения Тома Сойера?»»

Ромка свернул с дороги к кибиткам. Он не видел, что ребята, пригнувшись, быстро пробежали за дувалом¹, чтобы опять оказаться впереди него.

Неожиданно откуда-то сбоку выскочила огромная рыжая собака. Свалывшаяся шерсть висела на ней клочьями. Ромка оцепенел от страха и замер. Еще секунда, и собака рванула бы его за ногу. Но наперерез ей бросился

¹ Д у в а л — глиняный забор, которым обносят дом или сад.

туркменский мальчик. Он упал перед собакой на четвереньки и прыгнул в ее сторону.

— Гав, гав!

Собака испуганно взвизгнула и бросилась бежать, а мальчик поднялся и стал отряхивать пыль с халата.

— Спасибо! — сказал Ромка, чуть заикаясь от страха. Теперь он понял, что ребята не убегали от него, а просто играли. — Я не боюсь собак и с этой бы справился!

Мальчик кивнул стриженной головой. На самой макушке примостилась красная тюрбетейка.

— Как тебя зовут?

— Ромка, Роман...

— Здравствуй, Рохман. А меня — Джура!

Джура был невысокий, смуглый, со скуластым лицом. На правой щеке раскинулись, словно созвездие Большой Медведицы, синие точки пороховинок. Незапахнутый халат открывал сильную грудь.

Вслед за Джурой с Ромкой стали знакомиться другие ребята. Те, кто плохо говорил по-русски, кивали головами, улыбались и только называли свое имя.

Ромка понял, что знакомство состоялось.

— У нас под Воронежем тоже злые собаки.

— А охота есть? — спросил Джура.

— Еще какая! Я часто в лес ходил. У меня хорошее ружье с курками!

— Какой калибр?

— Шестнадцатый! — Ромка понял, что заврался, но отступать было уже поздно.

— А пороха ты сколько сыплешь?

— Как всегда, — нашелся Ромка.

Джуру обрадовало, что его новый знакомый оказался храбрым и тоже охотником. А к охотникам Джура относился всегда с большим уважением.

— Якши! Вместе будем стрелять туртушек!

— Да! — охотно согласился Ромка.

Все двинулись в школу. Рядом с Ромкой шли его новые товарищи в теплых стеганых халатах и тюрбетейках. На плече у каждого висела кованная сумка с тетрадами и учебниками.

Вдруг Ромка остановился. Через дорогу медленно двигался небольшой жук. Упираясь головой и передними лапами, он толкал катышек навоза. Джура прутиком от-

бросил жука в сторону. Поводя длинными усами, жук уверенно направился к своему шару и с прежней энергией покати́л его вперед. На мягкой пыли протянулась елочка следов.

— Скарабель. Он не кусается, — улыбнулся Джура. — Мы их санитарями прозвали: всегда по дорогам навоз убирают.

— Дворники!

— Какие дворники? — удивился Джура. — Что они делают?

— Улицы в городах убирают.

— Давай торопиться, — вдруг спохватился Джура. — Мы всегда до уроков работаем в саду.

— Он не знает, что у нас есть сад, — сказала маленькая девочка и тряхнула головой; монетки на ее тюбетейке тонко зазвенели.

Ромка сказал, что в той школе, где он учился, был хороший сад и ребята ездили за саженцами в Мичуринск. Он перечислял множество сортов яблок, сочинял историю за историей, ошарашивая своих слушателей.

— Антоновки было страсть сколько, а налива, китайки прямо не знали, куда девать! Я всех мальчишек с нашей улицы угощал!

— А яблоки вкусные? — спросил Джура. — Слаще урюка?

— Бывают слаще сахара!

Любую деревню в России издали увидишь по зелени деревьев, высоким рубленым домам, большим окнам. Здесь не так. «Наш аул!» — крикнул в день приезда Непес и показал куда-то вперед рукой. Но сколько Ромка тогда ни вглядывался, он ничего не видел. Все так же горбатились барханы, все так же курился песок.

Долго еще они ехали, прежде чем мальчик заметил аул. Небеленые, серые домики сливались с землей. Сено и сухие стебли хлопчатника на крышах еще больше маскировали их. Каждый дом издали похсдил на холмик или куст.

Точно так же Ромка не узнал школу, где ему предстояло учиться. В первый день своего приезда он долго искал ее. Ему почему-то казалось, что новая школа обязательно должна быть двухэтажной, как его прежняя. Он дважды проходил мимо школы, принимая ее за самую

обыкновенную жилую кибитку. Правда, она была больше, словно составленная из двух-трех кибиток.

Сейчас Ромке предстояло познакомиться с садом. Сад тоже был необычным. Здесь не было ни яблонь, ни вишен, ни слив. К кольям были привязаны гибкие вьющиеся ветви винограда.

— Правда, хорошо у нас в саду? — спросила у Ромки маленькая девочка и снова зазвенела монетками на тюбетейке.

— Правда,—со вздохом сказал Ромка. Он заставлял себя не удивляться и ко всему привыкать.

В группе ребят Ромка заметил Эджегиз и радостно его окликнул.

Девочка перестала окапывать виноград и оперлась на кетмень.

— Можно мне попробовать?

Ромке приходилось иметь дело с тяпкой. Но стоило ему поднять кетмень, как он почувствовал, что руки его наливаются свинцом и начинает болеть спина. Все-таки он старался не поддаваться усталости и прилежно работал.

— Ну как? — спросил Джура.

— Ничего. Но почему ваша тяпка такая тяжелая?

— Тяжелая! — засмеялась Эджегиз и что-то сказала Джуре по-туркменски.

— Якши! — Джура убежал и вернулся с большим кетменем на плече. — На, вот этим попробуй. Это кетмень мужчины.

Ромка попробовал замахнуться и чуть не выронил кетмень из рук: ему показалось, что на конце палки привязана двухпудовая гиля.

Джура взял из его рук кетмень и принялся спокойно работать.

— Легкий кетмень плох, — улыбнулся он. — Никогда землю не разобьешь.

В саду шла напряженная работа. Кто окапывал виноградник, кто делал грядки под огород.

— Рохман, принеси воды с арыка! — попросила Эджегиз.

— Пойдем вместе, — сказал Джура. — Мы всегда воду таскаем, землю кетменями разбиваем, а девочки и малыши делают грядки.

— А почему бы не провести водопровод? — сказал Ромка. — Это совсем не трудно.

Сходив по два раза за водой, ребята сели отдохнуть. Скоро к ним присоединились другие мальчишки. Все хотели послушать новенького. Было известно, что ему выпало счастье побывать в Москве, ходить по Красной площади, ехать в поезде, плыть на пароходе. Ребятам, жителям этого далекого аула, затерявшегося в песках, еще ни разу в жизни не пришлось видеть ни поезда, ни парохода.

Ромке завидовали. Он и его вещи казались маленьким жителям аула необыкновенными. А когда Ромка достал из кармана блокнот, ребята были окончательно поражены. Твердые крышки были скреплены металлическими кольцами. Стоило Ромке нажать пальцем на планку, как кольца мгновенно открывались и тогда по желанию можно было вынуть любой листок или вставить новый.

А Ромка нарочно открывал блокнот, закрывал, менял листочки. Он тут же принялся рисовать схему водопровода. И, как это всегда бывало с ним, увлекся и уже через минуту сам поверил, что построить водопровод легко и просто.

Ребята как зачарованные смотрели Ромке в рот, следили за его руками. И, хотя большинство из них не понимало, что он говорит, все согласно кивали стриженными головами.

Такое внимание к своей персоне Ромка принимал как должное.

— Жаль, что не посмотрел, когда будет дождь, — сказал он небрежно. — А то можно было бы сегодня не поливать.

— А ты умеешь угадывать погоду? — удивился мальчик в серой каракулевой шапке, кося левым глазом.

Знакомясь с Ромкой, он назвал себя Мамедом.

— Я не угадываю. У меня есть одна вещь!

— Барометр? — спросил Джура, подвигаясь ближе к новому приятелю.

— Нет... Вроде прибора... — Ромка засмеялся, представив, как вытянулись бы лица ребят, если бы они увидели его рыбу. — Завтра скажу, что показывает! — небрежно заметил Ромка и почесал обгоревший, шелушившийся нос.

К ребятам подошел учитель Сейдулла Таганмурадов

*Рожка и его вещи казались маленьким жителям аула
необыкновенными.*

с комсомольским значком на светлом кителе. Он прихрамывал и опирался на палку.

— Здравствуй, Рохман! — поздоровался учитель и похлопал Ромку по плечу. — Молодец ты, уже познакомился с ребятами! Постарайся их научить говорить по-русски.

— Сейдулла-джан, — сказал Джура, — Рохман хочет сделать водопровод в нашем саду. Говорит, что тогда не нужно будет таскать воду.

— Очень хорошо! Посоветуемся с учителем физики.

— Зачем? — запальчиво сказал Ромка. — Я сам делаю!

— Ладно, посмотрим. А теперь все руки мыть! — Учитель посмотрел на часы. — Заниматься пора.

Ромка вместе с новыми товарищами направился в класс. На пороге он вдруг остановился.

— Ты чего? — удивленно спросил Джура и легко подтолкнул Ромку вперед.

Ромка не знал, что ответить. Острая боль на секунду сжала сердце. В ней была жалость к оставленной под Воронежем школе и к старым товарищам и недовольство этой маленькой, непривлекательной комнатой, заставленной партами.

Предметы были все те же: учительский стол, доска и географические карты на стенах. Но в то же время в ней было что-то свое, особенное. Ромка не мог понять, что именно: слабый свет маленьких окон или запах земляных полов и беленых стен.

— Так, ничего... — застенчиво улыбнулся Ромка.

— Садись со мной! — пригласил Джура.

— Хорошо! — Ромка поднял крышку своей новой парты, чтобы положить портфель с книжками. На доске были вырезаны две буквы: «Э» и «К».

Ромка оглянулся. Сзади него сидел Мамед, а через ряд — Эджегиз с какой-то девочкой.

Старательно выведя в классном журнале фамилию и имя нового ученика, учитель посмотрел на написанное и громко прочитал:

— Роман Кузьмичев! На нашем языке тебя Рохманом будут звать. У нас много общих имен: Галя — Гульджан, Соня — Сапаргуль, Таня — Тохта, Коля — Гылыч, Олег — Ораз, Яша — Языклыч, Алеша — Ахмед. Я буду

объяснять ребятам на их родном языке, а потом тебе переведу. Если что будет непонятно, не стесняйся, спрашивай. Учебники, задачник у вас одинаковые. Только ты будешь учиться на русском языке, а весь класс — на туркменском.

Глава четвертая

ПОСЕЛОК В ПУСТЫНЕ

Айнабад не забыла о своем обещании написать.

Однажды Ташли, порывшись в огромной сумке, протянул Ромке конверт. Мальчик не стал разглядывать красивую марку, а нетерпеливо надорвал угол и извлек листок.

«Ромка, представь, я в самом центре пустыни, — писала Айнабад. — Всюду песок. Он набился в карманы, скрипит на зубах. Я немного забежала вперед. Буду все рассказывать по порядку. Перед нашим отъездом папа пошел на базар, чтобы купить бочонок для воды, но не нашел его. «Что ты смеешься? — спрашивал он меня. — Это же Каракумы, пустыня. Здесь люди умирают от жажды!» Он послал меня в магазин купить двадцать бутылок сидра. Вот так!

Утром за нами приехал на грузовой машине шофер. Мы стали укладывать бутылки, а шофер смеялся. Мне было тоже смешно, но я старалась не показывать виду.

Сразу же за городом начались песчаные гряды, а за ними уже вытянулись высокие барханы. Среди них есть очень высокие, как двухэтажные дома. Если бы ты только посмотрел, как мы ехали! Каждый бархан машина брала с трудом. Часто шофер «шаманил» — буксовал в песке — и дергал машину то назад, то вперед. Я насчитала двести пятьдесят барханов, но потом сбилась со счета. Говорят, летом здесь очень жарко будет. В песке можно печь яйца. Я охотно верю: жара и теперь ужасная! Больше я не буду описывать тебе нашу дорогу. Я написала «дорогу», но в степи каждый ездит где кому хочется! Но, для того чтобы не заблудиться, а это очень просто, как сказал шофер, ездят все по одному следу. А потом по следу песок прибитый и машине не так тяжело.

Ехали мы, ехали и вдруг увидели цистерну. Шофер

остановил машину и налил полное ведро воды. «Это первый киоск «Пиво-воды», — сказал он. Папа на него очень обиделся за это. Оказывается, на всем пути до самого канала стоят цистерны с водой. Чтобы вода сильно не нагревалась, цистерны выкрасили в белый цвет.

Потом дорога круто повернула, и мы выехали к берегу канала. Я тебе совсем забыла написать, что еще задолго до того, как мы увидели воду, нас с папой удивила густая зеленая трава. Сколько мы ни ехали через степь, нигде такой травы не было!

Канал мне очень понравился. Вода не такая черная, как в Аму-Дарье. Мы не останавливались, а то бы я посмотрела рыб. Жалко, что ты не увидишь канал. Мне кажется, что даже сейчас по нему сможет пройти маленький пароход. Я знаю, ты будешь смеяться, но если не пароход, то катер пройдет обязательно!

Напиши, понравилось ли тебе на станции, какая у вас школа, хорошие ли у тебя товарищи.

Наши бульдозеры идут впереди всех. Они роют «пионерный» канал. В него пропустят воду. Потом в такой канал войдут земснаряды и будут расширять и углублять его. Не знаю, что бы мы делали без воды! Но вода идет все время за нами, как будто мы разматываем большую веревку и тянем ее за собой. Помнишь Петра Егоровича с женой? Они плыли с нами на пароходе. Его сразу же назначили бригадиром...»

...Айнабад приехала с отцом к строителям, когда там были заняты перебазировкой к новому месту работы. От всего поселка осталось несколько маленьких ватных домиков.

Мощные тракторы, обтертые песком до зеркального блеска, стояли запряженные, как лошади, в возки.

Около одного из тракторов Айнабад увидела мать. Она с трудом узнала ее в синем запыленном комбинезоне, кирзовых сапогах и темных очках. Айнабад бросилась матери на шею, принялась целовать ее. А когда улеглось волнение встречи, девочка попросила показать ей школу.

— Вон маленький дом. Торопись, мой баранчик, а то его скоро утащат!

— Нурбиби, у вас как на войне, — сказал Борис Дурдыевич. — Перебазировка, паступление.

— Да, как на войне! Перебрасываем тылы!

Пока Айнабад бежала к школе, она успела прочитать несколько вывесок: «Магазин», «Сберегательная касса», «Клуб», «Парикмахерская». Следы на песке показывали ей недавние улочки, порядок стоявших домиков. Позже она узнала и названия улиц. Их было здесь много: улица Мира, Московская, Ленинградская, Ашхабадская и даже Херсонская.

На Херсонской жили украинцы из города Херсона. А вот и школа. Айнабад радостно влетела в комнату. Она даже не заметила, что под ногами у нее вместо деревянного пола расстелены мягкие кошмы.

В маленькой комнате тесно стояли четыре парты. На стене висела доска.

Невысокий мальчик с жестким ежиком рыжих волос перевязывал шпагатом книги. Лицо, руки, открытая грудь — все у него было в веснушках. Казалось, он светился от них.

Ребята быстро познакомились, и Шурик Горяев тут же рассказал, что в школе учится шестнадцать учеников: два в третьем классе, один в седьмом, в пятом шесть, в четвертом один, в первом три...

— А сколько в шестом? — нетерпеливо спросила Айнабад.

— В шестом? — Шурик наморщил лоб, принялся считать. — Три!

— А ты в каком классе?

— Я в четвертом — один!

Шурик показал свою ученическую фуражку, примерил ее. Он объяснил, что только у него одного из всех мальчиков полная школьная форма. Фуражку Шурика носят все по очереди. Сам он носит свою фуражку с желтым кантом по субботам и воскресеньям.

Фуражка была велика и давила Шурику широкими полями на уши.

Айнабад едва сдерживалась, чтобы не засмеяться.

— Знаешь, куда мы переезжаем? — шепотом спросил Шурик, суживая свои желтые зрачки. — В черные пески. Туда даже чабаны овец не гоняли. Папа мне рассказывал.

Хлопнула дверь, и в комнату вошла молодая учительница со светлыми волосами, цвета соломы.

— Ирина Владимировна, Айнабад приехала!

Учительница поздоровалась с девочкой и прибавила:

— Вам с отцом повезло, что застали нас здесь, а то до нового места перебазировки пятьдесят километров.

— Папа работает на бульдозере! — с гордостью сообщил Шурик. — Он на фронте разведчиком был. У него два ордена Отечественной войны. Он говорит, что впереди самые высокие барханы.

Айнабад принялась помогать Шурику, а тот знакомил ее с ребятами, которые то и дело появлялись в классе.

— В очках — Жора Инякин, — Шурик показал рукой. — Я тебе о нем говорил. Он в седьмом классе учится. Мы с ним сидим на одной парте. Ирина Владимировна меня так посадила, чтобы я ни у кого не списывал. Знаешь, мы в школе многое делаем сами. Убираем, протираем пыль, моем окна. Назначат дежурной — узнаешь. А тебя, наверное, с Зиной Фоминой посадят, — авторитетно сказал он, глубокомысленно наморщив лоб. — Раньше я с ней сидел, так Ирина Владимировна пересаживала, чтобы я ей задачки не помогал делать. А ты любишь с мальчиками сидеть?

— Мне все равно.

— А когда Зину Фомину со мной сажали, она плакала. А ты коллекцию жуков не собираешь? У меня уже есть двадцать жуков. А потом еще камни. Я их в Чарджоу нашел. Есть красный сверкач, синий сверкач. Витька хотел со мной поменяться на красный сверкач, только я не знаю, что у него попросить. Мне крючки надо, рыбу ловить, а у него их нет.

— Шурик, а что это за камень — красный сверкач?

— Ударишь о железку — вылетают красные искры!

Перед вечером, когда спала жара и песок немного остыл, тракторный поезд тронулся.

Нурбиби усадила мужа и дочь пить чай. Но, как только трактор дернул, в домике все затрещало, стол закачался, заплясали пиалы.

— Здесь и чаю не выпьешь! — сказал Борис Дурдыевич, хватаясь за спинку кровати. — Мне кажется, что мы на тонущем корабле.

— Это без привычки! — засмеялась Нурбиби. —

Помнишь, как меня укачивало на верблюдах? Привыкла. Через бархан переберемся, и кончится тряска.

Но Айнабад и Борис Дурдыевич пожелали ехать снаружи. Они устроились на площадке тамбура.

Айнабад последний раз оглянулась. На месте поселка осталось несколько ящиков, бочек, обрывки бумаги. Не верилось, что еще недавно здесь был благоустроенный поселок.

— Вот и еще одно наступление! — сказала Нурбиби.

— Хорошо, хоть в сторону Ашхабада едем, — улыбнулся Борис Дурдыевич. — Право, мы с Айнабад уже устали от впечатлений. Ни чаю попить, ни спать нельзя.

— В Ашхабад мы приплывем на пароходе, — задумчиво сказала Нурбиби. — Борис, не смейся. Я знаю, ты опять назовешь меня фантазеркой. Мы строим пока первую очередь, а это четыреста километров по пустыне, трудных, тяжелых четыреста километров. А потом пойдет вторая очередь, третья. Мы поведем канал от Мургаба к Теджену, а от Теджена — на Ашхабад.

Домик странно качнулся и полез за трактором вниз. Айнабад испугалась, ухватила за мать.

— Не бойся, доченька, это мы с бархана спускаемся.

— Ничего страшного нет, то поднимаемся, то спускаемся! — недовольно сказал Борис Дурдыевич. — А когда мы полетим? Ты нам об этом не забудь сказать!

Мотор трактора надсадно гудел. Салазки домика часто зарывались в крутые откосы барханов. Айнабад начала верить, что Шурик не обманул ее и сказал правду.

— Это тяжелый участок! — заметила Нурбиби, словно угадывая мысли дочери. — Каждый бархан — как трехэтажный дом. Придется нам еще здесь горя хлебнуть. А как будем солярку возить? Машины не пройдут. — Она вздохнула. — Хорошо, что хоть вода с Аму-Дарьи идет самотеком.

— Мама, ты знаешь, папа двадцать бутылок запас в дорогу, — засмеялась Айнабад.

— Смейся! А ты деда своего, Оразгельды, спроси, что такое жажда! Он тебе скажет... А как же будет с горячим, Нурбиби?

— Не знаю. Стану думать — голова кругом идет! Одним бульдозерам только подавай десять тонн горючего.

— Трудно тебе! — с невольным уважением к жене сказал Борис Дурдыевич.

— Нелегко. Дорого нам достаются эти километры! — задумчиво сказала Нурбиби, но вдруг оживилась: — Но посмотри, разве канал этого не стоит?

С высоты бархана открылся канал. Заходившее солнце ярко расцветило воду, как будто раскатало по ней красную ковровую дорожку.

Видно, открывшаяся картина захватила и тракториста. Он остановил машину.

Люди были поражены невиданным зрелищем. Но потом, когда всмотрелись, то поняли, что очарование пустыне, всю прелесть придавала ей сочная зелень.

Это было похоже на чудо. Семена трав, злаков, кустарников, что из года в год ложились в сухой, мертвый песок, вдруг очнулись, ожили. Они выбросили свои зеленые побеги, крепкие листочки. Вода канала, просачиваясь в песок, наступала на степь, будила там жизнь.

— Как чудесно! — восторженно сказал Борис Дурдыевич. — Интересно посмотреть, как вы строите!

— Покажу, все покажу! — пообещала Нурбиби.

И тут же с увлечением принялась рассказывать, как строят канал, какие используют для этого машины. Айнабад и Борис Дурдыевич старались представить себе, как бульдозеры срывают барханы, роют «пионерный» канал. А Нурбиби все объясняла и объясняла. Из ее рассказа выходило, что вслед за бульдозерами идут по воде земснаряды. Им предстоит расширить и углубить канал.

Стало прохладно. Нурбиби посмотрела на свернувшуюся калачиком дочь:

— Поняла, баранчик?

— Поняла! — сонно сказала девочка, стараясь согреться.

— Замерзла? В этом вся особенность песков: днем жара, а ночью холодно. Без ночного отдыха человек бы здесь не выдержал.

Прошло несколько дней, и степь была обжита на новом месте. В поселке потекла привычная жизнь. Начал торговать магазин, заработали столовая, баня, сберегательная касса и парикмахерская.

Но, в отличие от всех других поселков, люди начинали здесь работать и спешили в магазины на рассвете, когда еще было легко дышать.

Однажды перед самым рассветом Айнабад вышла из дому. Было еще по-ночному темно, но в узкой посветлевшей полоске на горизонте угадывался близкий день. Не раньше и не позже этой минуты начинали тянуть с дальних озер гуси и утки. Гуси обычно летели высоко, не выдавая себя криком.

Совсем не так появлялись утки. Они шли низко, почти над самой землей. Селезни, словно боясь растерять стаю, все время тревожно покрикивали.

Неожиданно появившийся поселок не изменил извечного пути перелета птиц, но они пугались ярких огней. Вот и сейчас с криком пролетела очередная стая уток. Айнабад посмотрела ей вслед.

Послышался гул мотора и скрежет гусениц. Девочка обернулась и увидела за рычагами Петеньку. Он был загорелый, черный, а волосы посветлели, выгорели.

— Здравствуй, Айнабад! — Петенька приветливо помахал рукой. — Соседями будем.

— Почему? — с любопытством спросила девочка, оглядывая улицу.

— Мне начальник сказал: «Выберешь место — волоки дом!» — Петенька так энергично кивнул головой, что с нее чуть не слетела маленькая замасленная кепка.

Осмотрев трактор со всех сторон, Айнабад поинтересовалась, где же дом, о котором говорит бульдозерист. Петенька ответил, что дом есть, только его притащить надо.

— Можно мне с вами?

Петенька протянул девочке руку, помогая ей взобраться на трактор. Никогда Айнабад не думала, что у маленького бульдозериста Петеньки может быть такая крепкая, железная рука.

Трактор взревел и, навалившись всем весом стальной громадины на одну ленту гусеницы, повернулся на месте, вырыв большую яму. К сожалению, Айнабад не знала, что это был особый шик, блестящее мастерство водителя. Подымая пыль, трактор двинулся по поселку.

На востоке заалела полоска зари. Она все время ширилась и росла. Наконец проглянуло солнце, высветив сразу всю степь, высокие барханы и пески.

Трактор дошел до канала. Напрасно Айнабад старалась найти домик, о котором говорил ей Петенька. На салазках из толстых бревен навалом лежали брусья, доски и рамы.

Петенька быстро и деловито прикрепил колющий расщепленный трос к салазкам. От резкого рывка трактора сани закрипели, доска ударилась о доску, брус о брус, но огромная куча не рассыпалась.

— Поставим дом и справим новоселье! — Петенька отпустил педаль, с силой задергал рычаги. — У нас радиоприемник есть с проигрывателем, много пластинок. На Каховке наградили. — Он улыбнулся всем лицом, открыто и просто.

Недалеко от дома, где жила Айнабад со своими родителями, Петенька отцепил салазки и уехал. Вскоре он вернулся с плотником, пожилым мужчиной с пышной рыжеватой бородой. Плотник нес в руке деревянный ящик с инструментом.

Айнабад как замороженная смотрела на неторопливую, но сложную работу плотника. А у его ног уже выросла гора стружек. Они падали кольцами на песок, как шерсть во время стрижки овец.

В горячем воздухе непривычно запахло свежей смолой. Плотник нагнулся, захватил полную охапку стружек, понюхал и протянул их Айнабад:

— Запах какой! Нет расчудесней дерева сосны: бревном на сруб ложится, доской на потолок идет, пол из нее набирают, радует глаз фигурным наличником. Даже в стружке не умирает. Дух какой! Первое дело такими стружками матрац набить. Никогда голова болеть не будет.

Гладкие и ровные доски одна за другой ложились стопкой около мастера.

— Как быстро вы работаете! — сказала Айнабад.

Когда Айнабад вернулась из школы, на дом натягивали брезентовое покрывало.

— Ура! — громко крикнул Петенька. — Потолок и стены есть! — и похлопал рукой по брезенту.

Сверх брезента мужчины натянули ватное, простеганное, как одеяло, большое покрывало. Из-за этих покрывал все домики называли ватными.

Айнабад с радостью бросилась помогать взрослым.

Она застегивала покрывало короткими палочками, которые были пришиты вместо пуговиц.

— Одели дом ватой, и не надо теперь печку ставить! — засмеялся плотник. — В жару будет прохладно, в холод — тепло.

Ватный домик! Сколько раз мать описывала его в своих письмах, но только сейчас Айнабад увидела, как его строят.

Плотник собрал закрутившиеся от жары стружки, вытер руки.

— Вот, кажется, и простая работа дом собрать, а приятно самому посмотреть. Удивительное дело — руки! Сколько я смотрю на них, и всегда радостно. Чего они только не могут! Хочешь — ложку деревянную выстрогают, сапоги стачают, дом построят, самолет! Удивительно! — Он тронул Айнабад за рукав платья: — Ты посмотри, как тебе окошко подмаргивает. Мы ему скоро фигурный наличник наденем, пусть смеется. ~~Должны~~ люди знать, что здесь работал Кузнецов Иван Иванович. Русский плотник, владимирский!

Однажды в школе стало известно, что шофер Макарий с Херсонской улицы привез на своем бензовозе веточки тополя.

Ребята толпились около запыленной машины. Тут уже было много и взрослых.

Макарий, высокий, черный от загара, в помятой соломенной шляпе, сажал веточки. Свою широкополую шляпу он привез с Украины и любовно называл «брилем». Странно было видеть нежные веточки тополя среди выжженных песков, пересыпающихся барханов, кустов саксаула и редкой жесткой травы.

Счастливы, успевшие дотронуться рукой до маленьких веток, ощущали тонкий и удивительно свежий запах их клейких почек.

И кто знает, какие воспоминания навеяли эти веточки на людей. Но они знали, что теперь пустыня им не страшна. Они будут переделывать природу, посадят в песках деревья. И здесь вырастут такие же высокие тополя, как на Украине, в Крыму, на Кубани, в Узбекистане, откуда они приехали.

Не сговариваясь, все принялись разбирать саженцы, чтобы скорей их посадить и заботливо полить.

Но жара успела сделать свое дело: большинство веточек было с обожженными, поникшими листочками.

— Боюсь, что не примутся саженцы! — сказала встревоженно Ирина Владимировна.

Макарий повернулся к учительнице. Его большие, тяжелые руки чуть задрожали. Они выдали его волнение.

— Посмотрите, они сгорели от жары!

— А я все равно посажу! — упрямо сказал шофер. — Эти не пойдут — новые посажу. Придут после нас люди — хорошим словом вспомнят. В Чувашии я видел дубовый лес. Все его Кузнецовским зовут. По имени человека, который его сажал. Доброе дело никогда не умирает!

— Как вы хорошо сказали! — с жаром произнесла Ирина Владимировна. — Доброе дело не умирает! Вы слышали, ребята? Правда, мы с вами тоже будем сажать?

— Привозите саженцы! — попросила Айнабад.

— Это можно! — улыбнулся Макарий. — Как только за соляркой поеду, привезу. Скоро к нам привезут катер и баржи, тогда по воде будем ездить! Может быть, в кабине саженцы сильно греются?

— А вы постарайтесь не перегревать, — заметила Нурбиби. — А саженцев нам нужно много. Сейчас по радио передали, что наш Карамет-Нияз будет городом. Порт собираются строить. А ведь правда хорошо, когда город зеленый!

Г л а в а п я т а я

ЭКСКАВАТОРЫ, БУЛЬДОЗЕРЫ И ЗНАМЕНИТОСТИ

На новых землях работали круглые сутки. В поселок с полей долетал глухой гул моторов; позванивали в окнах стекла, словно растревоженные комары.

Ромка каждый день приставал к отцу, чтоб тот взял его с собой в поле. Мальчику не терпелось посмотреть на работу экскаватора и бульдозеров. За время ожидания

парохода на пристани Ромка привязался к машинам и полюбил их.

И вот как-то на рассвете отец разбудил Ромку:

— Пойдешь со мной?

Ромка вскочил и бросился к умывальнику. Он не слышал, как мать ворчала на отца за то, что он в такую рань поднял парня, не дал ему выспаться. Отец смеялся, оправдывался и обещал больше этого не делать. Но Ромка знал, что отец не сдержит слово, а говорит, чтобы успокоить мать.

На улице было прохладно и свежо. Аул уже проснулся, отсюда долетал горьковатый дым печей, голоса людей, блеяние овец и мычание коров.

Ромка нес в большом ситцевом платке завтрак отцу. Размахивая узелком, представил, что похож сейчас на любого мальчика из аула и даже на Джуру.

Ромка во всем старался подражать своему соседу по парте. Он завидовал Джуре и его славе лучшего охотника и бывалого человека. Ему хотелось так же просто говорить об убитых птицах, о походах в степь, доставать из сыромятных ножен кинжал, когда понадобится заточить карандаш.

— Ты чего отстаешь? — нетерпеливо позвал отец.

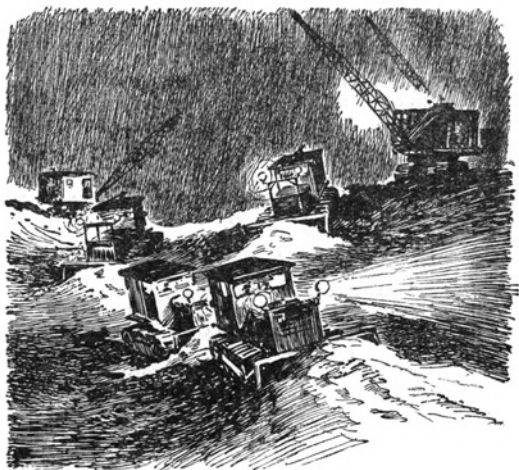
Ромке еще не случалось уходить в степь так далеко. Давно уже кончились колхозные поля. Гул моторов бульдозеров все нарастал и нарастал.

Поднялись гряды песка. Было даже удивительно, как отец находил среди них дорогу. Сначала Ромка думал, что отец идет по своим следам, но скоро убедился, что песок долго их не сохраняет. Оглянувшись он назад, где только что прошел сам, а там остались осыпанные круглые ямки. Они были очень похожи на масляные пятна на бумаге.

— Слышишь?

Ромка утвердительно кивнул головой. Впереди подымалось к небу темное облако пыли. С зажженными фарами двигались машины. Оглушительный рев моторов, лязг гусениц, скрежет катков не стихали ни на минуту.

— Нож привалил и ревет! — с досадой сказал отец и захватил в горсть песок. — В этом наждаке надо уметь работать. Чем-то меня ночная смена обрадует? Вчера у одного бульдозера песок подшипник катка съел. На чер-

ноземе этого не случится! Интересно, как Петр Егорович работает. Ты помнишь волгодонца?

— Петеньку? — обрадованно спросил Ромка. — Не забыл. А его жену Зиной звали! Папа, а что сейчас делают машины?

— Сейчас зарывают старый арык. — Отец поправил кепку. Под ней мелькнула белая, пересекающая лоб полоска. Отец сильно загорел. Лицо его обветрилось. Резче обозначились скулы и глубокие оспинки на щеках. — А потом будем ровнять. В конторе карта есть. Я тебе покажу, тогда скорей поймешь. — Он помахал бульдозеристу рукой и двинулся в обход канала.

— Кажется, сегодня без чудес, — вздохнул Василий Семенович. — Все работают. А вчера два бульдозера целый день простояли!

Он тут же подробно стал рассказывать Ромке, как трудно работать в песке, как быстро изнашивается машина, как часто приходится менять смазку, фильтры. Незаметно для себя он объяснил предстоящую работу. Выходило, что бульдозеры должны были скрыть каналы, разровнять землю, а канавокопатели — нарезать временные каналы для пропуска воды.

Ромка спросил, а как же будет с тузовыми деревьями — они будут мешать работе.

— Знаю. Ты не бойся, их не срубят. Все до одного выкопаем и пересадим на новое место... Ведь вчера только говорил, — вдруг разволновался отец, показывая на стрелу экскаватора. — Опять ковш высоко поднимает и пылит. Половину земли теряет. Разве можно так работать!

Ромка не понимал недовольства отца. Он восхищался работой стального гиганта. Удар — и стрела уносит ковш, полный земли.

Впереди тянул серый дымок костра. Рядом с ним на песке сидел старик в большой черной папаше.

— А, Оразгельды, уже пришел! — весело заметил отец. — Каждый день к нам приходит. Ребята его инспектором по качеству прозвали. Ты побудь с ним, а я к экскаватору схожу.

Ромка обрадовался и побежал к старику.

— «Инспектор по качеству»! — повторил он и засмеялся.

— А, бала! — Оразгельды бросил в огонь сухую колючку. — Ты чего не заходишь? Дыня ждет тебя!

— Зайду! — Ромка опустился на землю, поджав ноги.

— Опять отец Иванова учит! — сказал Оразгельды и хитро засмеялся. — Большой башка. Ты смотри!

Экскаватор взмахнул стрелой и послал тяжелый ковш вперед. А через минуту стрела замелькала и принялась описывать круг за кругом. Здесь уже не было ни лишних движений, ни пустых проносов ковша.

— Ай бо! — восторженно сказал Оразгельды и посмотрел на мальчика.

У Ромки закружилась голова, пока он следил за работой экскаватора. Он прикрыл глаза, чтобы прийти в себя.

Через полчаса к костру подошли отец и экскаваторщик Иванова. Это был молодой парень в синем замасленном комбинезоне.

— Обижаешься, а как не ругать тебя! — сказал отец и похлопал Иванова по плечу. — Каждый день показываю. Хочу специалиста из тебя сделать.

— Василий Семенович, да я стараюсь! — виновато оправдывался экскаваторщик и ожесточенно тер тряпкой грязные руки. — А еще трос оборвался, я стоял.

— Садитесь чай пить, лепешка есть! — пригласил Оразгельды. — За столом не спорят.

— Опять трос! — недовольно сказал отец и отпил чай из пиалы. — Иванов, ты знаешь, что нам торопиться надо? Вода с канала идет!

Оразгельды начал заворачивать в разостланный на земле платок куски лепешки, сахар, пиалы.

— Папа, я пойду с Оразгельды.

— Ладно!

Оразгельды шел неторопливо. Он молчал, но весь его вид говорил о том, что старик доволен развернувшейся работой.

Около бульдозера Оразгельды остановился, сбросил козловую сумку с плеча и принялся расстилать платок. Ромка помогал ему.

Но бульдозерист явно не замечал их приготовлений к чаю.

— Я сбегая к нему!

Ромка бросился бежать по взрыхленной земле. Бульдозерист остановил машину, улыбнулся на Ромкино приглашение и ответил, что сегодня выдался хороший день: его уже напоил чаем туркменский паренек. Он выпил три пиалы, но с удовольствием выпьет еще. Ромка должен знать паренька, его зовут Джурой.

Ромка обрадовался, когда услышал имя своего товарища.

— Если тебе Джура нужен, поищи его на конце гона, — заметил бульдозерист.

Оразгельды погладил рукой чисто выщипанный подбородок.

— Ай, молодец Джура! — сказал он. — Я и вчера его здесь видел. Не трудно воду вскипятить, но сколько радости доставляет глоток чая! Догони его, Рохман, вместе пойдете!

Ромка увидел Джуру на хлопковом поле. Мальчик доставал что-то из кармана, а потом клал это в землю.

— Джура, ты птиц ловишь?

Но, вместо того чтобы ответить товарищу, мальчик показал на зеленый квадрат, где в углу, между поднимающимися листочками, зияла пустота.

— Как здесь посеян хлопчатник?

— Квадратами.

— Весна у нас в этом году выдалась очень холодная, семена плохо всходят. Дай руку. — Джура опустил Ромкину руку в свой глубокий карман.

— Почему у тебя мокрый карман?

— Правильно, мокрый. А я в нем проращиваю семена. Их можно где угодно носить, но в кармане удобнее всего.

Джура достал из кармана новые семена и подбросил. И, быть может, оттого, что он поймал их все до одного в свою глубокую ладонь, он открыто улыбнулся:

— Каждый день нужно подсаживать.

— Дай семян! — Ромка присел на корточки перед арыком и тут же ладонями наплескал в свой карман воду. — А где носят семена девочки? В их свободных платьях ведь нет карманов!

— Правильно! — Джура засмеялся. — Я им посоветовал сшить мешочки. Они свои семена в мешочках носят.

Прошло несколько дней, и Ромка убедился, что, чем бы ребята ни были заняты — бежали ли с прутиком, отсекая широкие листья лопухов, пылили ли по пескам, или бежали по каким-нибудь важным делам, — их острые глаза всегда замечали плешины на хлопковых полях, а заботливые руки подправляли зеленые квадраты.

В шестом классе были свои знаменитости. К ним принадлежали Джура, Ташли, Ромка и Мамед. Если Джура считался лучшим охотником, Ташли — велосипедистом, а Ромка — обладателем самых интересных вещей, то Мамед славился тем, что всегда узнавал обо всем самым первым.

Прошел ли диктант по русскому языку, Мамед мог точно сказать, кому какие поставили отметки, подрались ребята — кто был зачинщиком, собрались на охоту — куда пойдут. А когда приехал новый начальник планировочного отряда, Ромкин отец, Мамед сообщил, что

мальчика зовут Романом. Только ему одному было известно, кто вырезал ножом на крышке парты две буквы — «Э» и «К».

Джура иногда ловил себя на том, что часто во время уроков смотрел на круглое лицо Эджегиз, на ее длинные черные косы, на тюбетейку с нашитыми серебряными монетками. Правда, для этого у него всегда находился предлог: то надо попросить у Ромки промокательную бумажку, то перо или узнать у Мамеда, какой задали пример. Это чувство к девочке для Джуры было новым, и он стеснялся его.

Однажды во время перемены Джура замешкался в классе. Перед ним неожиданно вырос Мамед. Он посмотрел Джуре в глаза и сказал раздельно, с издевкой:

— Эджегиз Кулиева! — и показал на крышку парты.

— Что — Кулиева? — переспросил Джура и быстро прикрыл рукавом цветастого халата крышку.

— Не прячь. Я видел. Здорово ты вырезаешь! — засмеялся Мамед. Его косящий левый глаз хитро подмигнул. — Пять патронов к ружью, и я молчу. — Для большей убедительности он разжал кулак и показал пять грязных пальцев.

Но Джуру нелегко было запугать. Он умел постоять за себя. Подтащив Мамеда за полу халата, он сильно ударил его крепким кулаком.

— Считай, один патрон. А четыре еще можешь получить!

Мамед выпрямился, снова подмигнул косящим глазом и показал растопыренные пальцы рук. Он не отказывался от своего требования.

На уроке Джура попробовал сосредоточиться, но не мог. Из головы не выходила недавняя стычка с Мамедом.

Учитель дважды строго посмотрел на Джуру. Мальчик силился вспомнить заданный номер задачи, но не мог. Конечно, проще всего было бы спросить у Ромки. Но Ромка так старательно переписывал условие задачи, что Джуре было совестно отрывать товарища. Джура повернулся к сидящим сзади.

Мамед как будто ждал этой минуты. Над партой два раза подряд поднялась его рука.

— Десять!

Джура отвернулся и принялся листать задачник. По-

том ему пришлось попросить промокашку, и он снова наткнулся на стерегущий взгляд Мамеда.

Странное поведение Мамеда не укрылось от класса. Ребята решили: Мамед затеял какую-то игру.

Джура огляделся. Со всех парт к нему тянулись руки. Ребята пока еще ничего не знали, но Мамед мог все рассказать. И Джура представил себе, как они хором начнут выкрикивать: «Эджегиз Кулиева, Эджегиз Кулиева!»

Мальчик едва дождался перемены. Ему хотелось побыть одному, собраться с мыслями, все продумать. Он понял, что Мамед все ловко подстроил.

Перемена прошла. Джура вернулся в класс и увидел на доске две нарисованные руки.

Позже других в класс вбежала раскрасневшаяся Эджегиз. Монетки на тюбетейке и халате звенели.

— Как не стыдно! Кто это нарисовал? — возмутилась она.

— Джура! — крикнул Мамед и спрятался за спину соседа. — Эджегиз, у него и руки в меле!

— На, стирай! — повернулась Эджегиз к Джуре.

Ребята с интересом смотрели на Джуру. Он понял, что лучше всего сейчас уступить, чтобы не привлекать внимания, не разжигать любопытства.

Ромке захотелось узнать, зачем Джура нарисовал на доске две руки, и он попросил, чтобы Мамед объяснил ему.

— Это наша национальная игра. Знаешь, как прячут ножичек? — спокойно сказал Мамед. — Здесь надо считать до десяти. Если хочешь играть, нарисуй две руки. Будешь играть?

Раздался звонок. В класс вошел учитель ботаники. Ромка старательно нарисовал две руки и протянул тетрадь Джуре. Но Джура нетерпеливо вырвал ее у него из рук и тут же порвал.

— Джура, что с тобой?

Ромка не мог понять, что произошло. А после уроков Джура куда-то исчез, чем еще больше озадачил Ромку. «Неужели он не возьмет меня в поле к бульдозеристам, чтобы кипятить для них чай?»

Пока Ромка терзался сомнениями, его догнал Мамед. Он жил в другой стороне, но упрямо шел за Ромкой.

— Мамед, разве я обидел Джуру?

Мамед горячо стал убеждать Ромку, что Джура известный задавала и просто завидует Ромке.

— Мне не веришь — кого угодно спроси! У кого есть блокнот с железками? У тебя! Кто погоду предсказывает? Ты!

Мамед помнил, как однажды в саду Ромка торжественно изрек:

— Не надо поливать, дождь будет!

Ребята посмотрели на небо. Было оно синее-синее, как обложка ученической тетради. Ни одной тучки. Сад полили, а ночью пошел дождь. И Мамед тогда решил, что только два человека во всем ауле могли предсказывать погоду: это учитель Сейдулла Таганмурадов и Ромка.

С тех пор Мамед все время мечтал посмотреть на Ромкин прибор. Любопытство его еще больше разгорелось, когда он подслушал, как Ромка приглашал Джуру к себе домой, чтобы показать ему рыбу.

Мамед решил обязательно рассорить товарищей.

— Я тебе говорю, не верь Джуру!

Ромка пожал плечами. «А настоящий ли Джура друг? Такой ли, как Федя, как Айнабад?» — подумал с сомнением Ромка.

И, поддавшись минутному настроению, Ромка пригласил к себе домой Мамеда, чтобы показать ему скафиринха.

— Эта рыба предсказывает погоду, — сказал торжественно Ромка и показал на стену. — Она водится в реке Миссисипи и у нас в Аму-Дарье. Том Сойер и Гекльберри Финн за ней охотились, но им не удалось поймать!

Скафиринх висел на нитке над кроватью Ромки. Длинный гладкий хвост упирался в стену. На стене были наклеены две маленькие бумажки с четкими надписями: «Ясно», «Дождь».

Мамед, исконный житель пустыни, был удивлен. Он никогда еще не видел ни одной живой рыбы. На всех картинках они были совсем другими. А эта рыба, как ему показалось, была похожа на мышь. Это сходство дополнял длинный гладкий хвост.

— Стоит на «ясно»! — сказал Ромка значительно. Он не мог лишиться себя удовольствия немного порисоваться перед товарищем.

— Угу! — Мамед осторожно дотронулся пальцем до сушеной рыбы.

Она качнулась на нитке, и длинный хвост замелькал между бумажками. Но Мамеду, видно, показалось этого мало, и он еще сильнее толкнул рыбу. Она, как маятник, раскачивалась из стороны в сторону, пока не остановилась. Стрелка хвоста упрямо показывала на «ясно».

— Понравилась, да? — упиваясь собственным величием, спросил Ромка. — Еще ни разу не подвела. Помнишь, как точно дождь предсказала? Я за ней все время слежу, чтобы кошки не сцапали.

Мамед почти не слушал Ромку. Беспокойные мысли терзали его. «Рохман не станет меняться, — уверенно думал Мамед. — Но все равно рыба будет моя. Возьму и украду. Сам сказал, что ее может кошка сцапать!»

Г л а в а ш е с т а я

КАРАДРИНА

Дома Джуру ждала неожиданная радость. Из Каракумов вернулся старший брат, Язмурад, водивший в пустыню большую экспедицию ученых.

Вмиг Джура забыл свою стычку с Мамедом и все его хитрости. Теперь, когда Язмурад был дома, ему не страшен никто на свете.

Он бросился к брату и обнял его за плечи:

— Язмурад-джан!

— Братишка!

Джура опустился рядом с Язмурадом на ковер и быстро налил чаю из большого фаянсового чайника с медным колечком на носике, пододвинул конфеты, чуреки.

Каждый из родственников или соседей, кто пришел приветствовать Язмурада, старался, как и Джура, оказать ему внимание. Одни предлагали ему свои пиалы с чаем, другие — чуреки.

Язмурад взял пиалу от Джуры. Мальчик вспыхнул от удовольствия.

Хотя Язмурад был еще молод, как он любил говорить, не вышел из комсомольского возраста, его считали одним

из лучших проводников. Пожалуй, никто, кроме старого Оразгельды, не мог так уверенно провести караван от колодца к колодцу по такырам¹ и барханам в бескрайнем море песков.

После каждого возвращения из экспедиции Язмурад рассказывал много интересных новостей. От него задолго до сообщения в газетах узнали, что в Каракумах собираются строить канал, он рассказал удивительную историю о рыжей песчанке, лисице и джейране², о том, как ученым стало известно, что дикие животные и птицы — переносчики многих тяжелых заразных болезней: пендинки, малярии, возвратного тифа.

А что такое пендинка, Джура хорошо знал. Недаром у него на щеке остался большой шрам. Да разве только у него одного! У многих жителей аула можно найти такие шрамы на лице и на теле.

В прошлый раз Язмурад водил экспедицию ученых-паразитологов. Джура забыл имя русской женщины, профессора из Москвы. Интересно, с кем он ходил в пустыню на этот раз?

Язмурад подтянул себе подушку в цветной наволочке, ловко подсунул ее под бок, прилег. Он собирался рассказывать долго.

— Вышли мы двадцатого, — начал он неторопливо и покрутил черный ус. — Все было хорошо, но у нас пала верблюдица. Вы знаете, уходить в пески без нее нельзя.

Все собравшиеся в знак согласия закивали головами.

«Зачем он об этом говорит? — подумал Джура. — Не только чабан, охотник и карабан-баши — все женщины и пионеры знают: если в колодце вода соленая, ее очень просто «исправить»: надо только добавить немного верблюжьего молока и получится чал. А его можно пить сколько угодно!»

— Пришлось искать верблюдицу. В соседнем колхозе взяли. «В поход с собой беду не надо звать, — сказал башлык колхоза. — Возьмите у нас верблюдицу». В экспедицию шли эн-то-мо-ло-ги, — Язмурад по складам произнес трудное слово и торжествующе оглядел слушателей. — Их дело изучать бабочек, жуков. Но больше

¹ Такы́р — глинистая почва.

² Дже́йран — среднеазиатская газель.

всего искали хлопковую совку, паутинного клещика, клубенькового долгоносика. — Он неторопливо отпил чай, передохнул.

— И карадриной интересовались? — спросил Непес и чуть подался вперед.

— А как же!

Эти вредители были хорошо известны колхозникам. Гусеницы часто нападали на поля, иногда даже полностью уничтожали урожай хлопчатника.

— Особенно понравился мне Володя Сизов, — немного помолчав, продолжал Язмурад. — Подружился я с ним. Хороший, веселый. Адрес оставил, в гости к себе приглашал. Он не пропускал ни одного кустика, ни одного поля. Поймает бабочку или найдет куколку, все мне о них расскажет. Он ищет способа, как бороться с карадриной.

— А нашел? — нетерпеливо спросил Непес.

— Сейчас расскажу. Узнал Володя от меня, что к нам идет вода из Каракумов, обрадовался. «Значит, будете новые земли распахивать? А как думаете их защищать от вредителей?» — «Не знаю!» — «Вот и плохо. Не было посевов — не было вредителей. Надо заранее защитить новые поля, не дать перелететь на них бабочкам, не дать переползти гусеницам. Особенно бойтесь карадрины. Ее больше всего в вашем районе».

— А как это сделать? — пряча улыбку под большими черными усами, спросил Курбан Садыков, бригадир огородной бригады. — От бабочки высокий дувал не поставишь. Она и через дувал перелетит!

— Язмурад, скоро мы дадим колхозу двести гектаров новых земель, — сказал с гордостью Непес, обращаясь к брату. — А вот как их уберечь?

Джуре стало обидно, что старший брат Непес опередил его.

— Язмурад, а Володя научил тебя, как бороться с карадриной?

— Да. Он оставил мне много книжек. Но самый лучший способ нам нужно найти самим. Бабочка еще плохо изучена... Непес-джан, когда же вы успели столько земель поднять?

— Вода торопит, новый начальник приехал — Василий Семенович, он торопит. — Непес постучал по зубам

тыквенной бутылочкой, чтобы легче было открыть пробку из ремешка.

— А можно тебе помогать с бабочками бороться? — спросил нетерпеливо Джура.

Язмурад внимательно посмотрел на младшего брата, как будто оценивал его силу, прошупывал под халатом крепость мускулов.

— Зачем спрашиваешь? Собери побольше ребят, только спасибо скажем. Посмотри, нет ли в магазине фонарей «летучая мышь». Если есть, бегом сюда!

Язмурад снял с гвоздя свою старую фуражку пограничника. Кто знает, какие воспоминания навевала она бывшему солдату. Он решительно взмахнул рукой, как будто саблей пересек лозу:

— Задержим карадрину!

Джура выскочил на улицу и побежал в магазин. Фонарей в магазине не оказалось. Конечно, можно было поискать их по домам колхозников, но он об этом не подумал.

Не будь недавней встречи со взрослым охотником, Джура бы совсем по-другому отнесся к поручению Язмурата. Но теперь серенькая туртушка с коричневой грудкой целиком завладела всеми его помыслами.

Чем больше мальчик думал об охоте, тем становился все более озабоченным: его беспокоили заряды. У Джуры были только гильзы, порох и пистоны. Пыжи он сам рубил из старой кошмы, а дробь катал между двумя чугунными сковородками.

— Знаешь, туртушки прилетели! — поделился своей радостью Джура с Ромкой.

Но Ромка принял это известие равнодушно, даже как будто чуть-чуть испугался.

Через несколько дней после приезда Язмурата Джура отправился покупать гильзы и заодно справиться о фонарях. Повстречавшемуся Ромке он предложил зайти в магазин вместе. Но Ромка придумал какой-то предлог и поспешил уйти.

«Разве он не охотник?» — удивился Джура.

Продавец магазина, толстый Гайып-ага, уже привык к посещениям мальчика. Заметив Джуру, он покачал

головой и прищелкнул языком, чтобы выразить досаду.

— Ну, чего бегаешь? — сказал Гайып-ага. — Слушай, возьми керосиновые лампы. Как провели электричество в колхозе, их у меня больше не покупают. А две последние «летучие мыши» купил у меня чабан Хаммат.

— А где его найдешь?

— Трудно сказать. Человек в песках — как маленькая иголка: потеряется, и не скоро отыщешь!

Джура не заметил притаившегося у прилавка с книгами Мамеда. Как только Джура вышел из магазина, Мамед перестал рассматривать книги и смело подошел к продавцу.

— Гайып-ага, я совсем забыл сказать, что меня послали к вам за фонарями.

— А где я возьму? Джура каждый день бегаёт. Придумал эту затею Язмурад на мою голову! Что, мне теперь за ними в Ашхабад лететь?

— Вы сумеете достать! — лыстил Мамед. Он торопливо налил из большого пузатого чайника чай в пиалу и пододвинул ее продавцу. — Трудная у вас работа.

Гайып-ага был рад, что хоть Мамед посочувствовал ему. Все приходят в магазин и только требуют. То подавай буфет, то гардероб, как в городе, или детскую кровать с блестящими шариками. Вспомнив об этом, Гайып-ага тяжело вздохнул.

— А тебе сколько надо?

Мамед сказал, что хватит с него и одного.

— Один я тебе из дому принесу. А вот как мне быть с Джурой? Ему одного мало. Решили поля защищать от карадрины. Как думаешь, получится у них? Учитель в школе что говорил?

— Карадрина — вредитель! — заспешил Мамед. Он не мог скрыть своей радости: теперь-то он знает, что за дела у Джуры.

Через минуту Мамед был уже у Ромки.

— Рохман, может быть, ты теперь скажешь, кто твой лучший друг? Разве так поступает настоящий товарищ?

— Что случилось?

— Завидует тебе Джура. Придумывает разные вещи, чтобы прославиться. Сейчас надумал с Язмурадом поля защищать от карадрины. Он тебе об этом сказал?

— Нет.

— Видишь, скрывает!

— А ты не врешь?

— Не веришь? Спроси у своего Джуры! — запальчиво сказал Мамед обиженным голосом. — Я тебе больше ничего говорить не буду. Думаешь, я нарочно наговариваю на Джуру?

Хитрый Мамед, кося глазом, обшарил комнату. Засушенная рыба висела на своем месте. Тонкий хвост скафиринха показывал на «ясно».

Мамед щелкнул по рыбе и убежал.

На огороде работала Эджегиз. Мамед и ей торопливо принялся рассказывать, что Джура скрывает от всего отряда задание Язмурада.

— Разве мы бы не помогли ему?

Но, как ни убежденно говорил Мамед, Эджегиз не верила ему. Она хорошо знала Джуру, храброго, честного. На такой поступок он был не способен.

— Зачем ты врешь, Мамед?

— А ты пойди спроси!

И, чем больше Мамед убеждал и уговаривал, тем меньше Эджегиз верила ему.

Целый день бегал Мамед по аулу и рассказывал всем ребятам о Джуре. Многие ничего не понимали из рассказа Мамеда, но почему-то начинали верить, что Джура поступает плохо.

На другой день Мамед получил у Гайып-аги фонарь и прошелся с ним мимо кибитки Джуры. Расчет оказался точным. Язмурад заметил Мамеда. «Почему Джура молчит, что он успел сделать?» — подумал он и позвал Джуру. Но, посмотрев на дверь, Язмурад все понял. Ружья и патронташа на месте не было. Братишка пропал на охоте.

В окне мелькнул Ташли на велосипеде.

— Эй, Ташли! Крути сюда скорей!

Ташли быстро подъехал.

— Собери ребят, Ташли. Дело у меня важное. Да и сам приходи. Мамеда увидишь — зови, передай Эджегиз, Рохману и другим!

— Куда приходить?

— Сюда.

Скоро ребята собрались. Эджегиз пришла вместе с Ромкой. Мамед это заметил.

«Расскажет о карадрине, — подумал Мамед и хихикнул вслух. — А где фонари? В магазине их нет!»

— Ты чего? — Ромка толкнул в бок Мамеда.

Он с интересом разглядывал худошавого, жилистого Язмурада, о нем он очень много наслышался от ребят.

— Новую глупость придумал, — заметила с пренебрежением Эджегиз. — От него хорошего не жди!

Она всегда недолюбливала Мамеда. И, хотя Мамед считался способным и прилежным учеником, но Эджегиз замечала, что он любит подглядывать, охотно ябедничает. Тяжелы обязанности председателя совета отряда. За всех надо отвечать. Вот и Джура тоже хорош. Ушел на охоту, пропустил занятия. Но сравнивать Джуру с Мамедом она не могла. В их ауле, где жили земледельцы, скотоводы и охотники, всегда особенно ценились честность и товарищество.

— Обижаешь, Эджегиз! — улыбнулся Мамед.

«Подожди, придет время, и я расскажу ребятам, чье имя вырезал Джура на парте!»

— Садитесь, ребята! — широким жестом пригласил Язмурад. — Кто из вас видел карадрину?

— А где ее найдешь? — заметил кто-то. — Рано еще!

— Скажите, вы хотите защищать поля от карадрины? Джура вам говорил об этом?

— Нет, нет! — наперебой загалдели ребята.

— Надо фонари, — спокойно сказал Мамед.

Он еще раз доказал, что для него не существует никаких тайн!

«Как он обо всем узнаёт?» — подумал Ромка и от удивления даже свистнул.

— Рохман, а тебе Джура говорил? — спросила Эджегиз и, прищурив глаза, в упор посмотрела на Ромку. От обиды она покусывала губы. Почему Джура рассказал Мамеду, а ничего не сказал ей?

— Говорил! — соврал Ромка, чувствуя, что надо выручать товарища.

Язмурад нахмурился. Его большие черные брови, как два крыла, сошлись на переносице. Он не мог простить Джуре его беспечности.

— Джура не первый раз так поступает! — сказал Мамед. — А сегодня не пришел в школу. Я бы не сказал об этом, но хочу ему помочь! Надо ему исправиться!

«Так не поступают настоящие товарищи!» — убежденно решила Эджегиз.

Ромка сжал руку Мамеда и угрожающе зашипел ему на ухо:

— Знаешь, как это называется?

— Чудак ты! — оправдывался Мамед. — Я же для Джуры старался.

— Ребята! — сказал Язмурад. — Плохо, что Джура ничего вам не рассказал. Надо делать ловушки, выходить с ними в поле. Хотите помогать?

Это была на редкость удачная охота для Джуры. Пять выстрелов — и пять туртушек повисли на сыромятных ремешках вокруг его узкого пояса.

На охоте мальчик не замечал времени. А между тем солнце уже поднялось высоко и огромным горячим шаром висело над степью. Жизнь замерла. Не пробегал больше жук-скарабей, расстилая частую лесенку следов, не проползала черепаха, вспарывая широким панцирем песок, не рисковал выбежать из норы и заяц. Где-то в кустах прятались птицы.

Удача баловала Джuru. Под кустом саксаула с зелеными острыми листочками он заметил еще одну притаившуюся птицу. Он упал и пополз на локтях. Но теперь уже ни ватный халат, ни толстые подошвы чакоев¹ не спасали его от жары и раскаленного песка. Черный вороненый ствол ружья нестерпимо обжигал руки.

Джура прицелился и выстрелил. Птица упала, но он не сразу нашел ее. Туртушка еще не успела потерять свою красоту. Серые перья спинки и крыльев надежно маскировали ее на песке, а коричневая грудка и маленькая голубиная головка были расцвечены под камень далеких гор Копет-Дага и глинистых такыров.

Джура воткнул в песок ружье. От двустолвки вытянулась короткая тень. По ней он определил, что уже за полдень. Ему надо было торопиться домой, чтобы дичь не пропала на жару.

На барханах, где он еще недавно проходил, следы уже затянуло. Но это не пугало Джuru: он умел находить до-

¹ Ч а к о б и — род самодельной обуви, в которой ходят чабаны и охотники.

рогу в пустыне, как все охотники и чабаны. Он знал, что все наветренные, пологие склоны барханов обращены на север, а крутые — осыпания — на юг.

Его чакон, похожие на короткие лыжи с острыми загнутыми носами, легко скользили по песку. Джура запел. Это была бесхитростная и радостная песня об удачной охоте, о солнечном дне, о родной степи. На мгновение, когда у него вырвалось имя Эджегиз, он подумал о своем прогуле. Но долго грустить Джура не умел. Через минуту он был снова безмятежен.

Язмурад, против ожидания, не выразил особого восторга и не поздравил Джуру с успешной охотой.

— Язмурад, смотри, сколько я набил! — оживленно сказал Джура, заглядывая брату в глаза. — Одна, две, три... — Он пальцем перекидывал птиц. — Шесть выстрелов — шесть туртушек!

— Будь доволен!

Так безразлично мог сказать кто угодно, но только не Язмурад. Разве не он учил Джуру стрелять, водил его с собой в степь! Настоящий охотник всегда поспешит выразить свой восторг, посмотрит птицу, захочет сосчитать попавшие дробинки. А Язмурад угрюмо молчал.

«Неужели успели наябедничать, что я не был в школе?» — подумал Джура.

— Что случилось? — Он попробовал приласкаться к брату.

Язмурад сбросил руку Джуры со своего плеча:

— Ты опять прогуливаешь школу?

— Вах, Язмурад-джан, ты же сам говорил, что настоящий охотник никогда не пропустит пролет туртушки!

— А почему ты ничего не сказал ребятам о карадрине? Почему не достал фонари? Ты не хочешь защищать поля? Так и скажи! Зачем зря время тянуть? Не хочешь работать, так и другим не мешай! — резко закончил Язмурад.

Он всегда был вспыльчив. Поведение Джуры вывело его из терпения.

— Да, не хочу! — срывающимся голосом крикнул Джура, совсем не так, как следовало бы ответить старшему брату.

Далеко от дома, под старым дуплистым карагачом,

Джура присел на землю и задумался. Почему ему так не везет? Разве он не хотел вместе с Язмурадом уничтожать карадрину, ставить ночью ловушки?

На другой день Джура отправился в школу пораньше. Ему не терпелось увидеть Ромку, чтобы рассказать о своей охоте. Хотелось снова переживать каждый выстрел, каждый вылет птицы. Вспомнить все до мельчайших подробностей. Он даже приготовил первую фразу для рассказа: «Вскину ружье — и бах!»

Недалеко от дома Эджегиз он увидел, что Ромка оживленно разговаривает с Мамедом. «Что он нашел в этом косом?» — с обидой подумал мальчик.

— Гляди-ка, охотник пожаловал! — Мамед широко улыбнулся, показывая мелкие зубы. Он сказал громко, чтобы его слышал Джура: — Скажи, Рохман, что так настоящие товарищи не делают! Боишься?

— А как? — угрожающе спросил Джура. Он так сильно сжал кулаки, что побелели костяшки суставов. — Разве я тебе должен остался? За мной долг не пропадает.

— Постой, Джура! — Ромка бросился между ребятами. — Почему ты не сказал, что Язмурад звал нас охранять поля от карадрины?

Джура взглянул на Мамеда. «Вот кто все подстроил, вот кто рассказал Язмурату о пропущенных уроках!»

Мамед дразнил Джуру, показывая ему пять пальцев. Он продолжал требовать патроны за свое молчание.

— Джура, пойдем с нами ставить ловушки. Помиришься с Мамедом. Ну чего вам ссориться? — уговаривал мальчиков Ромка.

— Отстань, Рохман! С тобой Мамед, а он все умеет! — Джура быстро зашагал к школьному саду.

— Вот видишь! — обиженно проговорил Мамед, обращаясь к Ромке. — Кто, по-твоему, виноват? — Мамед боялся, что глаза могут выдать его и закрыл их. — Надо Джуру на совете дружины проработать. Эджегиз давно хотела, да я все ее отговаривал.

Все произошло так стремительно, что Ромка не мог понять, в самом ли деле виноват Джура. Ведь это был его товарищ, и Ромка старался ему помочь. Удивлял и Мамед.

— Ну скажи, что я неправ! — настойчиво приставал Мамед, стараясь вытянуть у Ромки это признание.

— Подожди! — отмахивался Ромка, боясь несправедливо обвинить Джуру. — Нельзя так сразу!

— Можешь не говорить... Я тебя не заставляю! — Хитрый Мамед опять прищурил косящий глаз. — Это твое дело!

— Рохман, иди помогать! — позвала звонким голосом Эджегиз, высовываясь из окна. — Я собираюсь доить верблюдицу!

На дворе около большой кучи колючки и прошлогодних стеблей хлопчатника была привязана верблюдица, а в стороне от нее — маленький серый верблюжонок с большими мягкими губами.

Стоило только Эджегиз загреметь ведрами, как верблюжонок начал рваться и тянуться к матери.

— Стой спокойно, дурачок! — засмеялась Эджегиз и ласково потрепала верблюжонка. — Не бойся, я не возьму все молоко. И ты получишь, сластена! Подержи его, Рохман!

Но верблюжонок был сегодня особенно возбужден. Он не слушал Эджегиз, бросался из стороны в сторону, и волосяная веревка, как колючий ерш, врезалась в ладонь Ромке.

Из-за кибитки вылетел на велосипеде Ташли и резко затормозил, подымая пыль. Ему казалось, что весь шик езды и состоял в умении резко тормозить. Это называлось у Ташли «поставить коня на дыбы».

Ташли торжествующе помахал белым четырехугольничком телеграммы и наизусть прокричал ее содержание:

— «Летучие мыши посланы самолетом. Встречайте четверг».

Это сообщение, которое так удивило телеграфистку в Ашхабаде, было совершенно понятно ребятам. Так, значит, Володя получил телеграмму Язмурада и выполнил его просьбу. Отлично! На днях можно будет начать охоту на карадрину. Ловушки уже готовы.

Всю неделю шестой класс был похож на настоящую портновскую мастерскую, где получили большой и срочный заказ.

И вот настал наконец вечер первой атаки на бабочек. Все собрались в школе. Не было лишь Джурь.

Возбужденные предстоящим ночным походом, ребята оживленно переговаривались и решали, стоит ли брать с собой девочек.

— Мы пойдем! — твердо заявила Эджегиз. — Девочки больше мальчиков сшили ловушек, достали пять фонарей. Шакалы нас не съедят!

Учитель Сейдулла Таганмурадов и Язмурад переглянулись. Они не знали, как им поступить. Но Эджегиз была так настойчива, что они решили взять в степь и девочек.

Ребята разобрали ловушки и вышли за аул. Степь, безмолвная днем, теперь оживала. В темноте беспрерывно росли и множились таинственные звуки. К свисту большой рыжей песчанки, уханью совы примешивались лай лисицы и завывание шакалов.

Ромке стало страшно. Он больше всего боялся наступить на змею и старался ступать ногой в след товарищей.

Вот и новое поле. Только один Язмурад мог найти его в кромешной тьме.

— Оставайтесь здесь, Мамед, и ты, Рохман! — громко сказал Язмурад. — А мы пойдем дальше.

— Хорошо! — покровительственно ответил Мамед, ожидая, что Язмурад назначит его старшим. Но этого не случилось.

Ромка поднял стекло и чиркнул спичкой. Слабенький огонек переметнулся на фитиль и ярко вспыхнул.

С этим маленьким огоньком было не так страшно. Ромка осторожно огляделся по сторонам.

Мамед устроился на земле и что-то жевал. Редкими толчками шевелились его уши. Ромка с удивлением заметил, что они у Мамеда большие, как листья мать-и-мачехи. Ромка аккуратно, как учил Язмурад, размотал большой полотняный белый конус, подшитый к проволочному кольцу, и укрепил его под фонарем. А под нижним, узким отверстием конуса он поставил банку с водой.

— Кончил? — нетерпеливо спросил Мамед.

Ромка предложил приятелю остаться здесь до утра, чтобы посмотреть, как попадет в ловушку первая бабочка.

Мамед заявил, что остаться он не может, так как ничего не сказал матери, а она будет беспокоиться о нем.

«Жаль, Джура не пришел, — подумал Ромка. — Он бы не побоялся остаться».

Все больше и больше вспыхивало вокруг огоньков. И вот они окружили все поле плотным кольцом.

— Ты как хочешь, а я никуда не уйду! — твердо сказал Ромка. «Поймать бы сегодня бабочку-карадрину! Я написал бы об этом Айнабад!»

Ромка опустил на песок. Он податливо растекся под его телом и приятно грел, отдавая тепло, накопленное за долгий, жаркий день.

Мамед звучно чавкал.

— Мамед! Эй, Мамед!

Послышался громкий храп.

— Перестань притворяться, ты не спишь!

Ромка повернулся и принялся руками разгребать песок. «Не хочешь разговаривать, и не надо. Я не попрошу у тебя есть!»

Под рукой быстро росла ямка. Песок даже на глубине сохранял тепло. Сначала Ромка не придавал этому

никакого значения, но потом задумался. Захотелось узнать, глубоко ли песок прогревается за день. Копать становилось все труднее: выброшенный песок струйками тек между пальцами, осыпался.

Хрустнула ветка. Мальчик испуганно вскочил, завертел головой по сторонам. «А вдруг барс?» Он вспомнил: в Туркмении водятся эти сильные и коварные хищники. Ромка вскочил и начал расталкивать Мамеда.

— Не спите, караульщики? — спросил громко Язмуррад.

— Не спим! — с трудом выдавил Ромка, стараясь сдержать стук зубов.

— Не боишься?

— Нет! Я даже в лесу ночевал один, — тут же соврал Ромка.

Мамед заявил, что он тоже ничего не боится и решил остаться здесь до утра.

— Я уговаривал Рохмана идти домой, — дотрагиваясь до руки Язмуррада, сказал Мамед, — так он не хочет. Я бы один мог подежурить.

«Ну и врет!» — удивился Ромка.

Язмуррад сказал, что все ребята решили остаться в поле до утра и хорошо, если Рохман или Мамед сбегают в аул за чуреками.

— Лучше всего Рохману идти! — оживился Мамед, но тут же задумчиво добавил: — Не печет его мать чурекки. Придется мне бежать!

— Сходи, Мамед. Ночь большая, ребята проголодаются! — Язмуррад подошел к ловушке и подвернул фитиль фонаря. — Рохман, пускай так горит!

Ромка остался один. Он снова стал раскапывать песок, но ямка осыпалась. Тогда он лег на спину и принялся смотреть на небо. Здесь, в Туркмении, оно казалось ему совсем не таким, как под Воронежем. Ромка отыскал Большую Медведицу, пересчитал звезды в ее ковше. Крайняя звезда ручки точно приходилась над Ромкиным фонарем.

Скоро смотреть на звезды надоело. Мальчик прикинул, сколько может занять дорога до аула. Выходило, что Мамед не прошел и половины дороги. Чтобы дойти до аула, ему надо почти час.

«Если так, то он скоро не вернется. Надо было само-

му за лепешками сбегать!» Ромка поднялся и пошел к ловушке. Около стекла билась мелкая мошкара, комары, москиты. Они летели на огонь, но наталкивались на полотно. Среди них Ромка заметил серую бабочку.

«А вдруг это карадрина?» — беспокойно подумал он и хлопнул ладонью. Но произошло невероятное. Бабочка не ударилась о полотно, а пропала в темноте.

— Эх, растяпа! — выругал себя громко Ромка.

Звуки собственного голоса ободрили его. Мальчик решил караулить около фонаря. Время шло, а бабочка не прилетала. Где-то далеко со стоном заухала сова. И опять все смолкло. Наступила зловещая тишина, полная всяких неожиданностей.

Ромка лег на песок, но заснуть не мог. По его расчетам, Мамед уже давно должен был вернуться с чуреками. Он посмотрел на небо. Созвездие Большой Медведицы передвинулось. Ковш опустился ближе к земле.

«Где Мамед? Почему он не возвращается? Честное слово, Джура бы так не поступил!» Ромка принялся вспоминать, сколько хорошего сделал для него товарищ.

Вдруг что-то острое царапнуло Ромку по руке.

— Ай-я-яй! — испуганно закричал Ромка на всю степь и бросился бежать. «Это змея!» Он размахивал рукой. Ему даже стало казаться, что она у него распухла.

Он проклинал хитрого Мамеда и ругал себя, что согласился остаться дежурить около ловушки.

На высоком бархане Ромка остановился. Отдышался и испуганно принялся ощупывать руку. Он все старался понять, что с ним произошло, что его испугало.

«Вы-вв-вв-вв-ий!» — трубно заорал ишак. Тут же этот крик подхватил второй, а за ним заорали все ишаки аула. Аул был совсем рядом. Это успокоило Ромку. У него нашлось мужество повернуться и посмотреть в сторону оставленной ловушки.

В той стороне, откуда он прибежал, было темно. «Что случилось? Если Язмурад увидит, что фонарь погас, он обязательно придет!» Стало стыдно за бегство, страх. Надо было возвращаться, но ноги, всегда такие послушные, сейчас не двигались.

— Подумают, трус. А говорил, что в лесу ночевал! — вспомнил Ромка.

Громко разговаривая сам с собой, он уходил от аула,

такого близкого. «Где фонарь?» Ромка вскарабкался на бархан и облегченно вздохнул. Впереди мерцал огонек. Как он обрадовался этому узкому язычку пламени! Кажется, сейчас не было ничего родней его.

Фонарь висел на прежнем месте, но фитиль почти весь сгорел.

— Сейчас я поправлю! — громко проговорил Ромка и ласково погладил фонарь ладонью.

Ромка вывернул фитиль. В круге света около ловушки лежала земляная черепаха. Он нагнулся и схватил ее.

Черепаха втянула маленькую морщинистую головку, спрятала лапы с острыми коготками в панцирь. Но Ромка хорошо знал эту уловку. «Это ты меня напугала?». Он приблизил руку к свету. Тонкая царапина — след острого когтя — шла через кисть.

— Черепаха, черепаха! — громко запел Ромка и принялся прыгать. Смешно было вспоминать собственный страх.

«Не пришел Мамед, и не надо! Мне и одному здесь неплохо! Я обязательно опишу Айнабад эту ночь!» — подумал мальчик и снова посмотрел на ловушку. Как ему хотелось поймать бабочку-карадрину!

«Пусть они занимаются бабочками!» — в который раз настойчиво повторял Джура, а ноги, помимо его воли, так и несли его к новым полям. Это был первый случай в жизни мальчика, когда он отошел от своих товарищей, не послушался старшего брата. Он и не собирался ссориться с ребятами, но все испортил Мамед. Чего он хочет? Зачем ему пять патронов к ружью, когда он не охотник?

Прошло уже две недели с тех пор, как ребята начали ставить ловушки, но карадрина все не попадалась.

— Еще не вылетала бабочка! — убеждал ребят учитель Сейдулла Таганмурадов.

А Язмурад весело напевал:

— «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Джура припомнил эти обещания и засмеялся. Он все дальше и дальше уходил с ружьем от аула. «Честное слово, охотиться интересней, чем караулить бабочек!» Вдруг он заметил на дороге большую группу ребят. Он

без труда отыскал в ней Рохмана. В неизменной серой кепке, вельветовой курточке, он выделялся среди ребят. В руке у него поблескивала бутылка с керосином.

Джура испугался этой встречи. Хотя он только сейчас убеждал себя, что ему лучше на охоте, он бы с удовольствием пошел с ребятами, остался бы караулить карадрину. Общительный по натуре, он тяжело переживал одиночество.

Ребята прошли. Джура почувствовал, что у него пропал всякий интерес к охоте, и повернул домой. Но, пройдя немного, присел. Разве он мог пройти мимо поля и не поинтересоваться всходами хлопчатника? Стоило ему протянуть руку — и растение рядом, со своими жесткими листочками. Серая дорожная пыль тяжело придавила их. Он тронул листок. Палец прочертил светлую дорожку. Пыль облетела, и растеньице как будто распрямилось. Джура пожалел, что давно нет дождя, а то бы листочки омылись, стали нарядными и красивыми. Он обтер один листок, второй, третий.

Случайно он заметил небольшую гусеничку. Даже если бы их было перед ним несколько тысяч, больших и маленьких, серых и зеленых, он бы не ошибся. С веточки, то сокращая, то вытягивая свое членистое тело, двигалась маленькая зеленая гусеница бабочки-карадрины. Она сползла на землю и спряталась под комом земли.

Недаром Джура был охотником. Он умел наблюдать за привычками зверей, птиц. Он пополз по полю, старательно осматривая каждый кусок и отвал. И, сколько бы он ни находил гусениц, они, как и первая, были на земле.

«Прячутся!» — догадался Джура и терпеливо принялся снова осматривать растение за растением, стараясь найти на них гусениц.

«Почему они спустились? — с удивлением подумал он и вытер пот рукой. — Гусеница прожорлива!» Он вспомнил, что в книжке о вредителях хлопчатника, с которой Язмурад никогда не расстается, нет ни слова о том, что гусеница любит прятаться на земле. «А не прячется ли она от дневной жары, как это делают рыжая песчанка, еж, лиса и заяц?» — подумал мальчик. Ему захотелось поделиться с кем-нибудь своими наблюдениями. И он снова вспомнил о Ромке: «Почему Рохман так привязался к Мамеду?»

Джура встал и отряхнул пыль с халата. Но что ему делать? Ведь гусеница напала на хлопчатник!

Джура сбегал на виноградник и принес шест. Хорошо, если люди догадаются, что шест — это сигнал опасности! Но ведь могут и пройти мимо! Надо поставить что-нибудь заметное. Раздумывать было некогда. Джура снял свой галстук и привязал его.

Ветер подхватил галстук и принялся рвать из стороны в сторону.

«Теперь не пройдут мимо!» — уверенно решил Джура и торопливо побежал в аул, чтобы рассказать учителю, ребятам, колхозникам о появлении вредителя.

Скоро на поле закипела работа. Сначала здесь появились ребята с учителем. Они пришли обирать гусениц. Затем на дороге показался трактор. Это Непес ехал опылять хлопчатник. В больших круглых баках был порошок ДДТ. Карадрина будет побеждена.

Глава седьмая

ХАММАТ ПРОСИТ ПОМОЩИ

Домбаз, лохматый сторожевой пес, вскочил. Кисточки сваявшихся волос в обрезанных ушах шевельнулись и встали. Так спокойно собака вела себя, когда чуяла близко волков. Она избежала на самый высокий бугор и окинула настороженным взглядом степь и огромную отару. Овцы неторопливо двигались и на ходу щипали траву.

Короткий, отрывистый лай Домбаза — и все пять собак, высокие и широкогрудые овчарки, мгновенно вскочили и бросились в разные стороны. Собаки еще плотнее сбили овец в кучу.

Старший чабан Хаммат довольно засмеялся. Он знал, что Домбаз услышал далекий гул самолета. А когда прилетит самолет, он погонится за его тенью, а за ним — все остальные собаки. Пробегут они далеко и вернутся запыхавшиеся. Вывалят языки и долго не смогут отдышаться.

Хаммат поругает каждую собаку в отдельности, посмеется над их глупостью, а потом уже даст напиться.

Но, если они сегодня бросятся за тенью самолета, им не видать воды от чабана: в бочке почти ничего не осталось.

Случилось непредвиденное: колодец, к которому из года в год гоняли овец, стал давать соленую воду.

Осенью Хаммат не волновался бы — овцы спокойно пьют соленую воду. Но скоро окот. Отара его прибавится, появятся маленькие ягнята. Где тогда взять для них пресную воду? Он представил себе блеянье ягнят и их большие тоскливые глаза, когда они будут умирать от жажды.

Хаммат оглянулся. Его помощник Сапарбай медленно уходил от колодца, загребая песок кривыми ногами. За собой он тянул на веревке верблюдицу. Скрипело плохо смазанное курдючным салом деревянное колесо. На него переброшена веревка. Она идет от верблюдицы в глубину колодца.

Верблюдице надо сделать восемьдесят шагов в сторону, прежде чем кожаное ведро цоуо появится с водой наверху. Такое ведро не оббивает мягких стенок колодца.

Поить овец начали на рассвете. Хотя уже время давно перевалило за двенадцать, еще не пропустили и половины отары. Хаммату не надо смотреть на часы. Он определяет время по теням и запаху трав, цвету песка. Рано утром песок — фиолетовый, днем — ослепительно-желтый, а вечером он становится темно-синим.

Сегодня их день воды. А завтра к колодцу придет другая отара.

Услышав далекий гул самолета, Сапарбай остановился, приставил козырьком руку и стал ждать. Он всегда был рад любому предлогу, чтобы только увильнуть от работы. Если удастся, он обязательно приляжет на песок.

Как и думал Хаммат, Сапарбай сел. Чабан сделал вид, что ничего не видит. Достаточно он потрепал с ним нервы. Хаммат прислушался, стараясь определить, с какой стороны вылетит самолет. Этот самолет регулярно пролетал над чабанами. Он доставлял строителям канала свежие газеты, почту, медикаменты и продукты.

Если летчик пролетит недалеко от отары, он может сбросить свежую газету. К ней всегда бывает что-нибудь

привязано. Один раз летчик подарил хороший нож с блестящей точеной ручкой. Хаммат нашел этот подарок. Прошел год, а он не потерял надежды разыскать летчика и отблагодарить его за нож. Может быть, летчику нужна хорошая каракулевая шкурка? Хаммат подарит ему самую лучшую!

Обычно почту и газеты чабанам доставляют из колхоза сразу за несколько месяцев, когда завозят продукты. Сапарбай газет не любит. Если и возьмет, то долго не читает: через минуту обязательно заснет.

Пробовал Хаммат говорить о случившейся беде с другими чабанами, но они тоже не знают, что им делать. Все ждут, что он предпримет. Он хотя и моложе всех, но ему доверяют, к его слову прислушиваются.

Гул самолета все громче и громче. Машина пронеслась с ревом почти над самой отарой. Овцы шарахнулись в сторону и понеслись.

Домбаз и все пять собак, как и предполагал Хаммат, бросились догонять тень.

«Новый летчик! — сокрушенно подумал Хаммат и покачал головой. — Не знает, что сейчас нельзя низко летать и пугать овец. Они тяжелые, ходят последние дни перед окотом. Долго ли до беды?»

Самолет пролетел, и опять в степи наступила та удивительная тишина, когда бывает слышно, как осыпается песок, скрипят песчанки, тихо трутся узкие листья саксаула.

Сапарбай двинулся вперед и дернул за веревку. Она была привязана к бараньей косточке, продетой через ноздрю верблюдицы.

Одна за другой вернулись собаки. Они тяжело дышали, повели боками, вывалив из открытых пастей красные языки. Домбаз, как и подобает вожаку, лег впереди всех.

— Вах, Домбаз! — Хаммат развел руками. — Голова не думала, ноги носили. А пить не будешь!

Домбаз виновато махал обрубленным хвостом, как будто извинялся перед хозяином.

— Понимаешь, а зачем бегал? Прошлый раз тоже бегал. Совсем у тебя плохая башка стала!

Разговор с собаками продолжался долго. Он на время отвлек Хаммата от его постоянных дум о воде, о

скором окоте, о предстоящей большой и напряженной работе.

Обычно перед окотом приезжал кто-нибудь из членов правления колхоза или зоотехник. Прошлой весной у них долго гостил старый Оразгельды. «Хоть бы он снова приехал! — подумал с надеждой Хаммат. — Старик мудрый, обязательно что-нибудь придумает!»

Хорошо соседнему району. Они совсем забыли о колодцах. Им не надо по целым дням гонять верблюда. Говорят, воды в канале сколько хочешь! Пей чай, купайся, а если умеешь — плавай.

Чабан расстроился. Он ошутил вкус сладкой воды и с трудом проглотил слюну. Настанет ли для них такой час, когда вода прорежет эти высокие барханы? Интересно, далеко ли уже прошел канал? Жалко, что нет у него газет!

«Надо попросить воду, — озабоченно подумал Хаммат. — Случилось несчастье, может погибнуть весь молодняк! Если идти конем в колхоз, скоро не дойдешь!»

Хаммат подошел к бочке, снял кошму, ударил ногой. Бочка звонко ответила на удар. Так звенит только пустая. Хаммат еще раз ударил.

«А что, если передать летчику, все рассказать ему о нашей беде? — вдруг подумал он. — Самолет пролетит здесь, когда будет возвращаться в город. Надо попробовать!» Он еще не представлял себе, что надо делать, но принялся освобождать хурджуны от продуктов. Сколько в них мешочков с солью, крупой, чаем, макаронами!

— Сапарбай! Эй, Сапарбай! Иди сюда!

Переваливаясь на кривых ногах, неохотно подошел Сапарбай. Он посмотрел на развороченные Хамматом вещи, но не выразил ни удивления, ни беспокойства.

— Сапарбай, что будем делать? — Этот вопрос Хаммат задавал не первый раз своему помощнику.

— Хаммат, ты все знаешь, ты старший!

Чабан не рассчитывал получить другой ответ, но все же посмотрел на Сапарбая: неужели ему не хочется думать? Сапарбай прилег на кошму, подоткнул хурджуна.

— На большой вопрос не скоро ответишь. — Сапарбай, оказывается, был не прочь порассуждать. Он почесал пятерней спину. — Надо все хорошо продумать... — Он говорил медленно, только чтобы тянуть время, совсем

не забываясь, слушает его Хаммат или нет. — Сразу ничего нельзя решить!

Сапарбай заморгал глазами. Опухшие толстые веки готовы были закрыться.

Собаки слышали далекий рокот мотора. Они вскочили, готовые всей сворой броситься на этого неведомого врага. Самолет летел стороной. Освещенный заходящим солнцем, он четко выделялся на голубом небе.

— Эй, гей! — громко закричал Хаммат и, сорвав папаху, замахал ею в воздухе. — Эй, гей!

Хаммат схватил первый подвернувшийся под руку хурджун и высоко подбросил. Потом он стал кидать мешочки с крупой, макаронами. Сапарбай догадался помочь Хаммату.

Самолет развернулся. Тень переместилась, сползла с барханов и понеслась прямо на чабанов. Собаки бросились на нее, готовые схватить и рвать. Они дрожали от ярости и злости. Впереди всех собак был Домбаз.

Самолет сделал еще круг над отарой.

Хаммат увидел, как, высунувшись из кабинки, летчик в больших очках помахал ему рукой.

«Он похож на сову!» — удивленно подумал Хаммат.

Чабаны уже забыли о пролетавшем самолете, когда над отарой снова повисла большая темная тень. Овцы испуганно шарахнулись от нее в сторону и бросились бежать. Тысячи ног мгновенно взбили песок, подняли пыль.

Хаммату показалось, что налетел орел. Он кружил, готовый каждую минуту упасть на отару и своими цепкими и страшными когтями схватить овцу.

Но это был не орел. Где-то в вышине мирно стрекотал мотор, словно маленький движок кинопередвижки. У странной грудастой машины, как у раздувшегося от пряжи веретена, не было крыльев. Над машиной вращались большие лопасти. Их можно было принять за крылья ветряной мельницы. Но, так как Хаммат никогда в своей жизни не видел ветряной мельницы, такое сравнение не пришло ему на ум.

Из открывшейся двери вертолета выглянул человек и бросил веревочную лестницу. Лестница моталась из стороны в сторону.

— Собирайтесь!

Хаммат понял, что это прилетели за ним.

Сапарбай со страхом смотрел на веревочную лестницу, боясь, что Хаммат улетит и оставит на него всю отару. Ему было боязно оставаться одному. Но разве этот страх сравнишь со страхом лезть по лестнице и лететь! Сапарбай закрыл глаза. Он боялся дышать, готов был завернуться в кошму, нырнуть в песок, чтобы только его не заметили.

— Скоро вы? — вторично крикнул летчик.

Хаммат торопливо принялся собираться. Он укладывал в хурджун мешочки с рисом, чаем, пиалу, лепешки. Он не мог отправиться в дорогу без продуктов, хотя ему и предстояло лететь.

Он вскинул мешок на плечо, ниже надвинул на глаза папаху.

— Сапарбай, смотри!

Домбаз с удивлением поглядывал на хозяина. Он забыл, что ему надо лаять.

Хаммат осмелился и шагнул к лестнице. Но не успел он поставить ногу на деревянную перекладину, как лестница качнулась и сразу отошла от него. Но он цепко держал ее рукой, потом изловчился и поставил вторую ногу. Лестница закачалась. Ее свободный конец пополз по песку, извиваясь, как змея. Хаммат висел и не мог оторвать ноги от перекладины, не мог пошевелить рукой.

Домбаз первый бросился на лестницу. Это была уже не тень, за которой он все время гонялся, а нечто предметное. Он яростно схватил зубами толстую веревку, уперся изо всех сил лапами в песок, стараясь не дать врагу уйти, задержать его. Справа и слева от него в веревочную лестницу вцепились остальные собаки.

Лестница остановилась, натянулась. Она была словно привязана к земле или закорена.

Хаммат слышал за спиной, что собаки что-то рвали, но посмотреть боялся. Он почувствовал, что лестница натянулась и стала устойчивой. Он воспользовался этим и быстро, не оглядываясь, стал подниматься.

— Давай руку!

Хаммат поднялся еще на одну ступеньку. Молодой летчик в темно-синей фуражке с золотым крабом помог ему влезть.

— Салям! — Летчик, приветливо улыбаясь, похлопал Хаммата по плечу.

— Салям алейкум! — обрадовался чабан, почувствовав под ногами крепкий и устойчивый пол.

Он подумал, что летчик понимает по-туркменски, и быстро стал рассказывать о несчастье с колодцем. Летчик отрицательно покачал головой.

Хаммат оглянулся. В кабине сидел русский мужчина и светловолосый мальчик с красным, обгоревшим носом.

— Салям алейкум!

Мужчина приветливо поздоровался, а мальчик быстро заговорил. Хаммат явно не понимал его.

Ромке очень хотелось рассказать этому незнакомому чабану о своем счастье. Отец летел на канал за запасными частями к трактору и взял его с собой. Ромку отпустили из школы, но с одним только условием: что он расскажет на сборе о канале.

— Роман, он это знает! — уверенно сказал Василий Семенович, с интересом разглядывая высокого чабана.

— Канал, канал! — сказал летчик и показал рукой на пол.

— Канал, якши!

Знакомое слово «канал» успокоило Хаммата. Теперь он знал, что его поняли, об отаре побеспокоятся и не дадут случиться беде. Даже самолет прислали! Он снял с плеча хурджун, поставил его около своих ног, осмотрел кабину. Она была просторная, с полукруглым потолком и чем-то напоминала привычную кибитку. Он постучал рукой по металлу и остался доволен: кибитка была крепкая.

Мотор заработал сильнее, и вся кибитка затряслась, как во время сильного ветра. Хаммат испуганно схватился рукой за скамейку. Он старался не упасть, чтобы не осрамиться перед незнакомыми людьми. В окно он увидел, как Сапарбай удивленно смотрит вверх. Потом он вскинул голову еще выше, и у него слетела папаха.

Хаммату хотелось посмеяться над незадачливым Сапарбаем, но он сдержался. Он понял, что самолет поднялся высоко над землей. Сапарбай, овцы, собаки становились все меньше и меньше, словно он взбирался на очень высокую гору. Кибитку больше не трясло. Показалось, что глуше стал работать мотор.

Справа и слева от Домбаза в веревочную лестницу вцепились
остальные собаки,

Скоро чабан привык к ровному гулу, словно летел уже не первый раз. Он удобно уселся на скамейке и посмотрел в круглое окно. Справа и слева насколько хватал глаз тянулись во все стороны барханы. Эти пески он хорошо знал. От колодца к колодцу им были исхожены все тропы. Смотреть на них у него не было ни малейшей охоты. Он отвернулся и принялся рассматривать деревянные ящики, которые лежали по проходу. Ему хотелось узнать, что в них упаковано.

И вдруг среди выжженных песков, ярко блестевших на солнце, вспыхнула полоса зелени. Она была такая яркая и сочная, что Хаммат невольно залюбовался ею. «Сюда бы перекочевать с отарой!» А через мгновение среди высоких гряд песка, кустарников саксаула и черкеза блеснула полоска воды. Хаммат даже зажмурился. На какой-то момент ему показалось, что это мираж, но потом, вглядевшись, он понял, что не ошибся. Это была вода. Проведя языком по пересохшим, потрескавшимся губам, он почувствовал, как сильно хочется пить. Кажется, за пиалу сладкой воды он отдал бы все на свете.

Из кабины вышел летчик. Он тронул Хаммата за плечо, но чабан не обернулся.

— Каналом любитесь! — сказал Василий Семенович.

— Пусть смотрит, — согласился летчик.

Вертолет летел долго, а лента воды все не обрывалась. Сверху она казалась не шире брючного пояса. Вдоль берегов канала тянулась зеленая, свежая трава.

— Якши, якши! — громко восклицал Хаммат и радостно прищелкивал языком.

Случилось какое-то чудо. Чабан не узнавал Каракумов, где прошла почти вся его жизнь. Ему очень хотелось подробно расспросить летчика о канале, но ни он, ни мужчина, ни мальчик не понимали по-туркменски.

Ромка не отходил от круглого окошка. А как только тяжелый удар известил о посадке вертолета, он бросился к дверце и оцарапал руку об острый край алюминиевого листа. Но даже это неожиданное ранение не задержало его.

Перегретый мотор несколько раз чихнул и замолк. Длинные лопасти описали последний круг и устало упали. Ромка спрыгнул на горячий песок.

Вертолет сел в поселке около ремонтной мастерской. Рядом с брезентовым навесом стояли тракторы. Без кабин, со снятыми моторами, радиаторами они выглядели сиротливо.

В больших деревянных ящиках лежали запасные части к тракторам.

— Если вам в контору, — сказал летчик, обращаясь к Василию Семеновичу и Ромке, — то надо идти прямо. Третий домик. Над ним красный флаг висит.

— Контора, начальник! — повторил Хаммат.

Он не торопясь пожал руку летчику, Василию Семеновичу и Ромке. Он немного прошел вместе с мужчиной и мальчиком, а потом свернул. Ему не терпелось посмотреть на воду, попробовать ее. И скоро он вошел в зеленую траву, которую видел с вертолета.

Хаммат срывал трзву и долго мял ее в руках. Пустынная осока с трубчатыми стеблями, иляк, селин были свежие, мясистые. Удивительно! Обычно летом трава сохла на корню. Чабан торопился к воде, заранее представляя, что он будет делать. Сначала умоется, пополощет рот, напьется, потом вскипятит чай. Он так соскучился по хорошей воде, что готов выпить подряд два, а то и три чайника.

На ровном песчаном бугорке его внимание привлекли следы насекомых. Сбегаясь с разных сторон, они вливались в широкую стежку. Она была пропахана множеством лапок и ножек. Это была прямая дорога к воде.

Идти пришлось еще долго. Может быть, городской житель ничего бы и не заметил, но Хаммат, раздувая широкие ноздри, скоро почувствовал, что воздух уже не так горяч, стал свежее, наполнен влагой. Вода была где-то совсем рядом. И, не в силах сдержаться, он стремительно взбежал на высокий бугор.

Внизу в промытых песчаных берегах широкой лентой катилась вода. Хаммат оцепенел. Он давно готовился к этой минуте и своим бегом ускорил встречу с водой. Но то, что он увидел, превзошло все его ожидания: Хаммата поразили размеры канала. Первый раз в своей жизни чабан видел столько воды.

Хаммат опустил на корточки. Старательно вымыл руки. Потом, зачерпнув полные пригоршни воды, стал жадно, с наслаждением пить.

НА КАНАЛЕ

— Канал! — громко крикнул Ромка и бросился бежать к высокому бархану.

Короткая фраза выразила все: и душевное волнение, и счастье первого полета, и давнишнюю зависть к Айнабад. Только сейчас его мечте суждено было осуществиться: он прилетел на канал.

На гребне Ромка остановился. И не потому, что он устал и запыхался, а от огромного счастья. Неторопливо огляделся. Гряды барханов уходили во все стороны, как застывшие волны моря. Все их пологие склоны были покрыты рябью. Так бывает на реке, если бросить камень в воду. Но здесь песок взрыбил ветер. Он дует непрерывно с севера на юг до самой осени.

В стороне, за барханами, мальчик наконец увидел первые домики. Издали они напоминали разбросанные детские кубики. Выгоревшие брезенты сливались с белесым песком.

Ромке не терпелось пройти по улочкам поселка, скорей отыскать ватный домик Айнабад. «Ну и удивится же она!» Но скоро он разочаровался. Не такой представлял он себе пустыню. И Айнабад описывала ее другой. Барханы были похожи на те гряды, которые он видел у себя около аула. Для сравнения он нагнулся и захватил полную горсть песка. Крепко сжал кулак. Песок протек между пальцами. Это еще больше убедило в том, что песок здесь самый обыкновенный, как и везде в Каракумах.

— Ро-ман, Ро-ман! — послышался голос отца.

Мальчик направился к вертолету.

— Ты куда убежал? — недовольно спросил отец. — Надо торопиться. Туркмен уже ушел. Летчики долго ждать не будут!

— Папа, а куда он пошел? Поселок в другой стороне!

Отец ответил, что чабан, наверное, уже не первый раз прилетает на канал и все здесь хорошо знает.

Чем ближе подходили отец с сыном к поселку, тем все больше и больше волновались. Каждого интересовало

свое: Ромка старался представить, как его встретят Айнабад, Борис Дурдыевич, Петенька, Зина. Василий Семенович гадал, удастся ли ему достать запасные части к трактору.

Они еще долго шли молча. Были все те же барханы с редкой травой, чахлыми кустарниками акаций и черкеза, но в то же время они выглядели по-новому. Рядом с караванной тропой, где белели кости павшего верблюда, четко отпечатались следы трактора.

— Работяга прошел! — восхищенно сказал отец и хлопнул Ромку по плечу.

С высокого бархана поселок открылся сразу со всеми своими маленькими улочками. Каждая из них состояла из трех-четырех домиков. К ним шагали тонкие столбы с электропроводами.

— Папа, смотри, Борис Дурдыевич! — обрадованно кричал Ромка и стремительно побежал вперед.

Только он мог узнать Бориса Дурдыевича на таком расстоянии.

Борис Дурдыевич удивленно всплеснул руками и возбужденно крикнул:

— Нурбиби! Встречай гостей! Рома, Василий Семенович, какими судьбами? Прилетели на вертолете?

Ромка нетерпеливо поглядывал по сторонам, искал Айнабад. Борис Дурдыевич перехватил его взгляд и сказал, что он и сам не знает, куда ушла Айнабад. Она совсем недавно была дома. Он пригласил гостей отдохнуть, налил чай.

— Я прилетел просить запасные части к тракторам, — сказал Василий Семенович. — Песок у нас все съедает!

— Сначала попьем чайку, а потом можно говорить о деле, — засмеялся Борис Дурдыевич. — Правда, Нурбиби? Главного инженера искать не нужно, она здесь сидит.

А тем временем Хаммат закончил осмотр канала и направился к бульдозерам. Петенька с высоты своей кабины заметил молодого туркмена в большой черной папахе. Ковровый мешок на его плече красноречиво говорил о том, что человек пришел издалека.

Бригадир был рад каждому новому человеку. Он хотел остановить машину и поговорить с туркменом, но тут же изменил свой план: решил сделать еще

один заезд, чтобы показать приезжему бульдозер в работе.

Бульдозеры двигались навстречу друг другу поперек будущего канала. В облаке поднятой пыли время от времени вспыхивали фары. Одни машины взбирались на бугор и отсыпали песок в правую сторону, другие — в левую. Разворот — и направление менялось. Теперь бульдозеры скользили вниз, ко дну канала. Там они срезали ножами грунт и выталкивали его наверх.

Как каждый мастеровой человек, Петенька гордился своей специальностью. Он бы сейчас не пересел на другую машину, не стал бы работать шофером или трактористом. А ведь было такое время, когда он разочарованно думал: «Ну что за работа! Подумаешь, срыл бугор, переместил кубики земли. Плотнику или каменщику лучше: поработают, смотришь — дом стоит. Мастера хвалят!»

Но здесь, на канале, Петенька влюбился в бульдозер. Как ни удивительно, но бульдозер оказался единственной машиной, сумевшей справиться с мелким барханном песком. Он вытекал из ковша экскаватора, из тележки скрепера. Так в негласном соревновании многих машин и механизмов бульдозер вышел победителем. Впервые в мировой практике строительства он самостоятельно копал канал!

Хаммату понравилось открытое, улыбающееся лицо молодого бульдозериста. В свободной позе, в маленькой замасленной кепке, державшейся каким-то чудом на его светлых волосах, чувствовался бывалый человек. Хаммат сравнил его с всадником. Лишь настоящий джигит может так сидеть!

Бульдозер нырнул в глубокую траншею и скрылся за высокой песчаной стеной.

Через минуту на его месте, точно повторяя все действия, появился уже другой бульдозер. Водитель, как и Петенька, приветливо помахал Хаммату рукой. Хаммат ответил на приветствие, но в разговор не вступал: он терпеливо дожидался понравившегося ему джигита.

А тем временем машина бригадира все дальше и дальше уходила в забой. Она работала то на правом берегу, то на левом. Порой казалось, что бульдозер тонул в песке, но уже через минуту он, целый и невредимый,

показывался на поверхности. Потом он снова исчезал в забое.

Прошло много времени. Хаммат успел приглядеться ко всем машинам. Если бы у него было желание, он мог бы свободно перезнакомиться со всеми водителями. Но, раз приняв решение, он никогда от него не отступал.

Наконец появился долгожданный джигит. Хаммат испугался, что он снова исчезнет, и поднял руку. Петенька остановил машину. Он легко выпрыгнул из кабинки и пошел к чабану вразвалку, как много поработавший и уставший человек.

— Салям алейкум! — приветливо сказал Петенька и протянул твердую, мозолистую руку.

Чабан крепко ее пожал. Он был рад, что не ошибся в этом улыбающемся парне. Он быстро достал из хурджуна завернутый в платок чурек.

Петенька не заставил себя дважды просить. Он отломил кусок и охотно принялся жевать. Хаммату это понравилось. Он считал: кто хорошо ест, тот хорошо умеет работать. Он тут же торопливо принялся рассказывать бригадире о колодце с соленой водой, о близком окоте, о маленьких ягнятах.

Петенька пожимал плечами. За время своего пребывания на канале он узнал одно слово на туркменском языке:

— Ни бельмеса!

— Ни бельмеса? — повторил растерянно Хаммат и тоскливо оглянулся кругом.

Он старался как можно скорее рассказать о своем несчастье, не допуская, что его могут не понять.

Огорченное лицо чабана рассказало Петеньке очень многое. Так они сидели молча друг перед другом, не зная, как объяснить, и отщипывали от одной сухой лепешки. Улыбки заменяли разговор. Бригадир с войны вынес особое уважение к хлебу. Он знал, что если человек делится куском хлеба, то это настоящий и верный друг. Сейчас таким другом для него стал незнакомый чабан.

— Ну что ты хочешь? — допытывался Петенька. — Чай надо, сахар?

Хаммат отрицательно тряс головой и снова принимался рассказывать о колодце.

«Надо Мустафу позвать! — решил Петенька. — Что-то случилось! Пусть переведет».

Но в этот момент он услышал, как кто-то назвал имя Айнабад.

— Эй, гей, Айнабад! — громко закричал Петенька во всю силу своих легких. — Эй, гей, Айнабад!

Скоро явилась Айнабад в своем широком цветном платье. Она приветливо поздоровалась с Хамматом.

Хаммат обрадовался появлению туркменской девочки.

— Я чабан Хаммат, ты ему скажи. Отару здесь по пескам гоняю. Должен быть скоро окот, а наш колодец стал давать соленую воду. Беда пришла большая. Ягнята будут падать. Воду надо! Хорошо все расскажи!

Айнабад перевела слово в слово. Сколько раз она видела в степи отары, но никогда не старалась узнать, какую воду пьют овцы, какую больше всего любят траву. Особенно удивительно было слышать просьбу о воде тут, на канале. К воде здесь так привыкли, что перестали думать о пустыне. Пожалуй, ни газеты, которые она читала, ни рассказы матери о канале не объясняли ей всю его важность так, как эта простая просьба чабана о помощи.

— Хаммат воду просит! — сказала с тревогой Айнабад. — Маленькие ягнята могут погибнуть!

Чабан снова быстро заговорил и нетерпеливо показал рукой на запад.

— Там их колодец! — переводила девочка. — Отсюда два перехода конем. Он спрашивает, сможете ли вы провести туда воду. Это ему надо обязательно знать. Сейчас около колодца собралось много отар.

Петенька задумчиво скреб колючий подбородок. Он не знал, что ответить чабану.

Вскоре около бригадира собрались все бульдозеристы. Хаммат по очереди со всеми здоровался, готовый снова рассказывать о своем несчастье и просить помощи.

Особенно обрадовался он, когда увидел бульдозериста Мустафу Алиева.

— Салям, туркмен! — сказал возбужденно Хаммат и долго не отпускал руку Мустафы. — Ты понимаешь, эти пески для нас золотые. Я пришел сюда, чтобы сказать, что они могут стать могилой для моих ягнят. Сделай все,

чтобы пришла вода. Ты многое можешь. Я видел твою машину. Она сильнее ста верблюдов!

— Как шел? На коне? На верблюде? — спрашивал Мустафа.

Хаммат отрицательно покачал головой. Он показал на руках, что самолет, на котором ему довелось лететь, не имеет ни крыльев, ни винта.

— Это наш вертолет! — улыбнулся Мустафа. — Ребята, это колхозный чабан! Воду просит!

— Карту треба! — заметил молодой украинец Федор Савчук. — Хиба мы знаем, скільки километров до колодца?

— Помогать надо! — громко сказал Григорий Мартынович Горяев, отец Шурика, самый пожилой в отряде, с седой копной волос. — По две смены будем работать! В беде человека не бросишь, а здесь дело государственное. Не за свое он старается, а за колхозное добро.

— Спасибо! — растроганно поблагодарил Мустафа. — Хаммат не понимает по-русски, так я хочу за него вас поблагодарить. Какие вы хорошие товарищи! Вижу, что и вам дороги эти золотые пески. Так их зовет мой народ. Надо будет, я и три смены отработаю!

— Пойдем к главному инженеру, — сказал Петенька. — Без нее мы ничего не решим. Только она скажет, где пройдет канал.

— Рахмат, рахмат!

— Ты ему скажи, — попросил Петенька: — смену отработаем и пойдем к главному инженеру. Пусть он в контору приходит.

Айнабад все перевела, и Хаммат потребовал, чтобы она немедленно вела его к главному инженеру. Девочка сказала, что сейчас инженера трудно найти.

— Откуда ты все это знаешь?

— Так это моя мама!

Хаммат еще больше удивился, когда узнал, что главный инженер — женщина, а Айнабад — ее дочь.

Пока искали главного инженера, Хаммат старался все как можно лучше рассмотреть. Ему надо было рассказать о колодце и скорей возвращаться к отаре. При всем своем желании он долго не мог оставаться на канале. Будь у него другой помощник, не Сапарбай, он бы так не волновался за оставленную отару. Так, разду-

мывая об удивительных приключениях этого дня, Хаммат и не заметил, как они снова вышли к каналу. Это был уже другой участок, где работали совсем другие машины.

Айнабад вытянутой рукой показала на канал:

— Здесь работают земснаряды.

Земснаряд ей напоминал уют, а Хаммату показался большим черным навозным жуком. Каждое из этих сравнений было по-своему удивительно точно.

После площадки, где работали бульдозеры, Хаммат совсем не понял, что делают на канале земснаряды. И снова ему на помощь пришла Айнабад. Она подробно ответила на все его вопросы и показала фрезу и большие трубы, по которым гнали на берег пульпу¹.

— Земснаряды приходят в канал после бульдозеров, — рассказывала девочка. — Они расширяют берега, делают канал глубже. — Она посмотрела на Хаммата и доверительно сказала: — Рабочие жалуются, говорят, что на песке трудно работать — он быстро проедает трубы.

— Так они железные?

— Железные.

Девочка подвела Хаммата к трубе. Во многих местах по широкой трубе были наварены круглые заплатки.

— Якши! — Хаммат подошел и постучал ногой по трубе.

Он хотел убедиться в крепости металла. Он не мог понять, почему песок, который он всегда называл золотым, приносил строителям так много зла. Казалось, что природа Каракумов была против этих смелых людей, вторгшихся в пустыню. А как им будет здесь трудно, когда наступит настоящая жара и подует горячий афганец! Как тогда они будут работать? Его пастушья палка и ружье так нагреваются летом, что обжигают руку.

— Кто там работает?

— На земснаряде? Багеры, матросы.

— Нет... Ты мне другое скажи: какие люди? Русские, туркмены?

— А, поняла. Есть туркмены, русские, узбеки, казахи, украинцы, латыши... — Айнабад на секунду задумалась, наморщила лоб и стала вспоминать, кого она забыла

¹ Пульпа — порода с водой.

еще назвать. — Есть эстонцы, грузины, армяне... даже знаю одного корейца. А недавно приезжали китайские студенты.

— Наши люди хорошо переносят жару, а вот приедем здесь будет трудно работать, — сказал громко Хаммат. — Это хорошо, что вся страна строит!

Он проникся к незнакомым ему людям большим уважением за их мужество и отвагу.

За бугром Айнабад и Хаммат увидели Шурика Горяева. Он был в своей ученической фуражке с желтым кантом. Она, казалось, с удовольствием сидела на голове хозяина, тяжело навалившись широкими полями на уши.

Шурик двумя руками держал большую суковатую палку. На воде перед ним прыгал красный поплавок.

— Знаешь, со мной пришел один мальчик, — сказал Хаммат. — Не знаю, какое у него дело.

— А где он?

— Ни бельмеса! — засмеялся Хаммат.

— Шурик! — громко крикнула Айнабад. — Клюет?

Шурик, не оборачиваясь, освободил правую руку и погрозил кулаком. Как самый заядлый рыболов, он считал, что лишний шум всегда мешает хорошему клеву.

Вдруг красный поплавок вздрогнул. Он чуть качнулся и медленно пошел против течения. Потом он еще раз подпрыгнул и скрылся под водой.

Шурик изо всех сил дернул палку. Леска натянулась и тонко зазвенела. На миг поплавок показался из воды и снова исчез.

Айнабад не успела понять, что произошло, как Шурик очутился в воде. Он барахтался: изо всех сил колотил руками и ногами. Но в то же время не выпускал удильника из рук.

— Тонет! — испуганно крикнул Шурик, когда его знаменитая фуражка стала удаляться от берега.

— Ай, шайтан! — громко выругался Хаммат и одним прыжком оказался около мальчика.

Он схватил его за пояс и вытащил на берег.

— Удочка! — простонал Шурик.

Еще немного, и он бы бросился в воду.

Большая и сильная рыба тащила за собой удилище на середину канала.

Хаммат быстро изловчился и поймал фуражку.

— Ловите удочку! Там последний крючок!

— Почему он кричит? — встревоженно спросил Хаммат.

— Смотрите, плывет! Видите, как водит рыба! Я побегу на земснаряд. У них есть лодка.

— Джигит! Якши! Большой охотник будет!

Долго ходили еще по каналу Айнабад с Хамматом. Кто бы ни встречался им на пути — рабочий, шофер на автомашине, тракторист с ночной смены, матрос или багер с земснаряда, — чабан со всеми здоровался за руку и торопливо рассказывал о своей беде.

— Пожалуйста, помогите! Нужна вода! Скоро будут ягнята!

Уже перед поселком Хаммат почувствовал, что очень хочет пить. Маленькие квадратные домики чем-то напоминали его круглую юрту. Но юрта была лучше. Он мог ее всегда разобрать и увезти на двух верблюдах, а эти домики не увезешь! Решив так, он перестал интересоваться домами. После полного воды канала в зеленых берегах Хаммата уже ничто не могло потрясти.

— Вот наша кибитка! — сказала весело Айнабад. — Посмотри, Хаммат, нас ждут.

Хаммата встречали полный Борис Дурдыевич и худенькая, подвижная Нурбиби. Хотя Хаммат, казалось, поверил рассказу Айнабад, что главный инженер женщина, он все-таки направился к мужчине. «Такой полный должен быть начальником!» — подумал он.

— Хаммат, где вы всё ходите? — спросила Нурбиби и протянула руку. — Давайте знакомиться: главный инженер. Я уже все знаю. Приходили рабочие, просят помочь вашим отарам. Все Хаммата знают, а я знакомлюсь последняя. Айнабад, ты никого не встретила?

— Шурика видели. Он рыбу ловил и упал в канал. Хаммат его вытащил. Петеньку видели, Мустафу Алиева.

— А Ромку ты бы хотела видеть? — спросил Борис Дурдыевич.

— Папа! — Айнабад почувствовала, что у нее пропал голос. — Не шути! Как он сюда попадет?

— С неба упал... вместе с Хамматом и с Василием Семеновичем прилетел.

— А где он?

— Пошел тебя искать, а Василий Семенович занимается с механиком. Обещал скоро прийти.

Айнабад выбежала из домика, а Нурбиби принесла чайник, пиалы, хлеб.

— Кушайте.

Хаммата не надо было приглашать дважды. Он завладел чайником и неторопливо налил в пиалу кипяток. Немного подождал, а потом одним броском выплеснул кипяток из пиалы в чайник. Так он проделал несколько раз, пока зеленый чай не заварился: каждая чайнка развернулась в маленький листок, отдала свой пахучий аромат. Хаммат пригубил пиалу и закрыл глаза. Это была сладкая вода из канала.

Нурбиби достала большую свернутую карту. Она была вся перечерчена цветными карандашами, разрисована цифрами и непонятными значками.

Хаммат не упускал ни одного движения женщины. Вот она достала из готовальни циркуль и стала уверенно перекидывать его по карте. Он понял, что от этих блестящих ножек инструмента, который, как добрый конь, идет «юрьгой», зависит многое.

— Твой колодец? — ткнула острой иглой Нурбиби.

Чабан внимательно принялся разглядывать, но ничего не отвечал.

— Если по земле идти, я с закрытыми глазами проведу, а здесь не знаю!

— Колодец Келеджар?

— Келеджар, Келеджар! — обрадованно сказал Хаммат, удивленно смотря на карту: неужели там все записано про их пески?

— Здесь показано, что в колодце пресная вода, — задумчиво сказала Нурбиби. — Борис, дай счетную линейку.

«Просит помочь, — обрадованно подумал Хаммат. — Правильно я думал, он самый главный!» Но ему тут же пришлось убедиться, что муж не помогал женщине. Она взяла счетную линейку и принялась что-то сосредоточенно высчитывать. Время от времени она отрывалась и записывала отдельные цифры на бумагу.

В дверь постучали. Гремя сапогами, вошел Петенька. Он забыл нагнуться в маленьком коридорчике, и его кепка коснулась брезента потолка.

Хаммат обрадовался приходу бригадира. В знак особого расположения к Петеньке он пододвинул ему свою пиалу с чаем.

— Хорошая у нас вода?

— Якши, суйджи!¹

— Нурбиби Оразгельдыевна, я к вам, — сказал Петенька. — Хаммат к нам в бригаду приходил. Решили по две смены работать.

— Хаммат, можно сейчас перегонять овец? — Нурбиби перешла на родной язык.

— Мало, мало! — покачал головой чабан. — Плохо будет! — Чабан прищелкнул языком от досады.

Как много значит это прищелкивание: один раз оно выражает согласие, другой — досаду или полное отрицание.

— К колодцу канал не подойдет, — задумчиво сказала Нурбиби и нервно застучала пальцами по карте. — До другого колодца им не дойти. Надо гнать отары к нам. А что, если мы цистерны поставим на их пути? Как у нас по дороге стоят.

Петенька сразу ухватился за это предложение. Как всегда во время разговора, он пустил в ход руки. Ладони то взлетали, то падали. Они помогали бригадиру сказать, что он берется оттащить в пустыню цистерны с водой. Но вдруг одна из рук неожиданно застыла.

— А как будет с соляркой? — спросил Петенька. — Машины нас не обеспечат. В две смены работать будем, кладите двадцать тонн. Макарий сегодня на ремонт стал. А смотришь, завтра еще одна машина выйдет из строя.

— Да, солярка зарежет, — согласилась Нурбиби. — Надо по воде пробовать. Хорошо, что катер и баржу успели привести. Петр Егорович, видно, вам, как волгодонцу, придется у нас открывать навигацию... Хаммат, будем быстрее канал копать, — сказала Нурбиби. — Цистерны с водой поставим. Отару потихоньку погонишь. К нам на канал придет. Здесь хорошая трава. Вот смотри, как пойдешь. — Нурбиби быстро принялась чертить маршрут для перегона.

«Бумага, а в ней все известно про наши Каракумы! — удивился Хаммат. — Женщина, а как много знает, прямо

¹ С у й д ж и — сладкая вода.

караван-баши! Как обрадуются чабаны, когда узнают, что я договорился с начальством. Молодец, Хаммат!»

В комнату влетела раскрасневшаяся Айнабад. За руку она держала Ромку.

— Мама, это Ромка! Посмотри на него!

Глава девятая

НАВИГАЦИЯ ОТКРЫТА!

Каждый день теперь бульдозерам требовалось все больше и больше солярки, доставлять которую из-за плохих дорог было очень трудно. А здесь, как на грех, одна за другой вышли из строя машины. Песок их быстро изнашивал: выходили из строя моторы, подшипники.

После очередной перебазировки всем стало ясно, что автомашинами солярку для бульдозеров не навозить. Решено было попробовать доставить ее по воде.

Катер открывал навигацию по каналу! Теперь вся надежда была на него. Если все обойдется хорошо, то баржи с горючим хватит бульдозерам и тракторам, чтобы тащить цистерны с водой в пустыню.

Катер уже несколько часов подряд двигался по узкому каналу. Он рыскал от берега к берегу, словно ощупывал их руками. За ним тянулась баржа. Она то налетала на него, то отставала на всю длину троса.

И снова, как месяц назад на пароходе «Аральск», плыли вместе Ромка и Айнабад.

Канал был совсем не похож на широкую и быструю Аму-Дарью. На тихом течении ил осел, и вода посветлела.

Ромка все еще не мог прийти в себя от счастья. Счастье выражали каждая черточка его широкоскулого лица, облупившийся нос и выгоревшие брови. Ромка расплывался в улыбке, когда представлял, как будет рассказывать Джуре, Мамеду, Ташли и Эджегиз о своем необычном путешествии. Они умрут от зависти, когда узнают, что он летел на вертолете, проплыл по каналу!

Ромка с благодарностью смотрел на Айнабад. Не упрости она Бориса Дурдыевича взять его с собой, ему бы не плыть!

Мальчик сидел на носу катера. В руках — двуствольное ружье Петеньки. Его предупредили, что вскидывать ружьем и целиться нельзя. Но иногда он украдкой поднимает тяжелое ружье и держит его на весу.

Плыть по прохладе было хорошо. Но, когда поднялось солнце, жаром полыхнул песок. Так продолжалось до тех пор, пока не подошли к высоким барханам. Канал проходил через них, разрезая на две части. Между высокими берегами было темно и сыро, как в ущелье.

С барханов к воде тянулись бесчисленные корни трав и кустарников. Свешиваясь по крутым стенам, они напоминали сушившиеся рыболовные сети. Баржа беспрерывно цеплялась за берега и осыпала песок.

Время от времени на пути катера вырастал земснаряд. Он был похож на продолговатый ящик. От него шли понтоны. На них лежали большие металлические трубы, по которым на берег гнали пульпу.

При появлении очередного земснаряда механик катера, курносый парень в замасленной тельняшке, давал оглушительный сигнал сиреной. Затем, как будто не веря сирене, пронзительно свистел. Делал он это артистически, а потом принимался кричать:

— Да-вай до-ро-гу! Да-вай до-ро-гу! Глу-ши ма-ши-ну!

Течение сносило катер.

— Разве можно так плавать? Простой сигнал не понимают. Тоже мне водники. Салаги!

— А ты не спеши, соловей-разбойник! — обрывал механика Петенька. — Никто тебе не разведет понтоны в пять минут.

Петеньке не нравился механик катера, который разыгрывал из себя бывшего матроса. Он беспрерывно закатывал рукава тельняшки, чтобы показать синие от рисунков, татуированные руки.

— Ты посмотри на берег! — показывал Петенька. — Видишь, пульпа бьет. А это кубики! Вроде водичку перекачивают, а делают они куда больше наших бульдозеров. Мы, как разведчики, впереди идем, а они победу решают. Попробовал бы тут поплавать! Кто тебе расширил берега канала, кто углубил его фарватер? Голова тебе дана не только чтоб мичманку носить. Думать тоже надо.

— Петенька, Виктор все понимает! — старался помирить спорщиков Борис Дурдыевич. — Он у нас горячий, а здесь еще такое жаркое солнце.

Ромка очень жалел, что не умеет так пронзительно свистеть, как механик. Как он ни засовывал пальцы в рот, ничего не получалось. А Айнабад нравилась напористость механика. Она не понимала, почему бригадир одергивает его. Но спорить с Петенькой не решалась.

— Рома, правда Петенька неправ? — спрашивала она товарища. — Разве нам не надо торопиться? Хаммат должен скоро перегонять отару.

— А найдет он цистерны? Он, наверное, не знает карты.

— Ну и что? Мама рассказывала, что дедушка Оразгельды всегда уходил в пустыню без компаса. А он лучшим караван-баши был!

— Знаю. Так это Оразгельды!

Постепенно берега стали понижаться. Снова открылась степь, залитая солнцем. После полумрака высоких берегов от яркого солнца заболели глаза.

На берегу показалась автомашина. Удивленный шофер быстро подъехал к берегу и уставился на катер, потом стал размахивать кепкой и что-то громко кричать.

— Поздравляет нас с плаванием! — взволнованно сказал Петенька. — Виктор, понял, что мы сделали?

Шофер еще немного постоял и уехал. За машиной поднялось рыжее облако пыли.

За поворотом канала открылся большой плес. Сначала глухо, а потом все громче и громче слышались удары по воде. Механик остановил катер, полез проверять мотор.

Ромка заметил около камышей крупных птиц. Развернувшись полукругом, птицы быстро неслись к берегу и били по воде метровыми крыльями.

— Это пеликаны! Охотятся! — заметил Петенька.

Крик людей, шум мотора катера не испугали птиц. Птицы щелкали клювами, как будто били вальками по воде. На глубине стая собралась снова и двинулась к берегу.

— Смелые, черти! — Петенька погрозил кулаком. — Знают, что в них не стреляют!

Механик снова начал ворчать. Он не понимал, какой

толк от бульдозеров, когда после них остается столько работы для земснарядов.

— Голова! А еще механиком себя называешь! — недовольно сказал Петенька. — Попробовал бы ты пройти эту сковородку по жару. Первый бы принялся кричать: «Давай воду!» В том-то и мудрость решения, простота его, что мы ведем канал с водой. Используют самые дешевые механизмы — бульдозеры и земснаряды.

— Папа говорит, что в песке машинам трудно работать, — сказал Ромка. — У нас поэтому экскаватор сломался.

— Видишь, мальчик лучше тебя понимает!

Ромка снова услышал всполох птиц. А Петенька уже успел схватить ружье. Один за другим прогремели два выстрела.

Стая уток взмыла вверх, а одна из птиц упала на воду.

— Ну, как стреляю? — торжествовал Петенька и торопливо стал раздеваться.

Механик остановил катер. Петенька прыгнул в воду. Он скоро догнал птицу и швырнул ее на катер.

— Селезены! — сказал авторитетно Ромка. — Я бы тоже не промазал!

— Почему ты так любишь хвастаться? — спросила Айнабад. — Мог бы и не попасть.

— Купайтесь! — приглашал Петенька. — Парное молоко, а не вода!

— Скоро остановку сделаем, — сказал механик. — Будем отдыхать на озере. Утки оттуда.

Было заметно, что подходят к озеру. Катер все чаще вспугивал уток, белых цапель, красноногих фламинго и гусей.

Песок внезапно оборвался. Впереди открылись широкая вода и густые зеленые камыши. В них легко можно было заблудиться. Едва катер проходил, камыши смыкались глухими занавесями.

Петенька больше не стрелял. Он как зачарованный смотрел на царство птиц. Большинство из них он видел впервые. Временами вдруг из воды вылетали огромные сазаны и своим шумом будили тихое безмолвие.

— Вот бы где порыбачить Шурику! — заметил Петенька. — Он просил меня купить ему лесок и крючков.

— Меня Шурик тоже просил, — сообщил Ромка. — Я ему обещал показать, как надо ловить скафиринха. Эта рыба погоду предсказывает. Я сам два раза точно определял.

— Скафиринх! — пренебрежительно протянул механик. — А вот про белого амура вы слышали?

— Нет, — подавшись вперед, сказала торопливо Айнабад.

— Я так и знал. Да где вам слышать! Рыбу только привезли, я сам видел, как ее из пакетиков доставали. Блестящие пакетики из полиэтиленовой пленки. Так вот, в таких пакетиках были мальки белого амура. Из Пекина до Москвы они летели на самолете «ТУ-104». Потом оттуда в Красноводск, и, наконец, их доставили на канал на вертолете. Трудно им пришлось в пакетиках, где мало воды и кислорода. Но здесь уже появилось слишком много зелени. Если ее не уничтожить, она будет мешать прохождению воды в канале и движению судов. Вот и решили, что белый амур уничтожит зелень.

— Какую зелень? — не вытерпел Ромка.

— Да всю! Ряску, водяную сосенку, лютик водяной, рдест, кубышку желтую. Ихтиолог рассказывал, что взрослые рыбы едят даже листья деревьев.

— Здесь колючки много! — засмеялся Петенька.

— Не знаю, будет ли амур есть колючку, но, когда кто-то из ребят спросил, нельзя ли будет кормить амура арбузными корками, специалист ответил, что большая рыба с ними справится. Эта рыба съедает столько, сколько весит сама. Если ее вес пять килограммов, то и съест она в день пять килограммов. А знаете, какие они бывают? Вырастают больше метра, да и весят килограммов по двадцать пять!.. Опустите руку в воду.

Петенька и Ромка перевесились с катера и опустили руки в воду. Тут же они почувствовали, как маленькие рыбки застучали носиками по их пальцам.

— Голодные попрошайки! — засмеялся Петенька.

— Надо им крошить хлеба, — предложила Айнабад.

— А знаете, как называется белый амур по-китайски? Вань-юй, хуань-юй и цхоу-юй — рыба, которая ест много травы.

Айнабад и Ромка вслед за механиком громко повто-

ряли диковинные названия рыбы и старались их запомнить: «вань-юй», «хуань-юй» и «цхоу-юй».

— Ромка, здесь нет карадрины, но мы будем у себя на канале охранять белого амура, — твердо сказала Айнабад.

Через два дня катер подходил к маленькому пыльному городку.

Городок жил тихой размеренной жизнью. Раз в день на большую площадь приезжал старенький автобус. Ему предстояло везти пассажиров на железнодорожную станцию, за двести пятьдесят километров. Иногда, в базарные дни, сонную тишину городка будили колокольчики верблюдов. Караван доставлял из пустыни в городок саксаул.

Хотя катер прибыл в полдень, на канале собралось много людей. Всем не терпелось увидеть смельчаков, приплывших из Каракумов.

Ни Петенька, ни Борис Дурдыевич, ни Айнабад, ни Ромка — словом, никто на катере не ожидал такой встречи.

— Ромка! — взволнованно воскликнула Айнабад. — Посмотри, сколько народу пришло нас встречать!

— Праздник начинается, — сказал механик. — Пароход пришел!

— Это корыто — пароход? — Петенька взъерошил механику волосы.

Механик обиделся. Пускай его катер сейчас называют как угодно, но он первый проплыл по каналу. Это не забудется.

— Да как вам не надоест спорить? Неужели двух дней было мало? — махнул рукой Борис Дурдыевич. — Я думаю, Виктор прав. Готовься, Петенька, речь держать от имени строителей канала. Вы бригадир, не мне же, врачу, выступать!

— Определенно будет митинг! — Механик вытирал руки ветошью. — Бригадир, не забудь сказать, что судоходство на канале открыл механик Виктор Бородачев. По отцу Акимович. Лучше сразу сказать, чтобы потом историкам не рыться по разным документам!

— Ну и тепло же ты! — не удержался Петенька.

Неизвестно, долго спорили бы еще приятели, если бы

к барже не подкатил тупоносый вездеход. Из машины вышли начальник строительства канала и секретарь райкома.

— Давайте знакомиться, — сказал начальник строительства. — Пока мы здесь думали, а инженеры высчитывали, вы новую дорогу открыли. Хорошая дорога?

— Отличная! — с воодушевлением сказал Петенька. — Нам без нее хоть в петлю головой. Решили мы чабанам помочь, а горючее режет.

— Знаю! И вас, бригадира бульдозеристов, волгодонца, знаю! И чабана Хаммата. Девсчка, а тебя как зовут? — спросил начальник по-туркменски.

— Меня Айнабад, а его Рома.

— Рохман! — сказал Ромка — он вспомнил своих школьных друзей. — Так будет по-вашему.

— Запомните, Айнабад, и ты, Рохман, этот день. Сегодня в Каракумах началось судоходство!

Механик выразительно посмотрел на Петеньку и дерзко подмигнул.

— Историкам, наверное, интересно будет знать, что первый катер провел механик Бородачев Виктор Акимович.

— Наш народ этого никогда не забудет, — серьезно ответил начальник строительства.

К каналу всё подходили и подходили новые люди. Колхозники из ближайшей артели пришли прямо с поля в запыленных халатах и больших бараньих шапках. Начальник строительства взобрался на машину. Открыв митинг, он предоставил слово Петеньке.

Пока Петенька говорил, как обычно помогая себе руками, к Айнабад и Ромке подошли пионеры. Они окружили их, засыпали вопросами. Мальчики решили, что Ромка должен знать больше, и обратились к нему. Их интересовало буквально все: как живут строители, как они учатся, как выглядит их школа.

— Ну чего ты молчишь? — нетерпеливо спрашивал мальчуган в цветной тубетейке и дергал Ромку за рукав.

— А что я тебе расскажу? Я сам из колхоза приехал! — сказал растерянно Ромка — он чувствовал, что никого не будет интересовать его рассказ.

Забытое чувство зависти к Айнабад опять шевельнулось в его груди.

Мальчик тут же отошел от Ромки и торопливо стал расспрашивать Айнабад.

— Да, у нас все есть. Школа самая обыкновенная, с партами. Даже поселок озеленили. Шофер Макарий привез веточек тополя. Мы помогли ему их посадить. Арык выкопали для поливки. Жалко, что веточек мало! — Айнабад посмотрела на мальчика в цветной тюбетейке. — А какая у нас рыбалка! А как клюет! Недавно Шурик Горяев поймал огромного сома. В нем было больше двух пудов.

На следующий день рано утром к барже пришли машины с соляжкой. Но еще раньше около катера появился высокий мальчик в цветной тюбетейке — Абаджан. Он видел Петеньку, который помогал шоферам прилаживать шланги для слива горючего, но не решался к нему подойти.

— Ромка, здесь твой знакомый! — позвал Петенька.

Ромка давно встал и не знал, чем бы ему заняться, и поэтому очень обрадовался мальчугану в цветной тюбетейке. Мальчик держал под мышкой целую охапку нарезанных веточек тополя.

Абаджан спросил, приходили ли уже ребята. Он очень обрадовался тому, что он — первый. Очевидно, другие ребята проспали, хотя они улавливались собраться здесь рано утром.

Ромка пошел будить Айнабад. «Не успела она сказать, что надо веточки, — сразу принес. А все потому, что на канале живет! А интересно бы узнать, охраняют они свои поля от карадрины, ходят ли дежурить с ловушками ночью?»

Ромка остановился.

— Абаджан, а что вы делаете с карадриной? — спросил он и пытливо посмотрел на мальчика.

— Как — что? Когда появляется на полях колхоза, агроном посылает трактор опыливать ядами.

— А знаешь, наш колхоз первый получит воду с канала. Много новых полей отведут под хлопчатник. Язмурад придумал, как защищать новые земли от карадрины!

И, сбиваясь, Ромка начал рассказывать о Джуре, Язмураде, Эджегиз и учителе Сейдулле Таганмурадове. Чем больше он рассказывал, тем больше убеждался, что

начали они у себя на полях большое и важное дело. И он был его участником.

Абаджан не мог скрыть своего удивления.

— А я не знал, что так можно, — растерянно проговорил он. — Обязательно нашему пионервожатому скажу. Это здорово! И у нас начали поднимать целину. Значит, мы тоже можем защищать поля от карадрины?

— Конечно, можете!.. Айнабад, посмотри, сколько он веточек вам принес! — сказал Ромка подошедшей Айнабад.

— Ну и молодец!

— Я бы еще нарезал, но торопился. — Рука мальчика нырнула в глубокий карман. — А этих червей Шурику передайте. Интересно, много он поймает на них рыбы?

— Вот вам блокнот, ребята, записывайте, сколько машин сольют горючее, — попросил Петенька, — а я пойду к начальнику строительства.

День выдался беспокойный. Не успели ребята записать очередную машину, как на ишаке подъехал туркменский мальчик.

— Принимайте веточки! Я из колхоза «Большевик». Вы не видели здесь мальчика на белом ишаке?

— Нет! А что?

— Он хитрый. Я боялся, что он придет раньше меня. Слушай, мой дедушка сказал, что прутики надо обязательно завернуть мокрыми тряпками, иначе они высохнут!

Из-за бугра показался мальчик на белом ишаке. Он сильно колотил его пятками, всячески подгонял, но ишак не спешил.

— Это Аман! Сейчас посмотрим, что он привез.

— Кандым, а ты уже здесь? — воскликнул запыхавшийся Аман. — Здесь у меня червяки, а это веточки. Мой дедушка сказал: там, где сажают деревья, надо посадить виноград.

— Передай большой рахмат дедушке! — сказала Айнабад. — Мы обязательно посадим его виноград.

Прятели простились и вскоре уехали. А между тем весть, что для озеленения поселка Карамет-Нияз нужны веточки тополя, а известному рыболову Шурику Горяеву — дождевые черви, передавалась от одного пионера к другому.

Сначала Айнабад считала веточки, но на пятьсот пятьдесят восьмой сбилась. А ребята всё несли и несли.

В полдень Петенька подъехал на машине с горючим. Он весело улыбался, довольный состоявшимся разговором с начальником строительства.

— Инженеры высчитали, что при перевозке горючего по воде, — сказал он, — мы сэкономим для строительства миллион рублей. Айнабад, ты понимаешь — целый миллион рублей!

— Шесть нулей и палочка! — задумчиво сказал Ромка. — Здорово!

— Скажите, вам принесли уже миллион веточек? По дороге сюда мы все время встречали ребят.

— Несут и веточки и черви Шурику Горяеву, — похвалилась Айнабад.

— Вот как! — Петенька засмеялся и быстро ушел.

Вернулся он с большим куском фанеры, где было написано цветным карандашом: «Здесь принимают веточки без ограничения!»

— А про червей забыли! — засмеялся Ромка. — Сейчас исправлю.

Он взял у Петеньки карандаш и дописал огромными буквами:

«Принимаем червей для Шурика Горяева от ста граммов и больше!»

Г л а в а д е с я т а я

ПЕРЕГОН ОВЕЦ

Подошло время перегонять овец, а Хаммат все медлил: он не получал никаких известий с канала, и это приводило его в отчаяние.

С каждым днем все медленней и медленней двигались тяжелые овцы, поводя раздувшимися боками.

Чабан мучительно думал. Иногда он с надеждой смотрел на небо, но самолет не появлялся. Хаммат перебирал всех своих новых знакомых: Нурбиби Оразгельдыевну, Бориса Дурдыевича, бригадира бульдозеристов Петра Егоровича, Айнабад, Шурика Горяева, Рохмана.

Он никого не забыл. Знакомых у него на канале было много, но все они почему-то молчали, не приходили на помощь.

«Если занята Нурбиби, то почему не подаст весть Борис Дурдыевич или Петр Егорович?»

Грозный лай Домбаза заставил Хаммата привстать. Так злобно пес лаял только на чужих.

«Опять приехал ко мне за советом чабан из соседнего колхоза, — подумал нерадостно Хаммат. — Для себя ничего не придумаю, а что я ему посоветую?»

Неторопливо, как подобает старшему чабану, он поправил папаху и пошел навстречу незнакомцу. Каурый жеребец под седоком вздрагивал, перебирал тонкими ногами, косил красным глазом, готовый ударить злобно лающего Домбаза.

Хаммат понял: коня гнали — под седлом выступало мыло. «Если он так спешил за новостями, то совсем зря! Мог ехать и потише!» Хаммат потрепал лобастого Домбаза и взялся за уздечку коня.

— Салам! — протянул руку чабану Хаммат. — Эй, Сапарбай!

Сапарбай, по обыкновению, спал около костра. Грозный окрик Хаммата заставил его подняться. Он с радостью поставил закопченную медную тунчу¹ с узким горлом на огонь. Ему очень хотелось послушать нового человека, расспросить его о здоровье, о делах. Он обязательно и о себе расскажет, что надумал жениться. Интересно, какую жену ему посоветует выбрать приезжий?

Всадник легко спрыгнул с коня и пустил его пастись. Хаммат провел гостя к костру и указал место на кошме.

— Собираетесь? — Всадник кивнул головой на мешки и хурджуны.

— Я говорил, что еще рано кибитку разбирать! — вставил Сапарбай, потирая опухшую от сна щеку. — Чай пьем на песке!

Всадник подsunул подушку под бок, вытянул на кошме ноги. «Долго ехал!» — определил Хаммат. По обычаю, он не задавал вопросов, пока гость не утолит «малую жажду» и сам не заговорит.

Сапарбай тоже определил, что гость приехал издалека, и захотел узнать, из какого он района. «Есть ли у них в колхозе красивые девушки? Если есть, обязательно просватаю», — думал он. Сапарбай представил себе, как поедет в дальний колхоз сватать девушку на машине, в большой белой папахе, в новом шелковом халате, с двустольным ружьем на плече. Пусть думают, что он хороший охотник!

Хаммат ударил саксаул о камень. Дерево со звоном раскололось. Он подобрал мелкие куски и бросил их на красные угли.

Гость повернулся и лег на спину.

— Хороший сторож! — похвалил он Домбаза.

— Конь славный! — ответил любезностью Хаммат. — На скачках не участвовал?

— Два раза шелковые платки получал!

Сапарбай прислушивался к разговору. Он решил, что лучше всего ехать сватать невесту верхом на хорошем ахалтекинце. Под седло обязательно надо постелить маленький ковер с кистями.

— Может быть, слышали о Кавлаче? Так это он!

— Я читал об этом коне в газетах! — сказал Хаммат, чтобы польстить гостю.

¹ Тунча — медный сосуд, в котором кипятят чай.

В узком горле тунчи пробежала рябь. А уже через секунду стала выплескиваться вода. Сапарбай достал из хурджуна пиалы, заварил крепкий чай. Первую пиалу он протянул гостю. Приезжий жадно отхлебнул и тут же в несколько глотков осушил пиалу.

— Трудно ходят! — Он кивнул головой, показывая на потолстевших овец. — Того и гляди, начнут рассыпаться. — Он притронулся пальцем к коленке Хаммата: — Я добрую весть привез. Можно гнать отары. Трактористы вывезли на дорогу воду.

Хаммат от неожиданности подался вперед. Наконец кончатся его мучения! Даже во сне его преследовали кошмары. Он быстро достал из глубокого кармана штанов свернутую карту с маршрутом.

— Бушлукчи передал? — оживляясь, спросил Сапарбай.

— Радио! — Незнакомец засмеялся. — Из района зоотехник приехал. На автомашине приемник есть.

«Когда мы отойдем от дедовских обычаев! — недовольно подумал Хаммат. — Мог бы сразу мне сказать. Сколько времени зря томил меня!» Он налил гостю еще одну пиалу.

— Спасибо за новость. Она радостная!

— И тебе спасибо. Ты не побоялся на самолете лететь на канал.

«Почему он не подумал, что это я летел на самолете? — обиделся Сапарбай. — Разве я не похож на храброго человека?»

Хаммату некогда было рассиживаться. Он быстро допил чай и громко свистнул Домбаза.

Большой лохматый пес с тяжелой круглой головой и обрезанными ушами подбежал к хозяину, не обращая уже внимания на чужого. «Раз его посадил хозяин, пусть сам и смотрит. Мое дело — отара!»

— Домбаз, живо собирай отару! — Чабан ласково шлепнул пса по широкой спине.

Домбаз рванулся вперед, а за ним все собаки бросились сбивать овец в кучу.

— Хороший пес! — похвалил еще раз гость.

— Молодой еще. Часто башка не знает, куда ноги носят!

Хаммат вспомнил, как собаки бегали за тенью само-

лета, и улыбнулся. Ведь это они помогли ему взобраться по лестнице в самолет.

Всадник поднялся, достал из-за голенища сапога камчу¹ с обтертой, отполированной ручкой. Он нетерпеливо стегнул плеткой по песку.

— Рахмат за угощение, ехать надо!

— Посидели бы еще! — приглашал Сапарбай. — Поговорили. Вы из какого колхоза будете?

— Хорошо на тое² гулять. А у меня еще впереди большая дорога. Всем надо передать, что пора гнать отары. Вы пробовали воду в канале?

Хаммат закрыл глаза, вспоминая, какой сладкой, вкусной была вода в канале. От удовольствия он даже прищелкнул языком:

— Целая река сладкой воды!

— Ай бо! — Гость поймал коня. Он обернулся и посмотрел на Сапарбая: — На канале встретимся. Приезжай чай пить. Меня Ширли зовут. Гулять будем, разговаривать!

Чабан усакал. Конь сразу пошел юрьгой.

— Джигит! — с восхищением сказал Сапарбай, твердо решив, что сватать невесту он поедет на коне.

Хаммат направился к отаре. Овцы тяжело дышали, сбитые собаками в тесный круг. Казалось, что эту массу живых, движущихся тел в грязных, забитых пылью шубах невозможно сосчитать.

Но это было не так. Хаммат взобрался на высокий бархан и быстро окинул взглядом стадо. Почему он не видит белолобую овцу, которую колхоз недавно купил в каракулеводческом совхозе? Он сбежал с бархана и вошел в стадо. Тесно сбившиеся овцы прятали головы. Сколько раз Хаммат ни обходил кругом отару, расталкивая овец, белолобой он не нашел.

— Ау, Сапарбай! Ты не видел белолобую?

— Нет. Разве отбилась?

Подбежал Домбаз. Он взволнованно повизгивал.

— Ищи белолобую, ищи!

Домбазу никогда не надо было приказывать дважды. Он бросился вперед, отбрасывая сильными лапами песок. Вдруг остановился, пригнулся и понюхал землю.

¹ Камча — плетка.

² Той — праздник.

— Сапарбай, ушла белолобая!

— Ах, вах! — Сапарбай ударил себя руками по толстым бокам.

Хаммат направился к костру и по дороге сорвал стебелек травы. Это был заячий ячмень. Весна еще не прошла, но какая уже жухлая трава! Она успела наполовину высохнуть на корню и стать сеном. Совсем другую, сочную, зеленую траву он видел на берегу канала. Там его овцам придется меньше ходить, и они будут вдоволь наедаться.

Сапарбай кипятил на костре чай.

— Ты бы перестал укладываться! — недовольно сказал Хаммат. — Овца пропала!

— Зачем искать, когда собака есть! — Сапарбай опустился на колени и палочкой подгрел угли под тунчу. — Какой хороший человек Ширли! Приглашал к себе чай пить. Плов будем кушать из молодого барашка. Жалко, что не успел я спросить, из какого он района.

— Ладно, укладывайся, но не вздумай спать. Я один пойду искать!

Хаммат легко заскользил по песку. Только у охотников и чабанов, которые постоянно ходят в чакоях без каблуков, вырабатывается такой легкий, скользящий шаг.

Хаммат внимательно заглядывал под каждый куст, за высокие осыпающиеся склоны барханов, искал следы. Около большой норы рыжей песчанки он увидел широкий след черепахи. «Кормись, кормись! — пожелал он ей. — Скоро трава совсем сгорит, и ты заляжешь спать в нору до другой весны».

Много бед приносят такие норы. То конь ломает ногу, то овца. Но сколько змей и разных паразитов находят в них себе убежище! Стоит раскопать такую нору — и обязательно увидишь спрятавшуюся от жары змею-стрелку или кобру с широкой, расплющенной головой. Укус их смертелен. Но больше всего в норах москитов. Они там выводятся. Москиты сосут песчанку и переносят с них заразу на людей, заражают их пендинкой. В логове можно найти и клещей. Они часто нападают на овец.

— Хаммат, Хаммат! — послышался голос Сапарбая.

Хаммат осмотрел ближайшие барханы и двинулся назад. Спускаясь с бугра, он увидел Домбаза. Пес осторожно подталкивал лобастой головой серенького ягненка.

ка. Второй ягненок, упав на колени, сосал белолобую овцу.

— Два барашка — к счастью! — громко сказал Хаммат и побежал.

«Теперь смотри да смотри. Куда устроить этих малышей при перегоне?»

— Хаммат, отара идет! — крикнул Сапарбай и взбежал на бугор.

Хаммат привстал. Подымая пыль тысячами ног, медленно двигалась чужая отара. Чабаны шли сзади. Они вели за собой двух верблюдов и ишака.

— Пора и нам идти.

Наконец все уложено. Продукты — в хурджунах, кибитка с кольями и кошмой привязана к спинам верблюдов. Хаммат в последний раз оглядел место короткой стоянки. Сколько их бывает в течение года! Может быть, он когда-нибудь и придет сюда опять.

Собаки поднялись, и вся отара, как вывернутая шуба, медленно двинулась, растекаясь во все стороны.

«Интересно, какой тракторист привез воду? — подумал Хаммат. — Может быть, сам Петр Егорович, а может быть, Мустафа или Григорий Мартынович». Перебирая в памяти имена знакомых, Хаммат с благодарностью подумал, что они не забыли своего обещания, пришли чабанам на помощь.

Сапарбай вел верблюдицу. Остальной груз подняли два других арвана¹.

— Сапарбай, посмотришь, какая на канале трава! — радостно сказал Хаммат. — Сам бы ее грыз!

Незаметно черным пологом опустилась на пески ночь. Огромное небо заблестело россыпью звезд. Песок продолжал еще греть, но воздух стал холодным. Жара спала, и овцы пошли быстрее.

С наступлением темноты пустыня начала оживать. В звонкой тишине раздавался вдруг то шорох вылетевшего насекомого, то короткий вой шакала. И опять все смолкало. Тишина эта была обманчивой. Где-то рядом неслышно скользили змеи, шли на водопой осторожные джейраны, пугливые и выносливые в беге сайги². Выходили на охоту лисицы, корсаки, волки.

¹ Арван — одногорбый верблюд.

² Сайга — быстроногая антилопа.

Все двигались осторожно, стараясь производить поменьше шума, чтобы вдруг не стать добычей чьих-нибудь острых зубов. Ночью разыгрывались самые страшные бои за жизнь, за существование.

Собаки беспокойно обегали отару, теснее сбивали овец, иногда отрывисто, грозно лаяли.

— Сапарбай, ты зарядил ружье?

— А как же!

Отара вошла в густые заросли черного саксаула. Крепкие ветви зацарапали по одежде. Хаммат решил выйти вперед. Надо было смотреть и смотреть! Некоторое время шли молча.

— Эй, эй! Смотри, Сапарбай!

— Гоп, гоп, Хаммат!

«Хорошо, что не заснул! — подумал Хаммат. — Надо остановиться. Только бы пройти этот кустарник. Хвост Большой Медведицы смотрел в землю. Скоро два часа ночи».

Вдруг испуганно метнулась овца, ломая кустарник. Хаммат бросился в ее сторону, но споткнулся о высокий корень и упал. Злобно залаяли собаки, погнались. Хаммат услышал глухой бас Домбаз. «Волки!» И тут же два выстрела один за другим хлестнули сзади, осыпая кусты картечью.

Хаммат перехватил удобнее палку, торопливо побежал за отарой. Справа от него метнулась черная тень. Не успел чабан рассмотреть, кому она принадлежит, как большая собака с лаем бросилась ей наперерез.

— Бери, Домбаз! Бери!!

Собака широкой грудью ударила волка, сшибла и навалилась на него. Послышался удар челюстей, металлический лязг зубов.

Хаммат бросился к дерущимся. Два тела сцепились в клубок. Сейчас нельзя было бить палкой. Чабан выхватил большой охотничий нож и навалился на зверей.

Горячее дыхание волка и острый запах крови ударили в лицо. Под руку попал круглый лоб собаки. Спустя мгновение Хаммат схватил острое ухо волка.

— Бери, Домбаз! — Хаммат скользнул рукой по липкой от слюны шерсти и с силой всадил нож в толстую шкуру. Домбаз остервенело рвал горло волку.

После тяжелой ночи Хаммат с радостью встретил ранний рассвет. Теперь можно осмотреть отару, пересчитать овец. Едва он поднялся с песка, как тут же вскочил Домбаз. Пес хромал, лапа была прокушена. Липкая волчья слюна склеила шерсть на груди и загривке. Над бровью зияла рана с запекшейся коркой крови.

— Домбазка! — обычно скупой на похвалы Хаммат ласково потрепал пса. — Молодчина — ты старика свалил!

Домбаз махал обрубленным хвостом.

— Идем считать овец, Сапарбай!

— Хаммат, посмотри! — Сапарбай ухватил овцу за переднюю ногу и быстро ее опрокинул. — Шея порвана.

Старший чабан осмотрел рану. Она была неглубокая. Достав из сумки таблетку белого стрептоцида, он ее размял между пальцами и быстро присыпал рану.

Чабаны двинулись вперед, протискиваясь между животными, считали их.

— Нет одной овцы! — взволнованно крикнул со своего края Сапарбай. — Я хорошо считал. Но за нее я убил волка.

Хаммат молчал. Сегодня он не узнавал всегда ленивого Сапарбая. Что с ним стряслось? Разве он убил волка? Когда?

Поднялось солнце. Песок, разбитый за ночь ногами животных и лапками насекомых, ярко заблестел. Хаммат мог свободно прочитать все следы, как интересную книгу. Но сейчас он не обращал внимания на следы жука-навозника, скидку зайца, на поволоку когтистой лапы дикобраза. Он искал круглые отпечатки больших и сильных лап волка.

«Смешной Сапарбай! Заглядывает под каждый куст, ищет убитого волка. Откуда ему взяться? — думал Хаммат. — Нет, не будет у тебя славы храброго охотника, Сапарбай!»

Следы овец растекались в разные стороны. Скоро должны были начаться кусты саксаула, где ночью волки напали на отару. Ночью эти кусты казались больше и гуще. Но сейчас редкий кустарник черного саксаула хорошо просматривался.

Хаммат, как настоящий охотник, осторожно обходил

кусты. Кто знает, а вдруг спряталась под корнями кобра или ядовитая эфа? Не распласталась ли на ветке стремительная змея-стрелка, готовая броситься каждую минуту в атаку? Опасность всегда поджидает неосторожного человека в песках. Этого нельзя забывать. Сколько невнимательных и беспечных охотников и чабанов платились за это!

Сапарбай, наоборот, вел себя, как мальчишка, колодил по кустам палкой, лез напролом через кусты.

Хаммат шел дальше по следу. Днем бы он не позволил волкам напасть на отару. Он вышел к месту, где на хищника наскочил Домбаз. Песок весь перерыт острыми когтями, залит кровью. Кругом клочья вырванной шерсти. Домбаз зарывал, у него на загривке поднялась шерсть.

— Тихо, тихо, Домбаз! — Хаммат потрепал пса.

Два натоптанных круга на взбитом песке рассказали, что волк долго оборонялся, кружил, присев на задние лапы, готовый к стремительному прыжку.

С громким криком с соседнего куста соскочила саксaulьная сойка — чурчири. «Я теперь знаю, где серый разбойник! — обрадовался Хаммат. — Чурчири показывает дорогу шакалам, пожирателям падали!»

Домбаз медленно, с достоинством, как победитель, направился к кусту.

Волк был большелобый, с черными острыми ушами. Хаммат перевернул его, чтобы посмотреть, куда ударил ножом. На горле зияла рваная рана — «работа» верного Домбаза.

Чабану никогда не приходилось видеть такого большого волка. «Может быть, он пришел из Казахстана? — подумал он. — Напугали тракторы на целине!» Волк был светлой масти. Хаммат опустился на колени и принялся снимать шкуру. Тяжелый запах пота и псины ударил в лицо. Хорошо будет в колхозе показать такую шкуру. Пускай Оразгельды похвалит его. Кто-кто, а он сможет точно сказать, откуда пришел этот волк. Хаммат свернул сырую, пахнущую кровью шкуру и вскинул ее на плечо. Он долго ходил по кустам, пока наконец не нашел следов второго волка.

«Напали стаей. Хорошо, что отделались одной овцой. Могли бы больше потерять!»

— Эй, гей, Хаммат! — слышался вдалеке голос Сапарбая.

«Что там стряслось? Никогда он не будет настоящим чабаном!»

Сапарбай продолжал кричать, и это заставило Хаммат ускорить шаги. «Не попал ли он в нору песчанки, не сломал ли ногу? От него всего можно ожидать. На ходу спит!»

Прошло больше получаса, прежде чем Хаммат вышел к Сапарбаю.

— Хаммат, кто даст мне премию? Я убил волка!

«Значит, он все-таки не промазал! Молодец!»

— Ты бы зря не кричал, — сказал он, — а обдирал!

— Я хотел, чтобы ты посмотрел. Правда, я хороший охотник?

Хаммат удивленно посмотрел на толстого Сапарбая и засмеялся.

— Ты бы шкуру мог показать, я бы поверил. Ты убил волчицу. — Он определил это по черным, проглядывающим соскам на брюхе. Волчица готовилась скоро щениться. — За нее не одну, а две премии тебе дадут.

— Я так и думал! — согласился Сапарбай.

Ему хотелось рассказать Хаммату, что он надумал жениться, а шкуру прибьет в кибитке, пусть все видят в колхозе, какой он храбрый охотник. Он закрыл глаза и подумал о том, как будет рассказывать об этой ночи, полной необычных приключений.

Отара снова двинулась вперед. А справа и слева от нее шли зоркие и верные сторожа — овчарки. Хотя Домбаз и сильно хромал, он никому не уступал своего места впереди отары.

Короткий привал и перегон. Только новому человеку или городскому жителю могло показаться, что пустыня однообразна, а громоздящиеся вокруг песчаные гряды похожи одна на другую. В этом кажущемся однообразии Хаммат всегда узнавал места, которые проходил несколько лет назад. Ему надо было все время идти на север. Он ориентировался не по компасу, а по кустам кандыма, черкеза и саксаула, норам песчанок. Направление показывали и барханы: пологие наветренные склоны — север, крутые осыпания — юг.

Пока Хаммат разглядывал карту, Сапарбай не спу-

скал с него глаз, горячо дышал ему в затылок и проникался все большим уважением к старшему чабану. Он старался понять, как Хаммат находит дорогу по карте, окрашенной в желтый цвет песка.

А вот и оюк — указатель дороги. Он сложен из толстых веток саксаула и черкеза. Рядом — караванная тропа.

На песке показались следы овец — здесь прогоняли отару. Сапарбай опустился на колени и принялся их изучать.

— Вчера прошли! — небрежно проронил он с видом знатока.

Хаммат улыбнулся. Ему нравилось, что Сапарбай проявляет такую деятельность. Но Хаммат-то знал, что песок никогда не скажет правды. Если хочешь узнать, когда прошла отара, надо искать ответа в горошинах. Мягкие, легкие и плющатся — значит, отара прошла день-два назад. Если шарики высохли и стали крепкими, как камни, — неделя. Жуки-скарабей тоже помогают следопытам. Они всегда бегут за отарой, растаскивают ка-тышки.

Здесь нет ни одного скарабея. Отара прошла уже давно — больше трех дней.

— Сапарбай, хочешь быть настоящим охотником — учись! Самая лучшая школа — пески, норы животных, птицы, кустарники, трава. Внимательно присматривайся кругом и все запоминай! — в который уж раз говорил Хаммат своему помощнику.

— Я хочу купить себе ружье. Ты поможешь мне выбрать, Хаммат?

— Какой охотник без собственного ружья! Ты правильно решил.

На третий день собаки, обнюхивая следы, стали повизгивать. Сапарбай нагнулся и увидел на такыре острые копытца джейранов.

— Скоро вода.

Хаммат согласился. Вода, как магнит, притягивала к себе всех обитателей пустыни. Давно он не видел сразу столько следов лисиц, корсаков, зайцев. Ящерицы пропахали в песке бесчисленные дорожки. Все они тянулись в одну сторону, не меняя направления.

Прошло еще немного времени, и вдруг овцы сорвались

и побежали, почувствовав воду. Чабаны поднялись на бугор и увидели большую белую цистерну.

— Молодцы, покрасили! — подумал с благодарностью Хаммат. — Вода не будет так нагреваться.

— Это сладкая вода! — мечтательно сказал Сапарбай и лизнул языком пересохшие губы.

Подойдя к цистерне, Хаммат увидел на ее крутом боку четкую надпись.

«Хаммат, мы ждем тебя на канале. Айнабад!»

— Я скоро буду! — громко сказал старший чабан, а потом открыл поочередно все краны и стал смотреть, как вода лилась в корыта.

Овцы жадно прильнули к воде.

Г л а в а о д и н н а д ц а т а я

ПОДВИГ ШУРИКА

Давно уже не было писем от Айнабад. Ромка тосковал и волновался. А девочка уже не раз принималась за письмо к другу, но, не дописав, бросала. Ведь писать надо было о самом главном, о том, что случилось на канале, о Шурике. Но писать об этом было очень, очень трудно, и несколько раз начатое письмо все оставалось недописанным. А случилось вот что...

Шурик Горяев был на верху блаженства. А надо было ему для счастья совсем немного. Перед ним стояла консервная банка с дождевыми червями. Время от времени он, словно не доверяя себе, наклонялся над ней и пересчитывал содержимое. Нет, он не ошибся — сто червей!

Айнабад передала ему от городских ребят и крючки и лески. Крючки были разные: черные, как крыло вороны, медные, луженые, маленькие и большие, тройники всех размеров, похожие на настоящие якоря. Вдоволь налюбовавшись своим богатством, мальчик принимался за лески. Он поочередно наматывал их на руки и пробовал на прочность. Особенно ему нравилась голубая леска. Он порезал руку, но так и не смог ее порвать.

Шурику обязательно надо было проверить ее кре-

пость. Хотя на ярлычке, привязанном к леске, было написано, что выдерживает она шесть килограммов, мальчик этому не верил. Он, как всегда, должен был сам испытать ее прочность. Такой уж у него был характер: все проверять самому и не слушать ничьих советов.

Сначала к леске был привязан тяжелый утюг под уголь. Леска от тяжести вытянулась, но не порвалась.

Мальчик вышел и скоро вернулся с топором. Рядом с утюгом повис надолго и топор.

Шурик обшарил всю комнату, не зная, что бы ему еще прицепить. Наконец ему попалась мясорубка. Немного стараний, и мясорубка повисла на крепкой леске.

— Ого! — удивленно сказал Шурик, опасливо обходя висящие над дверями тяжелые предметы.

В руках оказался большой старый замок, но Шурик был уверен, что этого мало. Он захватил еще два тракторных ключа, которые случайно оказались дома.

Только после второго ключа леска со звоном оборвалась, а все привязанное к ней с ужасным грохотом стукнулось об пол.

— Вот это здорово! На такую снасть можно и двадцатипятипудового сома вытащить!

Тут же голубая леска была превращена в донную удочку: привязан самый надежный крючок, тяжелое грузило.

На другой день Шурик сидел уже на канале. Как всегда, он ушел на рыбалку один. Договаривался пойти с ним Жора Инякин, но, видно, проспал. Шурик особенно об этом не жалел.

Обычно в хороший клёв мальчик не успевал таскать рыбу на одну удочку. Но на этот раз на канале творилось что-то непонятное. С утра попался только один маленький соменок. Он плескался под самым берегом на длинном кукане¹.

Мальчик решил распустить все остальные удочки. Не поскупился и надел на каждый крючок по целому червяку. «Должно обязательно клевать», — убеждал он себя. Но время шло, а все пять поплавков без движения стояли на одном месте. Что делать? Если бы Шурика не считали в поселке лучшим рыбаком, он бы давно ушел. Но возвращаться домой без улова ему было стыдно.

¹ Кука н — веревочка, на которую насаживают рыбу.

Шурик поочередно вытаскивал одну за другой удочки и перебрасывал их на новое место. Но и этот испытанный способ не помогал. Он пробовал тянуть леску по воде, стараясь раздражить рыбу, — безрезультатно. «Жалко, что не поймал маленького сазанчика. На живца бы взяло!»

Но вдруг, как по команде, все поплавки запрыгали. Шурик удивился. «Нет, это не клёв!»

А через минуту или другую сильное течение подняло со дна тяжелые свинцовые грузила, и они запрыгали на струе воды. Лески удочек заплелись, перепутались. Шурику было особенно жалко голубую леску.

«Откуда взялось такое сильное течение?» Молчаливый канал внезапно ожил. Вода загудела, сжатая тесными берегами. Пока Шурик возился с лесками, распутывал их, мимо него промчалась пустая лодка. На ее черном, залитом смолой боку белой краской была выведена цифра «12». «С двенадцатого земснаряда сорвало! — понял Шурик. — А до него километра три будет!»

Не успел он еще полностью разобраться, что творится на канале, как мимо пронесся понтон. С каждой минутой вода все злей редела и клокотала.

Мальчик испугался. Он быстро смотал на дощечку голубую леску, не стараясь даже распутать ее, и побежал в поселок, чтобы предупредить людей.

Шурик вскарабкался на высокий гребень бархана. Капал остался внизу, шум воды сюда едва долетал. Но постепенно берег стал понижаться, и, сбегая к воде, мальчик снова услышал нарастающий рев потока, грохот обвалов.

Послышались крики людей, взывающих о помощи. Течение закружило земснаряд. Без руля плоскодонная посудина была полностью во власти воды.

Мальчик громко закричал и еще быстрее побежал по пустынному берегу. А ему навстречу, все нарастая и нарастая, неся шум ревающего потока. Но вот Шурику пришлось остановиться: дороги не было. Вода прорвала дамбу и неслась в степь.

Промоина в дамбе была пока небольшой, но она стремительно росла. Вода как будто сжевывала песок. Раздумывать или выбирать Шурику было некогда. Не представляя себе всей опасности, он бросился вперед.

Поток сбил его с ног. Вода захлестнула его, накрыла с головой. Мальчик вынырнул и испуганно заколотил руками и ногами. Вода стремительно тащила его за собой, растекаясь по всему широкому степному простору, медленно теряя скорость.

Неожиданно Шурик наткнулся на цепкий куст кандыма. Куст позволил ему задержаться. Мальчик с облегчением вздохнул. За спиной по-прежнему шумел грозный поток. Прислушавшись, Шурик вмиг оцепенел. Только сейчас он понял, какой смертельной опасности подвергнулся. Страх сковал его: не было сил, чтобы обернуться, посмотреть назад, подняться с мокрого песка.

Но медлить было нельзя. Вскоре Шурик вскочил и побрел по воде. Впереди из залитых нор выскакивали песчанки, длинноногие тушканчики, колющие ежи. Все спасались от подступающей воды.

Подняв высоко круглую голову, почти рядом проплыла змея. В другое время Шурик бы задал стрекача, но сейчас не испугался.

Постепенно к нему вернулись силы, и он побежал. Шурик оказался на берегу канала, но ниже прорыва. Без воды берега и сухое русло казались большими буграми.

Кое-где по ямам осталась вода, но она стремительно убывала. В одной яме Шурик увидел рыб. Медными пятнами блестела чешуя огромных сазанов; как большие черные бревна-мертвяки, один около другого вытянулись сомы.

У него перехватило дыхание. Захотелось собрать рыбу: такого улова у него не было еще ни разу за всю его рыбалку. Он спустился к яме. Мокрый песок не осыпался, был крепкий, как асфальт. Мальчик протянул руку и дотронулся до шероховатой спины большого сома. Рыба ударила сильным хвостом по воде и обрызгала мальчика.

Шурик вытер лицо и засмеялся. Он еще раз посмотрел на рыбу. Хотелось запомнить это место. Он не удержался и пересчитал рыб.

Ближе всех работали бульдозеристы. Шурик скоро добежал до места их работы, но за ревом потока не слышал гула моторов. «Неужели не работают?» — испуганно подумал он.

Он пробежал еще с полкилометра и тогда увидел бульдозеры. Они двигались по глубоким траншеям, отсыпая песок. Один раз на левом берегу, второй — на правом.

Осталось еще пробежать несколько десятков метров, как вдруг силы покинули Шурика. Он в изнеможении упал на песок и закричал:

— Эй, эй, на помощь! Сюда, на помощи!

Он кричал долго, но бульдозеры не останавливались. Шурик отдышался, набрался сил и медленно побрел. Ему особенно трудно было перебираться через нарытые горы песка.

— Эй, эй, на помощь!

Мустафа первый заметил маленькую худенькую фигуру мальчика. Поравнявшись с ним, он быстро остановил машину.

— Шурик? — удивился Мустафа, смотря на мокрого, бледного мальчика. — Опять сом тебя выкупал?

— Дамбу прорвало! — одними губами тихо произнес Шурик.

В его расширенных зрачках был страх. Он устало опустился на землю.

Мустафа бережно подхватил мальчика, посадил его на мягкую подушку сиденья.

— В поселке знают?

— Нет!

Мустафа поднял тяжелый нож бульдозера и направил машину к бригадиру. Еще на полпути он высунулся из кабинки и, сорвав с головы фуражку, замахал ею.

— Бри-гадир Петр Его-рович! Бри-гадир Петр Его-рович!

Петенька услышал голос Мустафы и развернул бульдозер.

— Что там у тебя стряслось?

Стараясь перекрычать гул моторов, Мустафа единым духом выпалил: прибежал Шурик Горяев и сообщил, что дамбу прорвало и вода уходит в степь.

— Авария! — взволнованно крикнул Петенька. — Дуй к ребятам! Буди всех, кто есть в вагончике! Пусть заводят машины — и сюда!

Петенька развернулся на месте и, осыпая песок стальными башмаками гусениц, выбрался из забоя.

Мустафа быстро поднял спящих после ночной смены.

— Надо скорей, скорей! — торопил Шурик Мустафу, беспокойно озираясь вокруг. В его ушах стоял неумолчный гул потока.

— Знаю. Это тебе не на колесах: сразу не пока-тишь! — Мустафа делал все возможное, чтобы двигаться быстрее.

Скоро уже и Мустафа услышал рев потока. Звук все время нарастал, ширился.

По этому звуку Шурик определил, что поток, прорвав дамбу, из узкого ручейка успел превратиться в грозную полноводную реку. Беспокойство мальчика передалось и зоркому бульдозеристу. Он перегнулся и прокричал Шурику на ухо:

— Слышишь, как ревет? А ты говорил, что переплы-вал!

— Переплывал!

— Ты храбрый?

— Не знаю.

Когда выехали на дамбу, Петенька уже подгребал песок бульдозером. Он заметил машину Мустафы и остано-вился. Ладони Петенькиных рук так и взлетали, когда он начал говорить.

— Ревет! Здесь, брат, одному не сладить!

Обстановка напомнила ему суровые дни войны. Прав-да, у него был тогда танк «Т-34», а не бульдозер.

— Не засыпать! — согласился Мустафа и посмотрел со страхом степного человека, не умеющего плавать, на бушующий поток.

— Ну, это ты брось! — Петенька взобрался в кабину к Мустафе. — Надо бороться. Было у нас на Волго-Доне такое. Сладим и здесь! — Он случайно увидел в кабине бульдозера Шурика. — А ты, пацан, почему здесь? Тебе надо идти домой.

— Я посмотрю! — Шурик цепко ухватился рукой за стойку. — Честное слово, я не буду мешать!

— Пусть останется! — попросил малоразговорчивый Мустафа. — Я знаю, он бульдозеристом хочет быть. Отец учил его управлять машиной.

— А ты, друг степей, научился плавать?

— Нет, бригадир!

Шурик удивленно посмотрел на Мустафу. Он всегда

старался научиться все делать сам и не мог себе представить, чтобы взрослый мужчина не умел плавать. Вот он, Шурик, научился хорошо и плавать и нырять. Он чуть сгоряча не высказал все это Мустафе.

Скоро бульдозеры разошлись в разные стороны и начали подсыпать песок к прорыву.

Сначала Шурик с интересом наблюдал за работой Мустафы, а потом, пригревшись в душной кабине, заснул. Так он проспал долго. Его разбудили громкие голоса. Шурик открыл глаза и огляделся. Он удивленно вертел головой, смотрел на Мустафу, не мог понять, как он очутился в кабине бульдозера.

Но ревущий поток ему все напомнил. Машина была неподвижна. Рядом с Мустафой стоял Петенька. От сильного напряжения у него запали глаза, он побледнел.

Бригадир вытер подкладкой маленькой кепки потное лицо:

— Ну и прет вода! Вся наша работа здесь впустую. Надо прудить! Больше ничего не остается! Придется мне твой бульдозер топить, Мустафа. Мой новый!

— Бригадир, моя машина, и я хозяин! — резко сказал Мустафа и взмахнул рукой. — Никому бульдозер не отдам! И тебе не отдам!

— Да ты, дурень, плавать ведь не умеешь! Утонешь!

— А ты поверил? Мало ли я чего скажу! Я пошутил, а ты поверил!

— Ну, ты меня не обманешь! Некогда мне с тобой спорить. Сказал — выполняй.

«Нельзя Мустафе в поток! — подумал Шурик. — И как это он не научился плавать! Я один раз уже переплывал поток, и ничего со мной не случилось. И бригадир не может уходить с дамбы!»

Отец не раз объяснял ему, как надо трогать машину с места. Разрешил бы только бригадир, а он бы справился! Что здесь страшного? Немного снесет течением, вот и все!

Петенька отвел Мустафу в сторону и что-то объяснял, нетерпеливо размахивая рукой.

Шурик не слышал их слов, но понял, что они ругались.

До потока было не больше трех-четыре метров.

Мальчик тут же решил: «Не буду спрашивать — Мустафа упрямый, не уступит, а Петенька никогда не разрешит!» Шурик порывисто дернулся вперед и двумя руками сдвинул тугой рычаг коробки передач. «Надо еще включить ручку муфты сцепления!» — лихорадочно припоминая он советы отца и с силой потянул вторую ручку.

Бульдозер чуть вздрогнул и медленно полез вперед. Шурик от страха весь сжался. Но уже через мгновение он почувствовал, что машина уходит вправо. Он испугался, что не сумеет провести ее прямо. «Как держишь? Возьми направление! Ишь, завилял!» — услышал он вдруг грозный окрик отца. Неужели он не справится?

Машина шла прямо в поток. Шурик оторвал руку от управления и вытер пот. Он улыбнулся, подумав, что сдал самый трудный экзамен. Честное слово, отец был бы им сейчас доволен.

Бульдозер перевалил через гряду и пополз вниз, в стремительный поток. Шурик не видел, как сзади на прицепной крюк вскочил Петенька. Бригадир что-то кричал, но мальчик не слышал.

Желтая вода, взмученная песком, с силой ударила в радиатор, пошатнула стальную громадину, навалилась на машину. Это был уже не тот маленький поток, который недавно переплывал Шурик.

Мальчик испугался. Он хотел повернуть обратно, но было уже поздно. Вода все тащила бульдозер вперед и вперед, обдирая металл острым песком. Вдруг машина вздрогнула и куда-то провалилась. Шурик больно ударился головой о потолок кабины и потерял сознание.

Петенька все еще держался за бульдозер. Он нырнул в кабину, обшарил ее всю, но Шурика не нашел. Не выпуская рукой стойки, за которую держался, он выскочил из воды и набрал воздуху. Но в этот момент большая доска ударила его по спине и оторвала от кабины.

Течение потащило Петеньку вниз, закружило.

— Шурик, Шурик! — кричал Петенька.

Его слезы смешивались с брызгами взмученного, бушующего потока.

...От жары кожа на пионерском барабане высохла и натянулась. Жора Инякин слегка дотрагивался до нее точеными палочками, и барабан тотчас же задорно разносил дробь по всему поселку.

Впереди с красным знаменем отряда шла Айнабад. Ей было тяжело нести его, но она в этом не сознавалась. Она очень гордилась тем, что ее назначили знаменосцем.

Пионерский отряд был уже больше получаса в пути. Шли к каналу, к месту недавней аварии. Там решено было провести сбор, посвященный Шурику Горяеву.

Оглянувшись, Ирина Владимировна встретила глазами с Петенькой. Она была благодарна ему за то, что он пригласил на сбор коммунистов и комсомольцев участка. Ей еще никогда не приходилось командовать таким строем: рядом с пионерами шагали взрослые. Здесь были плотник Иван Иванович, бульдозерист Мустафа, шофер Макарий, Борис Дурдыевич, Нурбиби.

Гордые от сознания, что они идут в одном строю со взрослыми, ребята не шутили, не разговаривали.

«После смерти Шурика ребята удивительно повзрослели», — подумала учительница.

Спустившись к каналу, строй увидел на другой его стороне отару. Овцы жадно пили.

Овчарки беспокойно забегали по берегу, залаяли.

— Пришли чабаны! — громко сказала Нурбиби и невольно подумала о Хаммате: «Скоро и он должен появиться в поселке!»

— Хаммат пришел? — звонко крикнула Айнабад на родном языке.

— Еще идет, скоро будет! — ответил чабан. — Большой рахмат за воду. В степь шел — всегда с собой маленькую пиалушку брал. А здесь воды много. Большую пиалу буду покупать! — Он засмеялся своей шутке.

— Айнабад, приглашай чабанов к нам! — сказала Ирина Владимировна.

— Скажи, что здесь была авария, — попросил Петенька. — Воды должно быть больше.

— Бала, Батыр! — Чабан показал вытянутой рукой в сторону дамбы.

— Он говорит, что Шурик герой! — перевела Айнабад. — Откуда он узнал о нем?

— Рассказали. Хороший поступок у всех на виду! — сказала Нурбиби.

— Идите к нам, у нас будет сбор! — позвала Айнабад чабана.

Отряд двинулся вперед. Жора забил в барабан.

Шли по берегу канала. Песок был темный, пропитанный водой. Он не пересыпался, не скрипел под ногами. Показались занесенные песком кабины бульдозеров. На дамбе ничто не напоминало о недавней аварии, о тяжелой борьбе людей с водой. На горячем железе капота бульдозера грелась ящерица-круглоголовка. Но людей она испугалась и убежала.

Пионеры и взрослые окружили бульдозер. Солнце поднялось высоко и сильно пекло.

— Отряд, смирно! — подала грудным голосом команду Ирина Владимировна.

В молчании застыли бульдозеристы, шоферы, багеры и матросы.

— Вольно!

Петенька вышел вперед. Он обернулся и посмотрел на строй. Вот они, товарищи Шурика, их, взрослых, помощники и участники всех дел. Разве не вместе со взрослыми идут они через пустыню к Мургабу, деля все невзгоды и лишения трудной кочевой жизни!

Бригадир давно готовился к своему выступлению. Не раз мысленно он обращался к ребятам. Но начал совсем по-другому.

— Ребята, Шурик был вашим другом. Не вы одни любили его. Мы все, взрослые, были привязаны к нему. Он первый сообщил нам об аварии на канале. В этот трудный момент он не захотел уходить в поселок. Он поступил, как герой. Я уверен, что так бы поступил и Олег Кошевой или Сергей Тюленин. Ведь поток надо было обязательно перегородить!

— Он сделал, как Александр Матросов! — выкрикнул Жора Инякин.

— Да, как Александр Матросов! — подхватил бригадир. — Будьте всегда смелыми и храбрыми, как Шурик! Подвиг никогда не умирает! Помните Шурика!

Потом выступил старый коммунист плотник Иван Иванович.

В разгар митинга послышался конский топот. Разма-

хивая над головой камчой, Хаммат гнал каурого жеребца.

Хаммат на ходу соскочил с коня. Он кланялся дорогим для него людям, спасителям колхозных отар. Здесь было много знакомых. Но, сколько он ни вглядывался, никак не мог отыскать Шурика. И вдруг он все понял.

Пастухи, передавая друг другу весть об аварии на канале, о подвиге мальчика, называли его Шуриком. Но, когда весть дошла до Хаммата, мальчику было присвоено новое имя — Батыр. Имя Батыра, о котором уже говорят и поют в степи бакши, — Шурик. Это его знакомый Шурик-рыболов.

Хаммат низко поклонился. Он снял большую черную папаху, достал небольшую тряпицу.

— У каждого человека есть своя мечта. Я давно ждал воду, чтобы посадить в этих песках дыни. (Айнабад переводила слова чабана.) Пусть мои дыни расскажут о чуде в Каракумах.

Г л а в а д в е н а д ц а т а я

САЛЯМ АЛЕЙКУМ БУДЕТ ПОБЕЖДЕН

После возвращения с канала Ромка вдруг почувствовал себя знаменитым человеком. Никто из ребят в ауле — ни Джура, ни Мамед, ни Ташли — не мог похвастаться, что летали на вертолете или плыли на катере.

Где бы только в течение дня ни располагались вокруг Ромки слушатели, в школе или на улице, непременно появлялся старый Оразгельды. Он усаживался рядом с Ромкой и очень внимательно слушал. Ромка обычно рассказывал долго. Эпизод следовал за эпизодом, и, казалось, им не будет конца. Но не дай бог, если Ромка упускал какой-нибудь случай, о котором он уже говорил! Старик обязательно замечал:

— О пеликанах сегодня не сказал. А они интересно охотятся.

Потом Оразгельды протягивал письма. Их привез ему Ромка от Нурбиби, Бориса Дурдыевича и Айнабад.

Мальчик подозревал, что старик давно знает их наизусть, но должен был снова читать.

— Хороший канал строят! — говорил авторитетно Оразгельды и важно смотрел на ребят, причмокивая губами. — Так моя Нурбиби пишет. Она главный инженер. Ты почитай!

Увлеченный своей славой, Ромка не мог предположить, что настанет день, когда его не захотят больше слушать. Но такой день настал. Ромка удивленно ходил по школе. Ребята на перемене пробегали мимо него или горячо разговаривали, обсуждая свои дела, хвастались попавшимися в ловушки бабочками-карадринами.

Однажды в удрученном состоянии Ромка припелся домой. Его ждало письмо от Айнабад. Но оно еще сильнее расстроило Ромку. Он не мог удержаться и заплакал. Вспоминая теперь невысокого, шуплого мальчугана, он удивлялся его героизму и храбрости. Кто мог подумать, что Шурик способен был на такой поступок! Чем больше Ромка думал о Шурике, тем все больше и больше завидовал ему. Хотелось чем-то походить на Шурика, быть таким же храбрым, смелым, хотелось тоже чем-нибудь прославиться.

В эти беспокойные дни Ромка частенько листал отрывной календарь: интересно переворачивать страничку за страничкой. Чего только там не вычитаешь! Тут есть сведения о всемирно известных путешественниках, ученых, изобретателях, летчиках, поэтах, композиторах.

Одно время Ромка мечтал стать историком. Он даже завел специальную тетрадь, куда переписывал биографии великих людей. Но потом это ему надоело, и он решил стать изобретателем. И, решив так, принялся думать и искать, что бы это такое ему изобрести.

Идею подал дружок Федя Сухов. Она была удивительно простой. Федя предлагал построить огромную трубу, из которой надо выкачать воздух и установить магниты. Стоит потом включить рубильник, и вагон с пассажирами должен был помчаться от магнита к магниту.

Ромка высчитал, что проезд по такой дороге от Ворожея до Москвы будет стоить не дороже двадцати пяти рублей. Он аккуратно перечертил проект на большой лист ватмана, приложил свои расчеты о строительстве

дороги, стоимость билета и все это послал в Совет Министров Союза ССР. Скоро он получил свои чертежи с короткой запиской.

Дорогой товарищ Кузьмичев Р. В.! Ваш проект не оригинален и принадлежит к проектам «вечных двигателей». Об этом вы можете прочитать в книге «Занимательная физика».

С приветом

*Старший консультант Комитета
изобретений и открытий инже-
нер Н. Иванов.*

Вот и сейчас, когда надо было готовить уроки, мальчик принялся листать календарь. Так он нашел записку, где описывался способ посадки овощей по бумаге. Это было так интересно, что он тут же прочитал ее несколько раз подряд. И уже через минуту Ромка забыл все на свете — не только школьные уроки, но и свою обиду на ребят.

Как это просто! Сколько раз, когда ему приходилось копать червей для рыбалки, подымал он камни или бревна. Под ними трава была всегда белой, с длинными, нежными корнями. Он это хорошо помнил. «Бумага должна задерживать рост сорняков и лишать их солнца». Удивленный таким простым решением, мальчик даже хлопнул себя ладонью по лбу. Как он до этого сам не додумался? А еще хотел стать изобретателем!

Подвиг Шурика все время не выходил у Ромки из головы. Кажется, теперь он нашел то, что бессознательно искал все эти дни. Новый способ посадки овощей по бумаге давал ему возможность отличиться перед ребятами.

Ромка тут же нашел лист газеты и выбежал во двор, захватив по дороге лопату. Он вскопал податливую землю и большими глыбами придавил лист. «Жалко, что не написали, как надо сажать семена!» — склонившись над газетой, думал он. Он то нагребал на бумагу землю, то снова смахивал ее всю до последнего комочка.

Наконец Ромка достал из кармана заточенный карандаш и попробовал проколоть бумагу. Дырочка вышла с рваными краями. Он не знал, такая ли она должна быть или другая, но эта его вполне устраивала. Под рукой не

было семян, чтобы тут же сделать пробный посев. Но Ромка не смутился. Он взял маленький камешек и просушил его в дырочку.

Эджегиз из окна увидела, как Ромка лопатой вскапывал землю. Она никак не могла понять, что он собирается делать, но с интересом наблюдала за ним. После того как Ромка закопал газетный лист в землю, Эджегиз не выдержала:

— Ромка, что ты делаешь?

Не оборачиваясь, Ромка махнул рукой девочке.

Когда Эджегиз подошла, Ромка торопливо сказал ей, что он сел делать уроки и нечаянно проколол бумажку. Он не знает, как объяснить ей, но ему вдруг пришла в голову мысль попробовать сажать по бумаге овощи.

— Если по дырочкам посадить, например, морковь, то пробьется одна зелень. Поняла? А сорняки бумага не пустит!

— А получится? — неуверенно спросила Эджегиз.

— Я сейчас опыт делал. Обязательно выйдет! — Ромка широко взмахнул руками, увлеченный новизной и грандиозностью проекта. Он теперь даже позабыл о своем обещании строить водопровод.

— Ты настоящий изобретатель! — Эджегиз немного отступила от Ромки, словно хотела лучше рассмотреть его красный шелушившийся нос, рыжеватую паклю волос.

— Какой я изобретатель! — потупился Ромка.

— А мы можем у себя в школе посадить что-нибудь по бумаге?

— Конечно. А можем и на колхозном поле!

Это был день, когда к Ромке вернулась слава. Но была она уже другой. Теперь он рассказывал не о чужих успехах, а о своих необыкновенных открытиях. Ребята из младших классов бегали за ним на переменах, как еще недавно бегали за Джурой. Они то пронеслись мимо него, то ходили сзади, шаг в шаг. Ромке это нравилось, и он старался ступать неторопливо, с достоинством. Порой ему казалось, что теперь он сравнился с Джурой — настоящим охотником и следопытом.

Настал день, когда Джюра сам подошел к Ромке, чтобы поздравить его с изобретением.

— Мне Эджегиз все рассказала. Как ты думаешь, что лучше сажать по бумаге: морковь или свеклу?

— Это все равно!

— Можно в саду устроить грядки. А хочешь, можно попросить в колхозе земли. Башлык должен дать!

— Прости! — согласился Ромка, немного напуганный таким оборотом дела.

Но страх скоро прошел. На уроке ботаники учитель Сейдулла Таганмуратов попросил Ромку подробно рассказать о придуманном им способе посадки овощей по бумаге.

— Можно мне выйти к доске?

Класс притих и внимательно уставился на Ромку. Не всякому мальчику или девочке выпадает счастье что-то объяснять своему учителю. Необычность обстановки Ромка почувствовал по настороженным ребячьим глазам, по затаенному дыханию и сдерживаемому сопению.

С особым старанием, кроша и ломая кусочек мела, Ромка принялся чертить на доске. Пока мальчик чертил, Сейдулла Таганмуратов все не мог отделаться от мысли, что он где-то уже слышал об этом способе посадки. Но, как ни силился, вспомнить не смог.

Ромка кончил свое объяснение.

— Сейдулла-джан! — возбужденно сказала Эджегиз и зазвенела монетками на тюбетейке. — Мы решили на совете отряда попросить у башлыка гектар земли. Как вы думаете? — Она повернулась и внимательно посмотрела на Ромку, как будто спрашивала: «Ты доволен?»

— Справитесь? — усомнился учитель и нетерпеливо принялся стучать пальцами по крышке стола. — А сколько бумаги надо, ты, Ромхан, подсчитал?

— Если неточно, то можно сказать! — быстро нашелся Ромка.

— Торопыги! Не знаете, сколько пойдет у вас бумаги, а уже требуете гектар земли! Полгектара даже много. Я сам поговорю с башлыком.

Ребята всех классов потащили в школу старые газеты, журналы, оберточную бумагу. Ромка шупал, мял бумагу, давал свое заключение. Тонкую бумагу по его совету склеивали. Чертили линии для посадки, прокалывали заточенным карандашом дырочки.

— Какое расстояние должно быть между грядками? — спросил однажды у Ромки Джура. — У нас в колхозе всегда сажают шире, чем ты хочешь.

— Пятнадцать—двадцать сантиметров, — спокойно сказал Ромка, очень довольный, что догадался прочесть все о посадке овощей в книге «Овощеводство».

Хорош бы он был, если бы не смог ответить! Ребята теперь беспрерывно обращались к нему с самыми разными вопросами, но больше всего их интересовал предстоящий сев по бумаге. А Ромка всегда с беспокойством ждал новых вопросов. Не успеет он рассказать о посадке моркови, как подробно отвечай о свекле и петрушке.

Пока Ромка говорил, ребята настороженно смотрели на него. Помогая взрослым на колхозных полях и огородах, они хорошо знали сельское хозяйство и невольно проверяли приезжего.

Ромка подмечал, что особенно внимательно к его ответам прислушивается учитель Сейдулла Таганмурадов. «Все-таки он не верит мне, проверяет!» — с беспокойством думал Ромка и уже начал жалеть, что объявил посадку по бумаге своим изобретением.

Однажды сам Оразгельды пришел в школу, чтобы получить у Ромки консультацию.

— Рохман, расскажи, какой ты хитрый способ придумал. Я ничего не пойму. Джура мне уже два раза объяснял. Вот держи, здесь десять газет. Я их дома нашел. Больше на русском языке нет. «Совет Туркменистан» я не взял. Думал, что ты не сумеешь их прочитать.

— Все расскажу! — Ромка с трудом удержался от улыбки. — А газеты годятся на любом языке.

— А... Говорят, кетмень здесь больше не нужен будет? — Старик хитро посмотрел на мальчика из-под нависших седых бровей. — Это правда?

— Да! — твердо сказал Ромка.

Встретившись в тот же день с Василием Семеновичем, Оразгельды похвалил Ромку.

— Твой джигит всех ребят в ауле околдовал. Даже мне, старому аксакалу¹, интересно было послушать, как будут обходиться без кетменя. Говорит, бросай кетмень! Башка, изобретатель!

— Ну, до изобретателя ему еще далеко!

Оразгельды сходил в огородную бригаду и рассказал там о новом способе посадки овощей.

— Вот Рохман, — улыбаясь, сказал через несколько

¹ Аксакал — старик.

дней Оразгельды и подтолкнул Ромку к бригадиру огородной бригады, высокому и жилистому Курбану Садыкову. — Мне не веришь — с ним поговори!

Пожилой мужчина с большими черными усами на темном от загара лице насмешливо посмотрел на невысокого мальчугана, на его облупившийся красный нос. Он не верил ни одному его слову. Казалось, что вот-вот у него сорвется: «Плохо, когда верблюд спрашивает дорогу на колодец у верблюжонка».

Оразгельды кашлянул. Наклонил быстро голову, чтобы спрятать улыбку. Он понял, о чем думал бригадир, и громко произнес:

— Красна птица пером, а человек учением!

Курбан обиделся: он не думал, что ему придется идти за советом к мальчику, а старик так быстро угадает его мысли.

— Слышал я, что ты придумал овощи сажать по-новому, — произнес через силу Курбан, когда молчать уже было неудобно. — Оразгельды рассказывал. Правда, что кетмень теперь можно бросить? Правда, что не полезут сорняки?

— Да!

Бригадир недоверчиво посмотрел на Ромку. Будь он свой, туркменский мальчик, он бы больше доверял ему. Но этот городской, отличающийся от всех даже своей одеждой, не внушал ему особого доверия. «Откуда ему знать? В городе морковь не сажают, кетменем не работают. Если он видел овощи, так на базаре или в магазине».

— Пойдем, покажешь! — Курбан цепко схватил Ромку за локоть и потащил за собой. — В поле пойдем. На плов знаешь сколько моркови надо? Ты это знаешь?

— Знаю.

Оразгельды нарочно отстал и шел сзади Курбана и Ромки, чтобы поднятая ими дорожная пыль не садилась на его новые блестящие калоши.

Курбан привел Ромку на поле своей бригады. Меж грядок медленно двигались женщины в свободных красных платьях. Бригадир быстро нагнулся к земле и нетерпеливо выдернул крепкую траву с длинными белыми корнями.

Только здесь, на поле, Ромка впервые понял значение борьбы с сорняками.

— Саям алейкум!

— Саям алейкум! — повторил растерянно Ромка и удивленно подумал, что он уже здоровался с Оразгельды и бригадиром. «Когда же он наконец отпустит мою руку?»

— Ты знаешь, это саям алейкум. — Бригадир протянул Ромке траву. — Самый злой сорняк. — Он заметил смущение Ромки и очень этому обрадовался. Было приятно, что он озадачил этого городского мальчугана, который хотел учить его, опытного бригадира. — Сегодня женщина срубит его кетменем или вырвет руками, а завтра он опять сидит на грядках: «Саям алейкум!»

Курбан отпустил руку Ромки.

Мальчик в два прыжка очутился около женщин.

— Саям алейкум! — Ромка показал на грядки.

— Шайтан, саям алейкум! — устало произнесла пожилая женщина в высоком тюльбеке¹ и медленно разогнула спину.

— Я знаю, как уничтожить эту траву! — с гордостью сказал Ромка. — Здесь будет расти одна морковь. Не будет саям алейкума!

— Якши, якши! — закивали головами женщины.

Оразгельды подошел к Ромке.

— Рохман сказал, что хочет помочь вам, — перевел старик. — На этих полях не будет саям алейкума!

Колхозницы привстали и удивленно посмотрели на Ромку. Пожилая женщина в тюльбеке порывисто шагнула к мальчику и показал ему свои руки.

— У нее от порезов жесткой травой не гнутся пальцы, — повторял за женщиной Оразгельды. — Она просит, чтобы ты посмотрел руки ее подруг.

Огородницы, как по команде, повернули ладони, и Ромка ужаснулся.

Никогда ему еще не приходилось видеть таких рук. Черные ладони женщин были порезаны травой, кровоточили.

Первый раз Ромка серьезно задумался. До этой минуты вся история с посадкой по бумаге казалась ему только увлекательной игрой. Было приятно слышать, как его называли изобретателем, упиваться славой знаменитого

¹ Тюльбёк — женский головной убор.

человека. Но здесь, на поле, он понял, почему все с таким вниманием слушали его.

Курбан заметил волнение Ромки. Он начал верить, что не зря познакомился с этим мальчиком.

— Бумагу мне надо!

— Все сделаю и найду! — Курбан выжидающе посмотрел на Ромку. — Учитель просил у башлыка полгектара, а мне было жалко давать ее вам. Думал, баловство. Надо — целый гектар бери! А бумагу я найду!

Это была ошеломляющая новость. Ромка с трудом переводил дыхание и облизывал языком пересохшие губы. Он посмотрел вперед, желая представить себе границу поля, понять, где будут эти полгектара. Но поле уходило куда-то далеко вперед, теряясь у самых песчаных бугров.

— Радуйся, Рохман! — сказал Оразгельды и положил Ромке на плечо свою тяжелую руку с набухшими венами, как будто перевязанными узелками. — Курбан тебе поверил! Это очень хорошо!

Ромка пожалел, что около него нет сейчас Айнабад. Пусть бы она посмотрела, как к нему идут за советами бригады!

— А ты напиши Айнабад, — сказал, немного помолчав, Оразгельды и погладил бороду. — Ей захочется узнать, как ты будешь морковку сажать. От меня привет передай. Я ей уже мало-мало писал. Но ты сам напиши!

— Хорошо! — растерянно произнес Ромка. — Но я один не справлюсь. Надо поговорить с Эджегиз, она председатель совета дружины.

— Якши! — улыбнулся Курбан. — Саям алейкум ждет твою дружину!

На другой день в школе Ромка потряс всех ребят своей новостью: бригадир согласился выделить под посев моркови полгектара.

— Гектар предлагал! — хвалился Ромка. — Можно было взять, но столько бумаги мы не достанем.

— Полгектара, полгектара! — захопала в ладоши Эджегиз. Прядка волос поднялась, на мочке уха показалась коричневая, как камешек сережки, родинка. — Полгектара, полгектара!

Но Ромка не испытывал такой радости, как Эджегиз. Сажать морковь даже на маленькой школьной грядке оказалось нелегким делом. Бумага коробилась, рвалась. А как посадить на большом поле?

Если уж Ромка что-нибудь задумывал, то отдавался этому делу полностью, до конца. Так было и на этот раз. Все уроки, все объяснения учителей проходили где-то в стороне от него.

Ромка достал из кармана свой знаменитый блокнот на скрепках и, перевернув страничку, принялся чертить, считать. Сначала он множил расстояния междурядий при посадке моркови, потом стандартную длину газетного листа. Одна колонка цифр сменялась другой, а он все еще не мог получить ответ на свой вопрос. Скоро Ромка окончательно запутался в четырехзначных цифрах, в сантиметрах и гектарах. Он вырвал исписанный листок и ошалело посмотрел на класс.

Ребята прилежно скрипели перьями, не представляя себе, какой непосильный труд навалился на Ромкины плечи. Джура с сожалением посмотрел на вырванный листочек и тихо спросил:

— Не жалко?

— Я их сам делаю. У меня в запасе больше пятисот штук!

— А трудно?

— Нет, я наловчился! — Ромка достал листочки и сложил их вместе. — Я пробиваю дыроколом. Сколько надо, могу сделать.

И вдруг его осенила удивительная идея. Он представил, как во всю длину газетного листа вытянутся аккуратно пробитые дырочки. «Я могу набить их дыроколом сколько угодно!» Вот это настоящее изобретение! Недаром он всегда мечтал стать изобретателем! Ромка нетерпеливо открыл скобы в блокноте и достал сразу несколько листов.

Джура был возмущен такой расточительностью товарища.

Белые прямоугольники листов вытянулись по черной крышке парты один около другого.

Джура с удивлением смотрел на Ромку и все старался понять, какую он затевает игру. Может, это будет морской бой, увлекательная игра, в которую его научил иг-

рать Ромка? Джура про себя повторил все названия кораблей: линкор, крейсер, миноносец, торпедные катера, минные заградители.

Ромка собрал листочки и перетасовал их. Дырочки легли двумя дорожками.

— Понял? — Ромка от возбуждения сильно толкнул Джуру в бок.

— Якши!

Джура все понял. Дырочки рассказали ему многое. То сдвигая листочки, то раздвигая их между собой, Ромка получал нужное междурядье для посева моркови, свеклы.

— Карандашом больше не будем дырочки пробивать! — Ромка торжественно посмотрел на приятеля.

От Эджегиз не укрылось, что весь урок приятели сзади нее разговаривали, что-то обсуждали.

— Когда начнем сажать в поле? — спросил громко Джура, так что этот вопрос уже слышала Эджегиз.

— В поле? — переспросил Ромка, не вдумываясь в заданный вопрос. — А ты где хотел? Постой!

Новая идея пришла в его вихрастую голову. Она была настолько неожиданной, дерзкой и смелой, что он удивленно посмотрел на своего приятеля.

— Можно сажать прямо в нашем классе.

Теперь настала очередь удивляться Джуре.

— Где?

— У нас в классе.

Джура ближе придвинулся к Ромке и пристально посмотрел на него, боясь, что он просто начал заговариваться. Мало ли отчего это бывает! Оразгельды когда-то говорил, что однажды в песках один чабан начал заговариваться, перегревшись на солнце.

— Брось смеяться!

— Не веришь? — Ромка поднял руку.

— Кузьмичев, у тебя вопрос по задаче? — спросил учитель.

Ромка растерянно огляделся. Он не понимал, почему его вызвали, какую задачу решает весь класс.

— Нет. Мне надо спросить. Скажите, у кого есть тонкая папиросная бумага? Она нужна для посадки.

Ребята с интересом уставились на Ромку. Им хотелось скорей узнать, что новое он еще придумал.

Эджегиз догадалась, что, перекладывая листки своего блокнота, Ромка что-то изобретал.

— У меня есть! — крикнула девочка звонким голосом. — Такую бумагу покупали, чтобы делать игрушки и китайские фонарики для елки.

— Эджегиз, обязательно принеси, не забудь! — Ромка не удержался и хлопнул Джуру по плечу.

Джура не обиделся на товарища. Он понимал, что Ромке надо выразить как-то свою радость.

На перемене Ромкину парту окружили ребята. Важничая, как обычно, Ромка рассказывал о новом, только что придуманном способе посадки.

— Все посадим в классе. Огород будет на парте! — закончил он свое объяснение. — Это намного облегчит работу: бумага не будет рваться, да и посадим быстрее.

Все было так просто, что Эджегиз впервые не поверила Ромке.

— Рохман, это ты сам все придумал?

— Я видел! — запальчиво сказал Джура, заступаясь за своего товарища. — Я всегда поручусь за него.

Эджегиз покраснела. Ей стало стыдно, что она посмела задать джигиту такой вопрос, заподозрила его в обмане.

— Я тебе отдам всю папиросную бумагу! — поспешно сказала она, чтобы скорей выйти из неловкого положения.

— А я достану семян! — пообещал Ташли и направился к велосипеду.

Кажется, еще ни один концерт художественной самодеятельности, ни новогодняя елка, ни новая кинокартина, ни ночные походы за карадриной не собирали в школу столько ребят, как в тот вечер.

Ромка принес из дому старый дырокол.

Любопытный Мамед захотел увидеть его первым. Но Джура уже завладел дыроколом. Заметив за своей спиной Мамеда, Джура шелкнул приборчиком.

Мамед испуганно отскочил.

— Как заяц высоко ни прыгает, он все равно никогда барсом не станет! — сказал Джура и засмеялся.

— Скоро мы узнаем, кто из нас трус! — огрызнулся Мамед и показал пилку мелких зубов.

Ромка попробовал примирить товарищей. К нему по-

дошла Эджегиз и сказала, что все ребята уже собрались и можно начинать.

Ромка прошел к столу, разложил газеты, черным карандашом прочертил линии. Потом сложил газету пополам и подsunул под лапы дырокола. Удар! — и первые дырки засияли на бумаге. Два ровных ряда дырочек прошли по всему листу. Потом по этим дырочкам Ромка подклеил узкие полоски папиросной бумаги.

— Поняли? — Ромка оглядел ошалевших ребят. — Надо разложить по дырочкам семена, заклеить их сверху папиросной бумагой, и огород на столе готов.

Ташли, Эджегиз, Джура, Мамед, да и все остальные ребята пока еще ничего как следует не поняли, но упорно молчали.

— Вот и грядка готова! — Ромка поднял перед собой газетный лист. Когда он чуть наклонил его, во всех дырочках задвигались семена моркови, как будто сразу двадцать пар мышиных острых глаз глянули вправо.

— Глаза, как у кошек! — весело сказала Эджегиз и зазвенела монетками на тюбетейке. — Посмотрите.

— Не ври! — заметил пренебрежительно Мамед, досадуя, что не ему первому пришло это точное сравнение. — Рохман, ты заклеил семена бумагой. У тебя ничего не выйдет.

— Так это же папиросная бумага. Ее легко прорвет росток! — сказал убежденно Ромка. — А вот с газетой сорнякам не так просто справиться.

Ромка готов был все объяснять до бесконечности, наслаждаясь своим голосом.

Скоро ребята заклеили семена и по другим газетным листам. Их между собой склеили и свернули в рулоны. Но работа не прекращалась. Наоборот, все операции ребята разделили между собой: Ташли пробивал дырки, Эджегиз подклеивала папиросную бумагу, Джура раскладывал семена, Мамед заклеивал их.

Ромка важно наблюдал за их работой, время от времени делал нужные замечания.

В класс вошел, прихрамывая, Сейдулла Таганмуратов. Он стучал палкой по полу.

Ребята обступили его и наперебой спешили рассказать ему о своей работе.

— Сейдулла-джан, посмотрите, вот наш огород на

столе! — возбужденно сказала Эджегиз, показывая на свернутую бумагу. — Нам останется их расстелить на поле и присыпать землей. Это опять Рохман все придумал! — Девочка раскатала один рулон. — Настоящий морковный ковер!

Сейдулла посмотрел, как в дырочках пересыпались семена, и весело сказал:

— Водят глазами, как кошки!

— Правда, похоже? — обрадовалась Эджегиз.

Все ребята старались показать своему учителю, как они производят посадку, что научились делать.

«Не мог Рохман сам все это придумать! — все увереннее думал учитель. — Надо мне написать письмо в сельскохозяйственную академию. Может быть, он не все знает. Женщины из огородной бригады ждут, что мы им поможем уничтожить саям алейкум!»

— А когда мы пойдем сажать морковь в поле? — спросил учитель. — Меня сегодня Курбан спрашивал.

— Завтра! — ответил Ромка.

— Завтра, завтра! — загалдели ребята нестройным хором.

Г л а в а т р и н а д ц а т а я

А Ф Г А Н Е Ц

Эджегиз вымыла ноги, не спеша умылась. Как приятно после работы вытянуться на мягком ворсистом ковре! Три дня девочка вместе со всеми ребятами сажала на колхозном поле морковь. Честное слово, Рохман молодец! Разве не приятно вспомнить, как их горячо благодарили женщины из огородной бригады? Они с интересом смотрели на эту необычную посадку по бумаге, старательно помогали. Все просили уничтожить страшный саям алейкум!

В комнату неслышно вошла мать. На ногах у нее были красные вышитые носки.

— Отдыхаешь, баранчик? — Мать погладила Эджегиз по голове. — Вы уже кончили посадку? Скажи, а растут овощи, что вы посадили у себя в школьном саду?

— По Ромкиному способу, да? Хорошо растут!

— Знаешь, сегодня мать Рохмана дала мне посмотреть отрывной календарь... Я не знаю, как тебе сказать... Лучше сама прочитай!

Эджегиз торопливо взяла календарь. Она быстро пробежала глазами маленький листок. Потом, чтобы успокоиться, заставила себя прочитать еще раз, медленно, не торопясь, строчку за строчкой. Оказывается, Рохман совсем не изобретатель, а самый простой врун и обманщик. Посадка по бумаге давно всем известна.

Девочка хотела убежать, но мать удержала ее:

— Подожди... разберись как следует!

Эджегиз не слушала, что дальше говорила ей мать. «Неужели он все время говорил неправду, обманывал? Не был в Москве, не видел Красной площади!»

Она прикрыла ладонями запыхавшие щеки. Девочка не знала, что ей делать. Надо было с кем-то посоветоваться. Конечно, лучше всего с Джурой: он товарищ Рохмана.

Девочка выбежала из дому. Разные чувства терзали ее сердце. Ей еще никогда за свою короткую жизнь не приходилось сталкиваться с обманом, и она не знала, как ей поступить, что делать. Приходилось сознаться, что она первая назвала Рохмана изобретателем, уверилась в его выдающихся способностях. Эджегиз настойчиво искала Джuru по всему аулу. Но поиски ни к чему не привели.

Никто из домашних Джуры не знал, куда он девался. Язмурад на вопросы девочки только беспомощно разводил руками. «У меня важное дело!» — говорила Эджегиз и чувствовала, как сильно стучит ее сердце. А что, если поговорить с Мамедом? Он сейчас даже больше Джуры дружит с Рохманом!

Эджегиз никогда не нравился Мамед. Но за последнее время он неузнаваемо изменился... Строил со всеми ребятами ловушки для карадрины, ночевал в поле.

— Что, задача не получается? — спросил Мамед, когда к нему в комнату вошла взволнованная девочка.

Эджегиз отрицательно покачала головой и молча протянула календарь.

Мамед цепко схватил его, впился в страничку.

— Изобретатель! — Мамед громко засмеялся, хлопнул в ладони и стал тереть руку об руку.

Этот жест напугал и встревожил Эджегиз. Она не понимала, почему торжествует Мамед.

— Ты его друг? — спросила она, чтобы проверить все свои сомнения.

— Конечно, друг! — Мамед шумно проглотил слюну, вздохнул, но не удержался и опять принялся потирать руки.

«Зачем я сказала ему, вот дура!» — с тревогой подумала девочка. Она все больше и больше убеждалась в том, что сделала это напрасно. Никогда еще Мамед не казался ей таким неприятным. «Надо было рассказать Язмураду, учителю. Почему я не посоветовалась с ними? Вах! Почему я так поступила?»

Девочка стремительно хлопнула дверью и убежала, прежде чем Мамед успел ее остановить. Мамед пожалел, что ему не удалось оставить себе календарь, но он хорошо запомнил, что заметка помещена 28 марта.

На другой день по дороге в школу Мамед нарочно зашел за Ромкой.

— А, Мамед! — радостно сказал Ромка. — Знаешь, я примеры сегодня не решил. Дашь списать?

— Списывай, мне не жалко! — Мамед принялся искать в своей ковровой сумке тетрадь. — Куда я ее дел? Неужели забыл дома? Садись пиши, я покажу, как делать. Твоя рыба не испортилась? Какую погоду предсказывает?

— На «ясно» стоит! — торопливо сказал Ромка, усаживаясь за стол.

— Рохман, помнишь, ты обещал ее мне подарить? — Мамед прикрыл веком косящий глаз, хитро улыбнулся.

— Я не обещал! — запальчиво сказал Ромка. — Это подарок Раджабули. А подарок никогда не дарят!

— Ай бо! — сокрушенно покачал головой Мамед, все еще продолжая улыбаться. — Ай бо! Для друга и рыбы жалко! В нашем магазине и не такие селетки бывают!

— Это не селетка! Ты же знаешь! Эту рыбу Том Сойер и Гекльберри Финн ловили. Она погоду предсказывает, — с обидой выговорил Ромка.

— Подари! — угрожающе прошептал Мамед. Его глаза сузились и потемнели. — Вчера Эджегиз приходила советоваться. Не знает, как с тобой быть. Хочет тебя обсуждать... Ты все наврал! Уже все знают, кто придумал

сажать овощи по бумаге. Об этом в календаре написано. Сам читал.

Ромка беззвучно шевелил побелевшими губами. Он не мог сказать ни одного слова в свое оправдание.

— Я пошел. Ты, Рохман, думай... Говоришь, Том Сойер, а я тебе не верю. Может быть, ты и его тоже выдумал!

«Тому Сойеру не верит!» — с ужасом подумал Ромка и громко стал выкрикивать на всю комнату:

— Врун, врун, врун!

Он мучительно принялся думать, кто может за него заступиться, прийти на помощь. Айнабад! Как хорошо, что он вспомнил о ней! Только она поверит ему, что он не хотел никого обманывать. Это вышло как-то случайно. А потом ему захотелось помочь женщинам из огородной бригады. Он решил уничтожить саям алейкум. Почему Айнабад нет здесь? Она бы все поняла!

Для Ромки наступили тяжелые дни. Он прятался от ребят, прогуливал школу, боясь разоблачения. Дома, на улице аула он каждую минуту ждал, что его окружают ребята и будут кричать: «Врун, обманщик!» Даже любой первоклассник, которого он мог сбить ударом щелчка, имел теперь право смеяться над ним. Мамед потребовал себе скафиринха. А как поведет себя Джура? Простит ли он ему обман?

Ромка уходил далеко от аула и прятался за высокими барханами. Томительно долго тянулось время. Часами смотрел он, как, курясь, с вершин осыпался песок. Гребень переламывался и волной скатывался вниз. Он вспомнил: Джура говорил ему, что вот так, пересыпаясь, шагают барханы по пустыне. До самой зимы они будут двигаться в одну сторону, а потом повернут обратно.

Он пробовал измерить движение песчаных гряд, но у него ничего не получалось. Изнывая от скуки, Ромка придумывал для себя разные занятия.

Но чаще всего он ловил юрких ящериц. Каких он только здесь не встречал: серых, рыжих, зеленых! Потом он подолгу лежал на горячем песке, предаваясь воспоминаниям, строя самые различные планы. Порой он принимался ругать себя, что не отдал скафиринха Мамеду. «Наверное, уже всем ребятам рассказал!» — думал Ромка. Невольно он принимался сравнивать Мамеда с Джу-

рой. Кто из них настоящий товарищ? Кто выручит его из беды?

Самым мучительным было возвращение домой. Надо было обманывать мать, отца. Придумывать для себя домашние задания. Ромка торопливо обедал и с лихорадочной поспешностью садился к столу делать уроки. Это необыкновенное прилежание сына не укрылось от отца.

— Парень, что стряслось? — однажды спросил он. — Или в школе нелады?

— Я пятерку получил! — затараторил Ромка.

И надо было так случиться, что в момент, когда Ромка бессовестно врал отцу, в комнату вошла Эджегиз.

Ромка закрыл лицо книжкой. Не хотелось показывать, что он покраснел.

— Ты задачу решил? — Эджегиз подошла к Ромке и крепким ногтем отчеркнула нужный номер в книге. — Начни с этой, так учитель велел!

— Правильно, — засмеялся отец. — Ты, Эджегиз, не давай ему списывать. Пусть сам думает.

Эджегиз одолжила у Ромкиной матери стакан хлопкового масла и ушла.

«Зачем приходила Эджегиз?» — подумал Ромка. Как он был благодарен девочке, что она не выдала его! «Хоть бы что случилось со мной. Заболеть разве? Вот бы тогда все начали жалеть, всполошились бы: «Ромка Кузьмичев при смерти. Его укусила змея! Он может умереть! А мы с ним так плохо обошлись. Мамед требовал скафиринха. А Ромка был совсем неплохой парень!»

Но напрасно Ромка ползал по барханам, стараясь найти змею: ему так хотелось быть укушенным!

Возвращаясь как-то домой, Ромка встретил Ташли.

— Ты с охоты? — спросил Ташли и внимательно осмотрел Ромку, ожидая, что тот как-нибудь объяснит свои прогулы занятий. — Я сегодня уже тридцать километров накрутил!

Ромка посмотрел на велосипед. Ташли убирал его, как любимого коня. Сверху седла был пришит маленький красный коврик с длинными кистями. Через раму перевешивались ковриковые сумки. В них Ташли возил учебники, тетради, письма и газеты. На руле привернуты зеркала от машины, гудок и никелированный звонок.

Ташли соскочил с велосипеда:

— Посмотри, я динамку новую поставил. Теперь фонарь светит, как прожектор... Послушай, Рохман, попроси у отца одну лампочку, я задний свет сделаю. Как у автомашины.

— Я гулял! — соврал Ромка. — Хотел пострелять, да у ружья курок сломался.

— Хочешь, возьми мою одностволку. Старая, но стрелять можно!

— А завтра принесешь? — Ромка старался говорить спокойно, хотя сгорал от нетерпения. — А лампочку я тебе достану!

— Давай руку! — Ташли хлопнул Ромку по ладони. — Сегодня получишь ружье. Я на велосипеде за две минуты смотаюсь! Ты с Джурой пойдешь?

— Да...

— Один не ходи... степь не знаешь... легко заблудиться!

На рассвете Ромка уходил все дальше и дальше от аула. На плече у него висела старенькая одностволка с расколотым прикладом. Приклад старательно был перетянут медной проволокой. От сознания, что в руках у него настоящее ружье, Ромка сам себе казался необыкновенным. Как бы он хотел, чтобы его видели сейчас Федя Сухов или Айнабад! Он будет так же метко стрелять, как Петенька! Жалко, что здесь не попадаются утки. Шутка ли сказать — стоит ему только вскинуть ружье, и заряд дрови уложит зайца, рыжую лисицу или волка.

Ромка вспомнил рассказ Джуры. Если днем испугнуть зайца, то стрелять не надо: он обожжет лапы о раскаленный песок и далеко не убежит. Его можно брать тогда руками.

Дорога от аула скоро кончилась, и Ромка запыхался по песку. Пока еще сильно не припекало солнце, идти было легко. Сначала он нес ружье в руках. Каждую минуту он ожидал, что вылетит птица или выбежит какой-нибудь зверь. Но время шло, а никто не показывался. По-прежнему выбегали одни ящерицы да рыжие песчанки.

Песчанки жили колониями. Там, где они селились, земля обычно была перерыта норами, тысячи их лепились одна около другой. Зверьки как будто знали, что мальчик в них не будет стрелять, и не убегали. Они садились на задние лапы и насмешливо свистели,

Ромка не мог выдержать. Он вскидывал ружье и целился. Ему очень хотелось выстрелить, но он сдерживал себя, берег патроны. Никогда еще он так далеко не уходил от дома. Барханы становились все выше и выше.

Эти барханы напомнили ему поездку по каналу. Но там было куда больше зелени. Трава высокая, на каждом кусте большой прирост молодых ветвей.

Ему захотелось представить, что делают сейчас Айнабад и ее товарищи. Вспомнил и чабана Хаммата.

От Джуры Ромка знал, что только весной так хорошо в песках. Но пройдет еще немного времени, и все в степи изменится: трава высохнет на корню, опадут листья на саксауле, черкезе и акации. Но пока еще все было зелено. Воздух напоен запахом разнотравья, полон гуденья пчел и шмелей.

Ромка посмеивался над страхом Ташли. «Разве я могу здесь заблудиться? Я не один раз ходил в лес и всегда находил там дорогу!»

Несколько раз мальчик останавливался и принимался отыскивать в зелени сорняков гусеницу карадрины. «Нашел же гусеницу на хлопчатнике Джура. Может быть, и мне повезет!»

С удовлетворением вспомнил Ромка, что он поймал уже в свою ловушку двести пятьдесят бабочек.

Вдруг где-то совсем рядом раздался оглушительный ружейный выстрел. Дробь стеганула по кустам саксаула.

Ромка от страха упал, но быстро вскочил и побежал.
— Эй, не бойся!

Голос показался Ромке удивительно знакомым... Ну конечно, он принадлежит Джуре! И Ромка побежал быстрее. Он боялся этой встречи, предстоящего объяснения.

— Рох-ман, по-до-жди! Ро-хман, по-до-жди!

Бежать, только бежать от позора! Даже в степи нет места, где можно спрятаться, остаться одному! И, вместо того, чтобы подождать Джуру, Ромка бежал от него прочь.

— Стой, стой! — кричал Джура вслед товарищу.

Джура давно заметил на горизонте легкое белое облачко. Оно быстро росло. Кто-то, а уж Джура знал, что это значит. От него не укрылось, что песок над барханами закурился, хотя ветер и не усилился. Испуганно забегали песчанки, прячась по норам. Ни одна из них не

остановилась, чтобы проводить Джуру, посвистеть ему вслед. Скрылись по норам и ящерицы. Какое-то предчувствие, страх гнал всех животных, заставлял их прятаться.

Но Ромка не замечал всего того, что видел Джура. Он несколько раз менял направление, старался всячески запутать свои следы. Наконец он выбился из сил, остановился. Удивленно завертел головой: он почувствовал, что воздух раскалился, обжигает ему ноздри. «Почему так жарко? Разве где-нибудь пожар?»

У него не было часов, но тем не менее он удивился, что начало смеркаться. Солнце огромным красным диском спряталось в темном мареве.

Сначала робко, а потом все сильнее и сильнее подул ветер. Тучи песка взлетали вверх. Ветер хлестал песком, обдирав лицо, руки. От него нельзя было спрятаться, укрыться. Дышать стало трудно.

Ромка упал на песок и закрыл голову руками. От страха гулко стучала кровь в висках. В забытьи он почувствовал, как что-то тяжелое легло ему на ноги. Потом такой же мешок придавил ему спину, руки. Не хотелось шевелиться, клонило ко сну.

Джура с трудом отыскал Ромку. Он растолкал его. Заставил подняться.

— Вставай, Рохман! Нельзя лежать, это афганец! — кричал Джура над самым ухом.

Ветер хлестал с прежней силой, и нечего было думать о возвращении домой. Ветер гнал ребят вперед, как катил перед собой вырванные кусты колючки, перекаати-поле, обломанные ветви саксаула.

В тучах поднятого песка не было ничего видно. Но в какой-то момент Джура почувствовал под ногой не податливый мягкий песок, а твердую набитую тропинку. По ней гоняли отару к колодцу.

То теряя под ногами эту тропинку, то снова находя ее, двигались ребята. За одним барханом Джура неожиданно заметил темный войлок кибитки чабана.

— Кибитка! — обрадованно закричал мальчик и втолкнул Ромку под полость кошмы. — Эй, кто здесь живой?

— Я, Кумыш! — Из-под одеяла вылезла маленькая девочка. — Мне страшно!

— Это ты, Кумыш? Где овцы? — спрашивал Джура девочку на родном языке и тряс ее.

— Здесь ходили!

Джура бросился к выходу. Ветер словно остервенел за те несколько минут, пока мальчики были в кибитке. Песок тучами носился в воздухе, обдирал кожу, как острый напильник. Джуре было больно от секущих ударов, и он заплакал. Но, как ни трудно бороться с этим ветром, он ни за что не вернется в кибитку!

Долго он кружил в темноте, пока случайно не наткнулся на овцу. Вся отара лежала перед ним маленькими песчаными холмиками.

Мальчик попробовал поднять одну овцу, другую, но все усилия оказались напрасными. Он кричал, пинал ногой, но то ли его голос относил ветер, то ли его удары были слабыми — овцы не вставали.

Ромка выбежал из кибитки вслед за Джурой. Он старался помочь товарищу.

Холмики над отарой росли. Песок все тяжелее давил на овец. Ромка не знал, что животные были уже на краю гибели. Вдруг Джура приложил ко рту согнутые ладони и громко завыл по-волчьи.

— Угу-гу. Угу-гу! Уу-у-уу!

В какой-то миг, когда чуть притих ветер, протяжный дикий волчий вой пронесся над барханами.

Не успел Джура замолчать, как мгновенно вскочили огромные собаки-овчарки и с лаем бросились вперед.

Джура завыл еще сильнее. Теперь вскочили и перепуганные овцы. Они стряхнули с себя тяжелый песок. И вот вся отара понеслась.

— Здорово ты сумел! — закричал восхищенный Ромка.

— Да... отара могла бы пойти на шашлык! — сказал смертельно уставший Джура. — Пойдем в кибитку. Афганец не скоро пройдет.

Афганец свирепо налетел на аул. Он обрушил на хлопковые поля, виноградники и сады горы песка.

И, пока ветер ошалело хлестал по окнам домов сухим песчаным дождем, не одна мать с тревогой и беспокойством думала о детях.

Разразившаяся буря напугала и Ромкину мать. Она со страхом подумала о сыне и о муже. Муж мог быть в мастерской или в поле, но где ее сын? Уже несколько дней она замечала, что с Ромкой творится что-то неладное. И сегодняшний ранний уход его из дому был продолжением этого непонятного поведения.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как началась буря, но для женщины, сидевшей одной в пустом доме, оно показалось вечностью. А когда ветер внезапно стих, небо прояснилось и выглянуло жгучее солнце, за окном раздался беспокойный голос Эджегиз.

— Варвара Федоровна, Рохман дома?

— Нет его!

— Не вернулся? — переспросила упавшим голосом девочка, вбегая в комнату.

Страх Эджегиз передался матери:

— Где он?

— Не знаю, я его в школе сегодня не видела! — Девочка уронила голову на руки и заплакала. — Это я во всем виновата! Рохман в песках прятался. Надо его искать!

Она боялась сознаться, что сама рассказала Мамеду о календаре, уличила Ромку во лжи. «Правильно ли я поступила? — в который раз задавала она себе этот

вопрос. — Но ведь он не имел права обманывать! Так не поступают пионеры».

Когда началась буря, ребята были в школе. Ташли испуганно сказал, что Рохман ушел на охоту. Он дал ему свое старое ружье.

— Как ты отпустил его одного? — спросил недовольно учитель и встал из-за стола. — Он пески наши не знает. Надо скорей идти искать!

— Не пойду я! — раздраженно сказал Мамед. — Джура сегодня тоже не пришел. Найдутся прогульщики!

Эджегиз по-настоящему разобралась в Мамеде. Только сейчас она поняла все значение слов «дружба», «товарищество», «подлость». Именно словом «подлость», а не каким-нибудь другим могла она назвать поведение Мамеда.

— Ой, Ромка, что ты наделал! — заголосила мать. — Нашел здесь свою смерть!

— Не надо... не хороните его! — успокаивала как могла Эджегиз. Она обняла женщину за мягкие плечи. — К Оразгельды пойдем. Ребята и все учителя уже пошли его искать! Джуры тоже нет.

Запахавшиеся от быстрой ходьбы, обе заплаканные, Варвара Федоровна и Эджегиз предстали перед старым охотником.

Оразгельды обстоятельно расспросил, когда ушел Ромка из дому, как был одет, взял ли с собой воду.

— Чай пил?

— Пил! — удивленно ответила Ромкина мать и вытерла платком слезы.

Она не понимала, к чему этот праздный вопрос, когда дорога сейчас каждая минута.

— Сколько пил чай?

— Большую кружку выпил! В ней больше пол-литра будет. — Женщина настороженно посмотрела на Оразгельды, силясь понять, какое значение для розыска ее сына имеет чай. — Кажется, две кружки выпил!

Известие, что Ромка выпил две кружки, очень понравилось Оразгельды. Морщинки у глаз разгладились, и он довольно улыбнулся. Блеснули ровные, здоровые зубы.

Улыбнулась и Ромкина мать. Она уже поверила, что две кружки чая должны спасти ее сына.

— Якши! Пойду искать! — Оразгельды распахнул

окно и по-молодому пронзительно свистнул Кавлача. — Если чаю мало выпил, беда. В песках человек много потеет. Всегда надо пить с запасом.

— Вы найдете?

— Чай пил, молодец!

— Куда собрался? — сварливо набросилась Нурча на мужа.

— Отстань! Просо курице не советчик. Человека надо спасать, а ты лезешь со своими глупостями!

Оразгельды быстро собрался. Скоро он уже шагал, высокий и стройный, к большим барханам. Сколько раз за свою долгую жизнь уходил он так из аула на охоту в пустыню! Сейчас самое время стрелять туртушек!

Рядом с Оразгельды бежал Кавлач. Это таазы — борзая. Пес не вскидывал высоко ног, а как будто стлался по песку, стремительный и легкий. Но охотник знал, что стоит псу только прихватить след зверя, как бег его станет совсем другим. Еще не было случая, чтобы он не добирал лисицу!

Кавлач отбежал далеко вперед, потом остановился, повернул острую голову, как будто спрашивая Оразгельды: «Почему ты отстаешь? Что случилось?»

— Кавлач! — Старик свистнул, подошел к собаке и ласково потрепал ее по спине. — От старости никуда не уйдешь. Ружье тяжело. Пора, видно, менять его на палку... Да, здесь уже кто-то прошел, — громко сказал охотник и опустил на песок. В степи Оразгельды любил рассуждать вслух.

На песке перед ним много следов. Крупные — взрослых, поменьше — детские. Он обрадовался. «Молодцы, не оставили товарища в беде!» Дело одной минуты сосчитать, что прошло здесь пятнадцать человек. Двое взрослых, пять ребят в чакоях, один идет в больших ботинках, а остальные босиком.

— Я пойду к колодцу! — решил Оразгельды.

Мальчик пошел с ружьем. Охотника во время пролета туртушки надо искать около воды.

Как приятно идти по зеленой траве, рядом с цветущим кандымом и саксаулом. Даже тонкая травка — песчаная осота — кажется особенно красивой. Ее стебельки, словно перетянутые ниточками, глянцевито поблескивают. Старый охотник весь в напряжении. Он зорко

оглядывает все вокруг. Кавлач низко опустил голову и скачками понесся вперед.

— Вот, вот! — закричал Оразгельды, подзадоривая собаку.

Сразу пропала усталость. Он быстро взбежал на бугор. Так и есть — Кавлач гнал лисицу. Знакомый азарт захватил Оразгельды.

Но взбежать так же быстро на второй бархан он не смог. Как ни бодрись, а выходит — отохотился.

Кавлач все дальше и дальше гонит лисицу. «А что, если подарить Кавлача кому-нибудь из ребят? — неожиданно подумал старик. — Среди них много настоящих охотников. Каждый будет несказанно рад такому подарку. Но кому подарить? — Оразгельды принялся перебирать ребят. — Мамед, Ташли, Джура, Рохман. Он недавно приехал. Но охотник ли он?»

Старик знал, что Ромка обманул ребят. Думая о мальчике, он старался понять, зачем он это сделал.

Оразгельды устал. Он опустился на песок, достал из платка лепешку. Отломил кусочек хлеба и принялся неторопливо жевать. «Где Кавлач?» Он стал на колени и несколько раз пронзительно свистнул. «Может быть, Рохману не нравится у нас?» По тому, как настороженно смотрела мать мальчика, как сухо отвечала на его приветствия в день приезда, Оразгельды решил, что она приехала в Среднюю Азию за мужем без особой охоты. «Если я подарю Кавлача Джуре, то ничего не прибавлю к его охотничьей славе. Надо подарить Кавлача Рохману. Он тогда быстрее полюбит наши просторы, нашу степь, золотые пески».

Сознание правильно принятого решения придало старику силы, и он снова двинулся на поиски мальчика.

А в это время, проснувшись в темной кибитке, Ромка лежал с закрытыми глазами. Он старался как можно дольше оттянуть этот страшный момент, когда придется посмотреть в лицо товарищу. Но этой минуты нельзя было избежать. Чувствовалось, что снаружи посветлело. Значит, буря кончилась и пора было идти домой.

Джура вполголоса, стараясь не разбудить Ромку, говорил с Кумыш. По тем немногим словам, которые Ромка успел уже выучить, он понял, что ребята разговаривают об отце Кумыш.

Джура вышел и скоро вернулся с пузатой тунчой.

Ромка почувствовал острый запах полынного дыма.

«Напьется чаю и уйдет!» — с тревогой подумал он о Джуре. Ему хотелось пить. Кажется, за пиалу чая сейчас он отдал бы все, что угодно. «Лучше здесь пережить позор, чем в школе, на виду у всех ребят!»

— Верблюд пришел? — спросил Джура.

— Не вернулся еще, где-то пасется! Уже недолго ждать, — ответила Кумыш.

— Да, — согласился Джура. — В песках мало воды остается!

Ромка шумно перевернулся. Он старался привлечь к себе внимание. Поэтому, когда его глаза встретились с настороженными черными глазами Кумыш, он приветливо улыбнулся девочке.

— Почему еще не вернулся верблюд? — тихо спросил Ромка.

Надо же было напомнить Джуре о себе, надо было дать понять, что он готов возвращаться в аул.

Кумыш не понимала по-русски. Она нетерпеливо дернула Джуру за полу халата: она хотела, чтобы он перевел ей слова русского мальчика.

Уткнувшись лицом в пеструю ситцевую подушку, Ромка должен был повторить свой вопрос. Его совсем не интересовало, что должно произойти с верблюдом. Это был только предлог, чтобы заговорить с Джурой.

И Джура это понял. Он начал все подробно объяснять про верблюда, как будто его ответ был исключительно важен.

— Пустят верблюда гулять, а он далеко уйдет от кибитки хозяина. Кушает и жиреет. Так нег его дома день, неделю, месяц. Хозяин не беспокоится: он знает, придет время, и бахриан¹ вернется домой. Это случится, когда в степи высохнут последние лужи воды. Верблюду захочется пить, он и пойдет к колодцу. А там его прогонят. Так, от колодца к колодцу, он вернется к своей кибитке.

— И никто не пасет?

— Нет.

— Ты много настрелял?

— Две туртушки!

— А я ни одной не убил!

¹ Бахриан — двугорбый верблюд.

— Набьешь! Птиц много в этот перелет. Стрелять совсем нетрудно. Пей чай, надо домой идти.

Ромка встал.

Джура неторопливо, со знанием дела насыпал зеленый чай в пузатую тунчу. Первую пиалу протянул Ромке.

Никогда еще Ромка не пил чай с таким наслаждением. И, хотя чай горчил, был с запахом полынного дыма, Ромка торопливо глотал его. Он почувствовал, что проголодался, и взял лепешку. Не успел он прожевать последний кусок, как Джура протянул ему свой чурек.

Послышался шум, дунул резкий порыв ветра. Это прибежала отара. Когда Ромка выглянул из кибитки, овцы спокойно паслись. Два черных козла важно шагали впереди.

Джура поднялся и взял свою двустволку.

— До свидания, Кумыш! — сказал Ромка и протянул застеснявшейся маленькой девочке блестящий медный патрон от ружья. Больше нечего было ей подарить.

«Удастся ли мне когда-нибудь убить туртушку?» — подумал Ромка, с завистью смотря на убитых Джурой птиц. Джура не разговаривал. Его чакон с загнутыми носами, как лыжи, легко скользили по песку. Ромка уныло брел за Джурой. Он удивлялся, почему он не говорит с ним, не выругает.

Ромка не обращал внимания на дорогу. А если бы он был повнимательней, то заметил бы, что после афганца степь неузнаваемо изменилась: барханы передуло. Там, где особенно свирепо дул ветер, песок осыпался и кусты черкеза и саксаула остались стоять на длинных плетях корней.

Ромка остановился, чтобы вытрясти из ботинка песок.

— Устал? — спросил Джура.

— Нет!

И снова ребята молча пошли вперед.

Неожиданно между кустами мелькнула черная спина собаки. Джура узнал Кавлача. Он пронзительно свистнул. Собака на полном бегу развернулась.

— Кавлач, Кавлач! — ласкал собаку Джура. — Рохман, видимо, нас ищут. Оразгельды вышел в степь. Это его Кавлач!

— Идут? — испуганно спросил Ромка, только сейчас представив себе, какая паника может быть дома.

— Гоп, гоп! — послышался отдаленный голос.

— Гоп, гоп! — прокричал Джура, приложив ладони рук ко рту.

— Гоп, гоп! — подражал Ромка товарищу. Он вдруг почувствовал себя в этой огромной степи маленьким и одиноким. — Гоп, гоп!

Так, попеременно крича, дети вышли к Оразгельды.

— Оразгельды! — Ромка бросился к старику и прижался лицом к его пыльному, старому халату. — Оразгельды, дедушка, дорогой!

— Саям, Рохман, саям! — Старик отстранил от себя мальчика и внимательно посмотрел на него. — Испугался, джигит?

Ромке очень хотелось сказать, что он не испугался и вообще не боится ничего на свете, но говорил он совсем другое, необычное:

— Да, было страшно. Особенно я испугался, когда засыпало песком овец. Это Джура их поднял: он завыл по-волчьи. — Мальчик понимал, что без Джуры он и сам мог погибнуть.

— Джура — настоящий джигит! — скупое похвалил Оразгельды мальчика и что-то спросил у него на родном языке.

Джура быстро ответил.

— Джура говорит, что ты помогал подымать овец. Без тебя ему бы не справиться. А ты убил туртушек?

— Нет, — с горечью ответил Ромка и опустил голову.

Оразгельды протянул руку и взял у мальчика его двадцатку. Старый охотник осмотрел ружье, покачал головой.

— Плохое ружье, палка. А где твое? — спросил он и внимательно посмотрел на Ромку из-под нависших бровей. — Хорошее ружье — это праздник для охотника. Если твое ружье висит на стене, ты не охотник.

Оразгельды тревожно ждал ответа. Он хотел разобраться, не жадность ли заставила Ромку оставить хорошее ружье дома. Жадность и стяжательство он всегда считал самым большим пороком, недостойным настоящего джигита, охотника. Неужели его маленький друг, как он всегда говорил — «наш лучший друг Рохман», не

только обманщик, но и жадный? Если он наделен хотя бы одним из этих пороков, из него не выйдет охотник. Может быть, зря собирался он подарить мальчику своего Кавлача?

Ромка не мог уйти от светлых, выгоревших от блеска песка, жары и яркого солнца глаз Оразгельды.

— Нет у меня ружья! — прошептал мальчик. — Я все выдумал... А про посадку по бумаге прочитал в календаре...

— Так. — Оразгельды притянул к себе мальчика.

То, что он врал и обманывал, было плохо — так рассудил старый охотник, — но хорошо, что он сам сознался в этом. Хорошо, что он не жадный. Старик посмотрел на Ромку. Расстроенный вид мальчика рассказал ему, что это признание далось ему нелегко. Оразгельды был уверен, что Ромка никогда уже не будет врать!

Всей своей большой жизнью охотника и следопыта Оразгельды готов был поручиться, что Рохман будет теперь совсем другим.

Оразгельды молча надел на плечо Ромке широкий ремень своей двустволки.

— Будешь охотиться с моим Кавлачом. Вот, держи ружье! Я буду тебя учить... А за эту историю с посадкой, я думаю, Джура и другие ребята должны тебя простить!

Г л а в а ч е т ы р ь н а д ь а т а я

ЛУЧШЕ, ЧЕМ МОЖНО ВЫДУМАТЬ

Ромка посмотрел в окно. Стекла, всегда такие светлые и блестящие, стали матовыми.

«Как в фотографическом аппарате! — подумал мальчик. — По ним можно наводить на резкость». Он с большим интересом принялся разглядывать окна.

— Мама, разве нам меняли стекла?

— Нет.

— А почему они такие серые?

— Это песок их побил в афганец! — Мать укоризненно вздохнула и посмотрела на цветную картонку отрывного календаря с видом соснового бора. — Пустыня!

Раздался стук в дверь. Мать еще не успела пригласить войти, как в комнате появилась Эджегиз.

— Эджегиз, ты совсем забыла нас. Почему не заходишь? Или опять с Ромой поругались? — Мать выжидающе посмотрела на сына.

— Уроков много, Варвара Федоровна.

Ромка покраснел. Со дня заседания совета отряда, где Ромке здорово всыпали, он избегал с ней встречаться. А сегодня девочка сама зашла к нему.

— Ты знаешь, Оразгельды заболел! — взволнованно сказала Эджегиз. — Трудно одной Нурчи справляться с хозяйством. Вчера Джура привез из степи саксаул. Сегодня нам с тобой дежурить. Пойдешь, Рохман?

— Сходи, Рома, Оразгельды хороший, — сказала мать.

— Конечно, пойду!

Ребята вышли из дому. В ауле топили круглые тамдыры и печи в домах. В воздухе стоял знакомый запах кизьяка, жженой соломы и сухого бурьяна.

— Старикам надо помогать! — не вытерпел долгого молчания Ромка. — У нас в школе был тимуровский отряд. Мы носили старикам воду, кололи им дрова.

— Значит, и мы тимуровцы!

— Конечно! — Ромка споткнулся и упал.

Поднявшись с пыльной дороги, он проверил, не выронил ли из кармана компас. После памятного случая на охоте он решил не расставаться с компасом.

Показалась маленькая кибитка Оразгельды. На плоской крыше лежали сушеная люцерна, стебли хлопчатника. На южной стороне дома темнели круглые лепешки кизьяка. Их приклеили для просушки.

Нурча топила печь, готовясь сажать чуреки. Перед ней лежала большая рукавица. Ее она надевала, когда прищлепывала тесто по крутым стенам печи.

Заметив ребят, Нурча поднялась и что-то сказала на родном языке.

Ромка немного понял: разговор шел о Джуре.

— Мы все равно будем помогать вам, бабушка Нурча! — сказала Эджегиз. — Мы тимуровцы! Что сейчас надо делать? Мы с Рохманом быстро управимся!

Нурча развела руками, отрицательно покачала головой, быстро заговорила.

— Она говорит, что все уже переделала, — перевела Эджегиз. — Осталось только чуреки в печь посадить.

— Бабушка Нурча, мы будем печь чуреки!

— Отстань, Эджегиз, — не сдавалась старуха. — Не пачкай белые руки. А джигиту такое дело не идет. Не годится мужчине выполнять женскую работу.

Эджегиз засмеялась:

— Бабушка говорит, что тебе нельзя, Рохман, топить печь, делать нашу работу.

— Скажи, что для пионеров все работы одинаковы!

— Сходите лучше к Оразгельды! — сказала Нурча. — Испортилось радио, и он злится. Два раза меня за мастером посылал. А я его не найду. Говорят, уехал сдавать экзамены в заочный институт.

Девочка перевела.

— Пойдем посмотрим. У них приемник? — спросил Ромка.

— Не знаю.

Оразгельды не спал. Он приподнялся, и звонкие пружины матраца протяжно загудели на всю комнату. Старик досадливо ударил кулаком по подушке.

— Не могу тихо встать! Сразу все слышат! Рохман, ты собрался идти за туртушками?

— Он не пойдет на охоту, — возразила Эджегиз. — Мы пришли помогать вам по хозяйству.

— Знаю, знаю, — недовольно проворчал Оразгельды и грозно сверкнул глазами. — Джура привез саксаул. Карасач месила кизяк. Я их выгнал. Разве я собираюсь умирать? У меня еще крепкие руки, есть ишак, верблюды, чтобы самому привезти саксаул. Рохману надо охотиться, а ты пойдешь домой вязать чулок.

— Мы тимуровцы! — заступился Ромка за девочку. — Мы должны помогать старикам!

— Ладно! — неохотно сдался Оразгельды. — Найди-те радиста. Радио молчит!

— Я попробую... Может, исправлю! — Ромка посмотрел на черную тарелку репродуктора.

«Провод, наверное, оборвался», — подумал он. Но пыльная проводка была цела. Мальчик покрутил ручку громкости — репродуктор упрямо молчал. Ромка с досады постучал согнутым пальцем по картону диска.

— Обрыв, наверное.

— Арба порвала, — согласился старик.

— Найдем! — уверенно пообещал Ромка.

На улице он с удивлением огляделся. Нигде не было видно столбов, на которых должна была висеть проводка. Он снова вернулся в комнату. Провод от репродуктора прошел по стене, нырнул в песок и затерялся. «Спрятался, как змея! — подумал мальчик. — Обрыв надо искать в земле!»

— Ну как? — встревоженно спросила Эджегиз, не отставая от Ромки ни на шаг.

— Пустяки! — Ромка, заранее торжествуя победу, достал из глубокого кармана черную коробочку компаса. — Он поможет нам. Будет у нас за миноискатель. Около провода образуется магнитное поле. Посмотришь, если обрыв, стрелка сразу покажет!

«Теперь-то уж он не врет», — подумала Эджегиз, снова удивившись Ромкиным познаниям.

Девочка не видела, как Ромка освободил рычажком стрелку, и она сразу заплясала на острие иглы.

— Смотри!

Заметив колебание стрелки, Эджегиз окончательно поверила, что Ромка говорит ей правду.

— Как ты быстро нашел! — с уважением к Ромке и с завистью сказала Эджегиз. — Здесь обрыв?

Ромка никак не ожидал, что девочка так быстро поверит ему. Он оторопело посмотрел на нее, не зная, что ответить.

— Надо еще раз проверить! — сказал он и опустил компас к самой земле. Незаметно для Эджегиз он зажал стрелку.

Можно было и дальше изворачиваться и лгать, но Ромка вдруг вспомнил слова Оразгельды. Старый охотник поручился за него.

— Здесь нет обрыва, — сухо произнес он. — Поищем в другом месте!

Потом, ничего не говоря Эджегиз, он подошел к кибитке и взял полукруглую лопату. К широкому лезвию были приклепаны бантики ушек. Там, где провод уходил со стены в песок, он принялся копать.

— Рохман, почему ты не смотришь на компас?

— Эх ты, отличница! — не выдержал Ромка. — Знаешь, почему трамвай движется по одному проводу?

А где второй? Надо копать. С компасом я все придумал...

Ромка выговорил все сразу, как будто боялся, что Эджегиз перебьет и остановит его. Девочка растерялась, она не ожидала услышать такое признание.

Ромка не знал, где может быть обрыв: здесь ли, под самой стеной кибитки, или где-то далеко по линии. До колхозного радиоузла было более двух километров, но это его не пугало. Он обязательно должен найти повреждение.

Эджегиз понравилась его настойчивость.

— Рохман, ты знаешь, что Сейдулла Таганмурадов получил письмо из Москвы?

— Нет. А что пишут?

— Профессор хвалит нас за то, что мы посадили морковь по бумаге для колхоза. Назвал опытниками. Предлагает попробовать так посадить хлопчатник.

— А чего пробовать? Ты сама видела сегодня, что нет на грядках салям алейкума. И с хлопчатником получится!

Ромка огляделся вокруг. Кажется, до этой минуты ему здесь никогда так не нравилось. Сердце учащенно и гулко забилося, руки потеплели. Он почувствовал, что полюбил этот аул, горьковатый дым тамдыров, саманные кибитки, высокие песчаные барханы. Его жизнь здесь была так богата интересными событиями и делами. что лучше никогда и не выдумать!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> На новые места	3
<i>Глава вторая.</i> И старики не могут без работы	23
<i>Глава третья.</i> Товарищи	30
<i>Глава четвертая.</i> Поселок в пустыне	37
<i>Глава пятая.</i> Экскаваторы, бульдозеры и зна- менитости	46
<i>Глава шестая.</i> Карадрина	55
<i>Глава седьмая.</i> Хаммат просит помощи	72
<i>Глава восьмая.</i> На канале	82
<i>Глава девятая.</i> Навигация открыта!	93
<i>Глава десятая.</i> Перегон овец	102
<i>Глава одиннадцатая.</i> Подвиг Шурика	114
<i>Глава двенадцатая.</i> Саям алейкум будет побежден	124
<i>Глава тринадцатая.</i> Афганец	138
<i>Глава четырнадцатая.</i> Лучше, чем можно выдумать	154

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Степаненко Владимир Иванович

НА ЗОЛОТЫХ ПЕСКАХ

Ответственный редактор *Е. М. Подкопаева*, Консультант по художественному оформлению *П. И. Суворов*, Технический редактор *Т. В. Перцева*, Корректора *В. П. Кучерова* и *Т. П. Лейзерович*.

Сдано в набор 13/V 1960 г. Подписано к печати 7/VII 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂—5 печ. л.—8,22 усл. печ. л. (8,04 уч.-изд. л.). Тираж 60 000 экз. А07017. Цена 3 р. 40 к. С 1/I 1961 г. — 34 коп. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 3637.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В 1960 году для детей среднего возраста выйдут в свет следующие книги:

- Кожевников В.** — Март — апрель.
Избранные рассказы о Великой Отечественной войне, о людях беззаветной храбрости, удивительного мужества и находчивости
- Волков А.** — Путешественники в третьем тысячелетии.
Пионерская повесть, в которой изображена жизнь станичных школьников во время строительства Волго-Донского канала
- Панькин И.** — Начало одной жизни.
Повесть о мордовском мальчике-сироте, о том, как сложилась его судьба, о жизни среди цирковых артистов и в детском доме
- Маркуша А.** — Земля Цезаря.
Сборник рассказов о людях разных профессий, достойных подражания, о людях, которые ищут счастья и добиваются его в упорном преодолении трудностей.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно заказать книги и через отдел «Книга — почтой» по адресу: Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

